Александр
Матвеев

Дурманящие запахи острова...

рассказы
очерки
путевые зарисовки

у никитских ворот

Москва 2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6,44
С 55

Матвеев А.И.
С 55 Дурманящие запахи острова (рассказы, очерки, путевые зарисовки)/ ИПО «У Никитских ворот», 2019 — 280 с.

ISBN 978-5-00095-716-5

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6,44

ISBN 978-5-00095-716-5

© Матвеев А.И., 2019
© Оформление
ИПО «У Никитских ворот», 2019

И снова Мареев...

Несколько слов
о книге Александра Матвеева
«Дурманящие запахи острова...»

В этой книге Александр Матвеев развивает многие классические темы русской литературы, но делает это с только ему одному присущим этнографическим шиком. Сразу хочется отметить, что на первый взгляд эта книга производит впечатление сборника рассказов, новелл, очерков и эссе, но по сути — это большая целостная вещь, пронизанная не только общими героями, но и арочными смыслами.

Открывается книга «Дурманящие запахи острова» очень занятным текстом об интернет-приключениях уже известного читателю по прошлым книгам, излюбленного матвеевского героя, имеющего многие черты самого автора, бывшего моряка, а ныне любителя путешествий, проводящего большую часть года на Кипре, Мареева.

Любопытно, что за внешней игривостью этой вещи кроются серьёзные проблемы: тут и всеобщая безличность общения «не вживую», и одиночество в сети, которое с каждым годом всё больше гиперболизируется, и человеческие грани общения, переход через которые разрушителен. На достаточно бытовом, исходно не романическом материале, Матвеев выстраивает особые отношения героев, побуждает читателя видеть в них

лучшее, и это приподнимает его прозу над обычной беллетристикой на значительный уровень.

За первой новеллой следует большой цикл «Дурманящие запахи острова», давший название всей книге. Здесь появляется второй герой, давний друг Мареева Александр Обабко. Из этой сюжетной пары, из сочетания их темпераментов автор извлекает максимум сюжетных и композиционных дивидендов. Взрывной, чуть наивный темперамент Обабко, его незлобивость дополняют серьёзный романтизм Мареева. И в их бытование на благословенном Кипре, любимом месте Матвеева для размещения героев и героинь, столько светлого, мудрого, чистого, что тянет попасть в их компанию, поучаствовать в их разговорах. Здесь Матвеев показывает себя убеждённым позитивистом: о каких бы тяжёлых вещах он ни повествовал, тёмные стороны человеческой натуры он ретуширует, не даёт им проявиться на страницах, тем самым выражает надежду, что они будут как можно реже проявляться в жизни.

Внутри этого цикла есть очень пронзительная история о первой любви Мареева, написано настолько тонко и целомудренно, что остаётся в памяти надолго. Равно как образ Мишки, друга юности Мареева, врезается память, хоть сам рассказчик не выделяет его как-то особо. Вся эта пронзительность, весь этот эффект сопереживания рождаются не за счёт спецэффектов, не в силу некоего эмоционального нагнетания, а благодаря точному знанию и безупречному, с художественной точки зрения, показу жизни, где есть всё, и это всё остаётся в памяти людской, и это всё формирует нас и учит нас подлинному чувствованию.

Цикл «Такие разные и такие одинаковые» продолжает серию портретов матвеевских персонажей. Стоит отметить, что все герои книги — люди простые, но при этом примечательные вследствие авторского зрения. Он их творец, он преображает их жизни на своих страницах,

подсвечивает их тёплыми лучами гуманистического отношения к человеку.

Матвеев — прирождённый рассказчик, поскольку ситуации, в которые попадают его герои, отобраны с большой тщательностью. И не имеет значения, сколько здесь вымысла, сколько правды. Всё это воспринимаешь — как происходившее на твоих глазах, а выступающий рассказчиком Мареев видится давно знакомым человеком.

Постепенно в повествование входит Вена. Видно, что этот город так впечатлил автора, что ему не терпится провести через него героев. Здесь как раз вступает в дело тот этнографический шик, о котором я писал в самом начале. Город, его антураж, его архитектурные артефакты участвуют в действии не меньше, чем живые люди. И это создаёт не только нужный объём текста, но и щемящую достоверность. «Покидаю Ботанический сад через боковую калитку, прозаическую, без вензелей и плетёных решёток. Поражаюсь красоте! Великолепный верхний дворец комплекса Бельведер! Внизу нижний дворец, а за ним городские здания, дальше — предгорье Альп. Вид, от которого дух и всё, что ни есть в душе, захватывает! Красота купается в скромном свечении осеннего солнца. По комплексу бродят слегка обалдевшие туристы, прибывшие чуть ли не со всего мира. Что с ними случается, когда они попадают внутрь верхнего дворца, где собраны картины Густава Климта, Эгона Шиле, Оскара Кокошки?»

Если говорить в целом о творческом методе Матвеева, то необходимо выделить несколько художественных обстоятельств. Во-первых, он всегда следует достоверности, никогда не заставляя героев делать то, что нужно ему по сюжету, а ищет возможность убедительно замотивировать их поступки. Во-вторых, найденная им интонация неприхотливого рассказа от книги к книге укрепляется как художественно целостная субстанция. Причём в этой интонации он находит всё новые и новые синтак-

сические богатства. В-третьих, Матвеев из своей творческой вселенной намеренно исключает планеты зла. И это придаёт его прозе особый тон: если бы он был художник, на его картинах всегда бы находилось место солнцу.

И, в-четвёртых, он великолепно владеет искусством формы. То, как он из случайных, казалось бы, зарисовок создаёт цельные циклы, свидетельствует об уровне мастерства лучше всего прочего.

Максим Замшев

Тихие раздумья...

расскazы

Этот дом сумасшедших — фейсбук

Под утро Мареев, почувствовав какую-то тревогу, внезапно проснулся. Пять часов! Скоро-скоро птицы запоют, улица наполнится звуками машин, голосами кипрских мужчин, громких и экспрессивных. Хорошо! Пока ещё ни шума, ни завывания ветра. Из окна — море тихое, на рейде Лимассольского порта — суда в ожидании швартовки к причалу, на горизонте несколько рыбацких шхун. Пляж необычно пуст, туристы спят; а бывало, некоторые чудаки в это время уже выходили на пробежку... От берега выскользнула на воду тень и устремилась к волнолому. Как это возможно? О, так это кто-то стоит на доске, гребёт одним веслом. Это сапбордингом называется. В отблеске лунного света виднелся мужчина на сапборде в широкополой шляпе, с рюкзаком за плечами; вот он добрался до камней волнолома и взбирается на них. Похоже, что рыбак.

Красота! Ранняя весна здесь, на Кипре, как в России на Владимирщине в конце апреля... Температура днём за двадцать пять переваливает, пора купаться, загорать, наконец-то почувствовать всеми «фибрами души» апрельское лето. Весна вылетела, словно пробка из бутылки шампанского, не оставив памяти о себе, но Мареев тут же возразил — оставила, оставила... Разве Ираида Пронская из Коврова не запросилась в друзья через фейсбук? Женщина приятная, хотя на фото выглядит нафуфырен-

ной и, кажется, пытается обольстить его или «развести» на дружбе. Эка важная птица! Муж из князей Пронских, ведущих свой род с XIII-го века...

Но фейсбук — это не поместье князя, куда не каждый доступ имеет. В фейсбуке встречи быстрые и расставания скорые. Нажал кнопку, и, если подтвердили, ты в сообществе помешанных на обмене информацией. Не нравится новоиспечённый дружок — устрани его на веки вечные кнопкой. Но если ты уже «в домике», то на коне: доберёшься куда надо и встретишь кого угодно. Написал что-то в своей ленте — тебя читает полмира, поскольку любителей заглянуть на чужую страницу пруд пруди. И ты читаешь посты друзей, иногда можешь заглянуть в гости к незнакомцу, если его дверь открыта. Такая опция есть, а к фейсбучному другу заходишь легко, не стучась. Меньше года, как Мареев включился в игру, а у него уже больше трёхсот не закадычных, а всё ж солидных друзей; почти каждый день у кого-то из них день рождения; забыл — фейсбук напомнит, как вот недавно о Всемирном дне поэзии: поздравления, поздравления... иногда с непонятным подтекстом. Для некоторых поздравителей Мареев — не поэт, а финансовый эксперт. Тоже не фунт изюма вам, хоть и не из княжеского рода...

Словно из затерянных космических миров, послышался какой-то вкрадчивый шорох и отвлёк от утреннего созерцания мира и осознания себя... Что-то происходит в рабочем кабинете, по соседству со спальней. Что за звуки? В квартиру, закрытую на задвижку изнутри, никому не войти. На балкон тоже не попадёшь, но определённо в кабинете кто-то был. Мареев с опаской вышел из спальни и резко дёрнул дверь — никого! Но экран-то к ночи забытого компьютера светился! Как это, по чьей воле могло случиться!? Мареев взглянул на монитор и застыл! Не может быть! Он в чате и ведёт беседу с Ираидой Пронской, хотя сейчас стоймя стоит и ничего не пишет. Но явь есть явь: обмен приветствиями, вопросы

Ираиды, Мареев читает свой пространный ответ... фантасмагория! Ведь кто-то от его имени выступает в фейсбуке. Однофамилец? Двойник виртуальный? Переписка начиналась как ни в чём не бывало с приветствия Ираиды Пронской, но, ёшкин кот, казалось, что его мозг кто-то протирает фланелевой салфеткой, словно нумизмат монету:

— Всеволод, здравствуйте! Поболтаем?

И ответ якобы его, Мареева, из давнего сновидения:

— Приветствую вас, Ираида! Почему нет? Конечно да!

На синем фоне белые слова, ничего с ними не поделаешь. Да проснулся ли он? Выглянул в окно — море, сапбордист-трансформер разоблачается, взошло солнце и висит в небе красным диском, но пустота и безлюдье... Это реальность. А на мониторе что за чушь? Кто сидит там, в этом ящике (или где-то ещё) и отвечает Ираиде за него? А что, если это компьютерная версия его, Всеволода Мареева? Ведь научились уже сложнейшие комплектующие детали к роботам разрабатывать на компьютере и распечатывать на принтере! Мареев как-то читал, что доктор Ванесса Диаз из Лондона, экспериментируя, создала виртуальную версию больного, этакого человечка, сидящего внутри компьютера? Для чего, кому понадобился его виртуальный двойник? Как-то не по себе стало, Мареев готов был включиться в эту переписку и заявить о себе, настоящем...

На экране монитора, в сером окошечке черными буковками появилось её послание — женщины ли?

— Вы пишете стихи, Всеволод? И прозу? Это так? Сама я — тоже писатель, профессиональный. Сейчас пишу сценарии для ТВ. Тяжелейшая работа. А обо всём остальном можете расспросить Ксюшу, нашего общего «дружочка». Как она вам? Не влюбились ещё в красавицу? А с Розой встречаетесь?

Мареев опешил от натиска женщины, вторгшейся в его жизненное пространство, да ещё при их, что называется, шапочном знакомстве. Так бесцеремонно внедряться в его жизнь?! Его руки непроизвольно потянулись к клавишам, чтобы тут же дать отповедь закулисной мадам. Но уже высветились его ответные строки. Его ли? С ума сойти можно! Он или, точнее, его двойник Виртуал, как в уме прозвал его Мареев, отвечал скучно, подробно и длинновато. Плюнуть бы на всё это, но ему очень хотелось узнать, чем всё закончится?

— Ираида! Я посмотрел в интернете ваш послужной список. Впечатляет количество написанных вами книг. Обязательно найду и буду читать. Да, я пишу рассказы и стихи. Есть кое-какие награды, но я отношусь к ним иронично. Сел за стол — и пиши. При чём здесь награды?

Вашу знакомую Розу, сестру Ксении, знаю, но не очень, встречался с ней на Кипре пару раз по делу и без дела. Я не могу назвать её своим другом, но и ничего против неё не имею. Ксения мне ближе, хотя мало её знаю. Насчёт влюбиться в неё, ну вы и замахнулись! У меня столько друзей женщин! И что?

Спустя какое-то время увидел на ленте ниже письма подтверждение даты «22 марта, 06. 21», что означало — Ираида прочитала! И замигал, замигал точками чат, показывая, что женщина отвечает ему.

«Скорая на ответ, уже строчит! Посмотрим, голубушка, как ты на это среагируешь! Врёт, врёт тебе Виртуал, готов я влюбиться в Ксению, если уже не влюбился...»

— Зачем — во всех, Сева? В одну, в одну влюбитесь! А вообще-то, бывает, что писатель влюбляется в своего героя. Мужчины склонны из любимых ваять сказочных героинь, посвящать им стихи и оды, — утрамбовывала тему Ираида.

Ответ Ираиды — женское понимание любви — рассердил Мареева, но зато сподвиг Виртуала на пространные рассуждения о писательстве:

— Я использовал образ Ксении в моём рассказе как прототип одной из героинь. Не знаю, как она к этому от-

несётся, если прочитает рассказ и узнает себя. Конечно, проза — не пересказ жизни наших соседей или знакомых... Прежде всего — это фантазия писателя. Понимаете? Реакция реальных людей на образы, бывает иногда и не совсем адекватная. Как-то человек, прочитав мой рассказ в рукописи, стал учить меня и подсказывать, как следовало построить повествование. В другом рассказе я взял за прообраз героини Манану, грузинку из Лимассола, поведав историю любви и предательства. Так она собрала всех своих подруг на Кипре, и они читали историю вслух. После прочтения женщины наперебой принялись выкрикивать, что их мужья, в отличие от главного героя, не способны на предательство... Чужая душа — потёмки, да ещё какие: хотя есть женщины, у которых душа — нараспашку, светится.

Мареев опустился на стул. Этот Виртуал довольно точно отражает его мысли. Но как длинно, монотонно он пишет. Но вот, что интересно, — Виртуал ловко скрывает отношение Мареева к женщине. Ксюша... Да, было дело — он познакомился с ней в самолёте, рядом сидели, и потом ещё пару раз встречались, в таверне обедали... Стали друзьями там же, в фейсбуке, на странице Ксении он встретил Ираиду Пронскую. Предложила подружиться... Да что же это такое? Кто в фейсбуке действует под его именем? Ираида отвечает ему, Марееву! Неужели и вправду — это происки Виртуала? Но кто? Кто создал Виртуала?

Обескураженный Мареев не знал, что и думать. Почему он или его виртуальный двойник оправдывается, мол, влюблён или не влюблён в Ксению? Какое её, Ираиды, дело? Хотя Ксюша Левандовская — с виду очень даже чувственная дама! И, положа руку на сердце, нравится ему, да...

У иных женщин прямо звериная интуиция, сразу определяют соперниц! Ишь, засуетилась Ираида... Ещё ни разу не встречались, а уже пытается какие-то

свои права на него, Мареева, заявить, иначе зачем эти вопросы?

Но ведь это не он, реальный человек, отвечает Ираиде. Чертовщина какая-то! Вот его страница в фейсбуке, вот его послания Ираиде... Это его статусная фотография. Да, он на фотографии, он! Вот Ираида, чернявенькая дама за сорок! Этот Виртуал очень похож на него, изъясняется... хотя переписка «в личку», но вдруг всё-таки дойдёт до Ксении? Да и эта самая Ираида рада будет сообщить ей. А как потом разобраться, где он, Мареев, а где Виртуал?

«Какого чёрта лебезишь перед этой бабой? Какое ей дело до моих отношений с Ксюшей! Подозрительно это», — прикрикнул Мареев на Виртуала, как будто тот сидел перед ним и прислушивался к его мыслям.

Ему показалось, слышится из-за экрана монитора потусторонний ответ: «У этой сценаристки фантазия зашкаливает!»

На экране появились новые строчки риторики Ираиды:

— Сева, я рада, что вы — творческий человек. У меня, конечно, нет такой популярности, как у вас. Поклонники и поклонницы иногда пишут мне, но... Редкий случай, когда хочется с кем-то сдружиться, погулять-выпить. Розу и Ксюшу мы с вами уже обсудили. Ксюша мне тоже намного ближе. А вот на Кипр я не поеду — ни за что! Ведь это Остров брошенных жён. Так считают женщины в России. И страшно: однажды Роза выслала мне фотографии своего сада, на одном из снимков была огромная чёрная гадюка. Роза сказала, что на острове гадюк много. Не люблю я змей! Да и жаркий климат мне не подходит, а ещё на острове какие-то сумасшедшие ветры, то ещё что-то экстремальное случается: пожары, взрывы... А вы — молодец!

«Вот-вот, я уже для неё Сева! Да пошла ты вон со своими рассуждениями о поклонниках и поклонни-

цах! — разозлился Мареев. — Не хватало ещё с тобой гулять-выпивать?! Сама ты та ещё гадюка!» Словно пересохший сорняк с грядки, Мареев вырвал электрический шнур из розетки, пощёлкал кнопками, чтобы отключить компьютер от блока питания, и лёг спать. В последний момент пытался вспомнить что-то важное, но провалился куда-то в тартары.

Фантастичные монстры с уродливо выпученными глазами и зубастыми акульими пастями лезли к нему с поцелуями... Чешуйки панцирей лязгали, щёлкали при движении уродин и люминесцировали... Особенно донимала одна гадина со светящимися буквами FB на лбу... Мареев увёртывался от неё как мог, понимая, что если она присосётся поцелуем, то втянет его в себя, живым ему уже не выбраться.

«Ираида!» — вырвалось у него от ужаса, но нет... никто его не видит, не слышит и не отвечает ему никто. Музыка — сплошной металлический грохот; чернявая толстая рэперша, выпучив глаза, истошно выкрикивает слова, видимо, вкладывая в них понятный только ей зловещий смысл:

Океан бурлит, и нутро его пучит,
Пена клубится, ползёт и рычит;
Реки солёные, грохот излучин;
Камни белеют глухих городов...
Птицы на скалах овцами блеют,
Мечется горлица в небе пустом,
Ветры песчаные с Запада веют —
Хаос застал твою душу врасплох!

И он запаниковал во сне. О чём она? Конец света? Компьютерные чудища победили человечество и правят на Земле? И нет ничего живого вокруг, кроме его, Мареева, души, и мечется она птицей в пустынном небе? А люди где? На другой планете? Западные ветры? Как по-

нимать? От грохота музыки, от визжащего рэпа заложило уши, но осталось ощущение, что его голову сверлят... Как спастись? И Мареев непроизвольно принялся во сне шептать: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое; победы православным на сопротивныя даруя...»

Проснувшись в липком поту, весь дрожа, Мареев услышал стрекот сороки в кабинете. Компьютер действовал, хотя на экране — пустошь. Но как только Мареев впихнул вилку в розетку, всё восстановилось в жанре принятого «трёпа», ответ Виртуала Ираиде оказался мягким и покладистым:

— Ираида, насчёт безмужних жён на Кипре — о, как вы правы! Но и мужчин-киприотов тоже много, как много на острове и змей. Мужчины всегда готовы оказать внимание даме. Общительные и весёлые, они ищут женщин, бледнолицых и белокурых. А змей хотя и много, но их редко видишь — прячутся от кошек, а котов не боятся: те уж очень ленивые, чтобы за змеями гоняться. Я в прошлой жизни — кот!

— Некрашеная шатенка — это я! Значит, не грозит мне внимание мужчин-киприотов. И сама я из породы кошек, любопытно, что коты у вас бродят сами по себе...

Виртуал тут же среагировал в своём скучном стиле:

— В древние времена царица Елена, мать императора Константина Великого, отправилась на Святую Землю, чтобы найти Животворящий Крест. На обратном пути посетила Кипр. Увидев, как много опасных змей на острове, она приказала доставить на Кипр целый корабль кошек, чтобы те уничтожали гадюк. Вот кошки и расплодились на воле, живут сами по себе. Я даже описал одну в рассказе «Рыжий котяра». У Розы, как я помню, котов нет, а гады плодятся. В остальном всё хорошо, даже климат замечательный на острове! Жаркие месяцы — с середины июля по сентябрь. Зима — комфортная, я купаюсь

в море! Цветы — круглый год, фрукты. В горах прохлада в жаркие полдни. А виды какие! Диво дивное.

Не зря Виртуал повторял известную на Кипре побасёнку о появлении мурлыкающей братии на острове, но Ираиде хотелось доверительного разговора не о кошках, а о мужчинах, пропади она пропадом со своей болтовнёй:

— Так что же, кипрские мужчины — ненадёжные мужья?

— Нет, я бы сказал, они хорошие мужья, любят семью, детей, своих жён редко оставляют. Зачем? Жена — для дома, любовница — для услады! А наши сперва жён привозят на остров, а потом обзаводятся юными подружками и оставляют стареющих северянок; такое своеобразное хобби у внезапно разбогатевших мужчин — бросать надоевших жён и жениться на молоденьких секретаршах.

«О, этот Виртуал на что-то намекает Ираиде! Проговорился, голубчик! Я-то ничего такого о ней не знаю», — думал Мареев, но не мог пока додуматься, что за намёк?

— Вы меня уговорили, Сева! Готова я для визита дружбы, но без мужа, а то вдруг уведут там моего князя Пронского, — поддакнула Ираида.

— Приезжайте, Ираида! На Кипре — «вечное лето». Я встретил здесь много друзей и с Ксенией познакомился, летели вместе и вино пили, а через неё — уже с Розой... вот теперь с вами.

Экран монитора стал почти бирюзовым! Раздражённый репликами Виртуала Мареев окликнул его громко: «Виртуал, прекращай болтать с ней! Не видишь, она тебя раскручивает на откровенность, а ты развесил уши и веришь ей, этой прожжённой сценаристке! Судя по дурацким сериалам на ТВ, вот такие, как эта Ираида, и пишут высосанные из пальца сценарии. Ксюша, Роза!.. Что ты о них знаешь? Почему распинаешься, дифирамбы поёшь?»

И в ответ голос, как будто из небытия: «Женщины они — и тем правы!»

А на экране появился ответ от Ираиды:

— Сева, видно, что вы — молодец и большой жизнелюб! Нет, пока не могу на Кипр прилететь. Средств нет, чтобы вот так... круглый год. Ксюшу туда муж отправляет пожить, Роза как-то по-своему устроилась в этом мире, как могла. А я — наблюдатель, хотя и почти классик мировой литературы, как выражается Ксения, ваша любимица!

«Ишь ты, хитрая какая! Денег нет! Зато князь-муж есть! — комментировал Мареев фланговый манёвр. — Похоже, она завидует Ксюше и Розе!»

А интернетный Виртуал гнул свою линию и гнул, но осторожно: этакий дружелюбный мужчина, раздающий бесплатные советы понравившейся женщине.

— У вас на Кипре, Ираида, теперь друзья: та же Роза, значит, остановиться есть где. Проживание (питание и прочее) на острове дешевле намного, чем в Москве. И главное — солнце бесплатное, море бесплатное; пейзажи великолепные — любуйся не хочу; остров благолепия, подарок царя небесного. Возможно, здесь ещё не ступала нога жён потомков князей Пронских... Первой будете.

«Какого чёрта распинаешься, идиот?! Зачем тебе этот молодящийся „классик мировой литературы“ на Кипре?» — шерстил в сердцах Мареев, хотя тут же пожалел, что так нелицеприятно отозвался о даме, не молодой, но всё же...

— Сева, время покажет, может, меня и занесёт судьба на Кипр. Но у Розы я жить не буду, мы же ни разу не виделись, не молоденькие тётки, у каждой — свои привычки и моментики. Зачем же стеснять друг друга?

— А я? Разве я не ваш друг, Ираида? — тут же нашёлся Виртуал.

Мареев от возмущения аж подпрыгнул на стуле: «Ты что? Приглашаешь её на Кипр? На кой ляд она мне здесь, эта баба? Я не подписываюсь под этакой прокламацией!»

Но Виртуал продолжал убеждать, возможно, самого себя:

— Приезжайте, Ираида. Я сниму для вас номер в гостинице. Вместе походим по вечернему Лимассолу. Я не люблю один ужинать в тавернах, делаю это редко, только с собутыльницами. Я сам себе повар, придумываю меню. Например, беру местные овощи, мелко режу и варю в большой кастрюле. Затем добавляю крупно порезанную рыбу. А вы как? Доверяете готовку графу? Сам я по жизни не наблюдатель, а участник... Всё новое люблю пробовать, на вкус и на ощупь. Удовольствие! Экстаз, приправленный вином!

— Что же ты врёшь?! — вскричал Мареев. — Я почти не пью! А ты — «с собутыльницами»!!!

Хотя словечко «собутыльницы» возмутило, но следует признать: «Этот Виртуал всё знает обо мне. Получается, что он — это я, а я — это он! А я ничего не знаю о нём. Откуда он взялся? Ему даже известно, что я люблю рыбный суп!!!» Потом до Мареева дошло, что Виртуал знает и о его тайной страсти к Ксении Левандовской! А если разболтает? Ведь этот фейсбук, словно большая старая калоша-коммуналка... Да что там коммуналка! Сумасшедший дом, в котором никто ничего не скрывает, все — на виду и всё — на виду. Что с сумасшедших взять — говорят, что на ум придёт! «Нет, нет... в фейсбуке люди искренне делятся своими мыслями, — возразил сам себе Мареев. — Что взять с Виртуала, двойника, и куда посадить или поставить в какой угол?.. Хитрит, ловчит, отделывается витиеватыми фразами, на мою ругань не реагирует, а чешет правду-матку, и не поймёшь — откуда и почему, ведь краснеть не умеет. А Ираида — чертовка...» Но дальше, словно чувствуя нечитаемые мысли, сама Ираида прервала Мареева, продолжая ворковать в чате, как ни в чём не бывало:

— О рыбе с овощами очень вкусно написали вы, Сева! Лето я обычно провожу на своей даче, на Владимирщине. У нас такой уклад жизни — живём всей семьёй в лесу, у реки, и принимаем гостей. Вы же так далеко, что никогда не доедете до нашего леса... Да будет вам известно, у князей Пронских всегда были большие семьи. Вот я и кручусь, как белка в колесе. Так что наш с вами Кипр пока ещё только в образах можно представить — далёкие и незримые планы...

«И слава богу, что далёкие!» — вздохнул с облегчением Мареев.

— Удачи вам, Ираида! Если боитесь кипрских змей, то я готов вместе с вами полететь на Сейшелы или на Мальдивы, с превеликим удовольствием. В творческую командировку! Как вам эта идея, Ираида? Приглашаю вас! Возможно, в четыре руки напишем роман о любви, возникшей в фейсбуке? — продолжал изощряться в словесном блуде Виртуал.

«Свинья, — не выдержал и закричал Мареев. — Кто тебя просит? Мне Ксюша по душе!»

Но призраки из фейсбука то ли слышали, да не слушали и вели свою игру.

— Спасибо, Сева! Заманчиво! Может быть, всё может быть когда-нибудь.... У вас, как я вижу в фейсбуке, бурная жизнь?

— Так я же моряк! Капитан дальнего плавания!

«Виртуал ты, а не моряк, — возмутился Мареев, — это я — капитан дальнего плавания! А тебе, кроме Ираиды, ничего не светит! Разве только какое-нибудь озеро Злыдарь из владимирской глубинки!»

— И, чувствую, не раз брали объекты на абордаж! Шалун! — игриво предположила Ираида. — Но Розу почему не любите? Может быть, я не полюблю ваши стихи или прозу.

«Начинается... Да она уже готова! Ей уже хочется, чтобы её взяли на абордаж, что ли? Эка дурёха-писательница!» Мареев собрался отрубить компьютер от электричества, но любопытство опять сбило его с пан-

талыку, он остался у экрана, взъерошенный и негодующий. А дама вовсю кокетничала в чате; без длинных пауз, словно навсегда там поселилась. «Ух, жуть — египетская сила!» — ругнулся в сердцах Мареев, а Виртуал — само терпение:

— Конечно, может быть такое! Всё может быть, да и ещё сверх того. Даже с Пушкиным было, а Гоголю собственное сочинение опротивело... Предположение, что я не люблю Розу, — ваше творчество.... Хотя в этом что-то есть! Роза — сродни роману, стоящему на полке много лет и ещё даже не разрезанному.

«Обалдел Виртуал, что ли? К чему эти слова о романе? Что я, собираюсь читать эту книгу?» — негодовал Мареев, сжимая и разжимая кулаки. А Ираида продолжала вести разговор по своему сценарию:

— Сева, у меня в друзьях есть писатель Анатолий Головкин, давно живёт в Израиле, в кибуце. Полюбопытствуйте заглянуть к нему на страничку в фейсбуке. Вот его проза мне нравится. А вам? Если ваша проза похожа на его вещи, то есть шанс у вас говорить со мной как с коллегой. О Ксюше вы всегда говорите возвышенно, среди нас, троих, она самая красивая. А с Розой, что не так?

«Напрашивается на комплимент? И с Розой носится — как дурень с писаной торбой... Какой такой Головкин? Это так она кирпичи кладёт в постамент своего «я» с челядью внизу типа Головкина... Что же ты так обмишурился, Виртуал долбанный?» — злорадствовал Мареев.

А Виртуал продолжал разглагольствовать:

— Мне всегда интересен другой человек, в особенности женщина. Для меня — это другой мир, неразгаданный, таинственный и часто непонятно-сложный. У меня нет друзей среди писательниц и поэтесс, а почему? И для меня загадка... Что касается женщин, то каждая из них красива по-своему! Вспомните историю Черубины де Габриак!

«Придурок, что ты так расшаркался перед этой псевдокнягиней? Ишь, на банальности перешёл. Каждая женщина красива по-своему! — передразнил себя, виртуального, Мареев. — А Лилю Дмитриеву зачем приплёл? На дуэль поэтов Волошина и Гумилёва намекаешь?» И правда — что за намёки? Возможно, Ираида — хромая, а Виртуал знает об этом? Или Ираида — фейсбучный фейк??

Но тут-то покоробил очередной перл писательницы:

— А если дама весит 100 кг? Она хромает от артрита, у неё вставная челюсть, по ночам храпит как одесский биндюжник? Зачем же говорить, что некрасивых тёток не бывает? Я — за реализм. Понимаете?

— И такая женщина — не монета дорогая, затёртая, музейная, а человек! — не остался в долгу у партнёрши Виртуал.

Диалог в чате затягивался, сплошные унылые банальности, морось... Мареев приготовился закрыть фейсбук и выключить компьютер. Но мадам Пронская выдала такое, от чего он аж подпрыгнул на стуле:

— Да, я вижу людей насквозь, от этого и страдаю. Вам, Мареев, меня, наверное, не жаль — нисколечко...

Марееву почудилось, что где-то там, под Ковровом, навернулась слеза горючая из крупных коровьих глаз и покатилась по одутловатой щеке...

Экран компьютера окрасился в какой-то жгуче-коричневый цвет. «Ну тётка даёт! Да кем она себя возомнила? Ясновидение?! — подумал с возмущением Мареев и тут же, не выдержав, вскричал: — Виртуал, выдай ей как следует, чтобы не зазнавалась эта статуя из камня и дерева с коровьими слезами!»

И опять тот же голос — беззвучный, но явный, словно в собственной голове родился: «Капитан, имей терпение!»

А Виртуал с прежним пылом уламывал Ираиду :

— В этой жизни общение свободолюбивых дорогого стоит, проницательная вы наша! Наша! И мне очень хо-

чется встретиться с вами, посмотреть в глаза... Остальное — «суета сует, всё суета». Не раз я убеждался в этом. Хорошего дня вам, Ираида Пронская!

«Мог бы и похлеще ей ответить! По-моему, ты, друг мой, Мареев из компьютера, уже почти раскусил её! Беспардонная особа! Из тех, кто чуть ли не княжеского рода с патентом! Прохиндеи! Но зачем, зачем ты предлагаешь ей встречу?» — Мареев был готов придушить этого болтуна из фейсбука, иначе ему самому, что ли, надо удавиться?

Целый день Мареев находился под впечатлением переписки его виртуального двойника с Ираидой Пронской с клязьминского пляжа! И голос... Такой знакомый, слегка надтреснутый, очень похожий на его, Всеволода, голос.

Днём Мареев опять зашёл в фейсбук. Текст предрассветной беседы с Ираидой сохранился. Чудеса в решете!

Весь тревожный и суетный день доставали мысли об Ираиде, Виртуале... После захода солнца он долго гулял на набережной Лимассола, чтобы сон нагнать, но всё равно спал плохо. Опять приходила Ираида в сиреневом пеньюаре, толстая, килограммов под сто, с распущенными чёрными волосами, но спокойная как Будда. Сидела у изголовья и посыпала его голову пеплом. Мареев физически чувствовал, как пепел невероятным образом проникает в его мозги и оседает на них сизой пылью. Но вдруг Ираида подняла голову кверху, закатила глаза и ликующе завыла волчицей:

Увау-у-у-у-у, уау-у-у-у-у...
Сегодня океан вернулся,
Наступает вода, тонут города...
Уау-у-у-у-у, увау-у-у-у-у....

Было невозможно слушать это жуткое завывание, и он в ужасе вскочил с кровати. Пять утра. Несмотря

на ранний час, Мареев оделся и, не заходя в кабинет, отправился куда глаза глядят. Шёл и повторял, потирая голову: «Не одно, так другое. К чему эти ужасные сны?»

Дул свежий весенний ветер, не сильный, но на море образовались барашки.

Мареев и его старинный друг Михалис обедали на веранде таверны, вблизи лимассольского отеля «Элиас». Безмятежное настроение. Весна и на Кипре — весна, обычная и неповторимая! Несколько деревьев у таверны покрыты нежными бело-розовыми цветами. В море, вблизи берега — сапбордисты.

— Михалис, а ты умеешь на доске кататься, как вон те ребята?

— Мне — зачем? Бесполезное дело. И легко сковырнуться с доски в воду. Путешествие из опасных, далеко в море не поплывёшь. Рискованно.

— Ты прав, Михалис! В море ведь и акулы встречаются, и разные другие морские гады...

Мало-помалу разговор переключился на фейсбук, и Мареев рассказал другу о странном приключении — встрече с неизвестной писательницей Ираидой и с неким существом, вступившим с ней в переписку от имени Мареева. Куда делось благодушное настроение Михалиса, он посуровел, озабоченно сказал:

— Всеволод, фейсбук — не такое безобидное место, как нам может показаться. Предполагаю, что в интернете специально выделена такая площадка, где собраны нужные кому-то люди. Легче манипулировать ими через дружбу и разные чаты. Это изобретение дьявола (не иначе) — виртуального или земного; всего там намешано, каждой твари по паре, как говорится: спецслужбы, хакеры и просто виртуальные хулиганы. Возможно, эта сценаристка использует фейсбук для поиска героев своих опусов? Глядишь, потом появится в том же интернете какой-нибудь сериал с соответству-

ющим названием «Этот дом сумасшедших — фейсбук»?

— И что же мне делать?

— Пойти в церковь, помолиться и поставить свечку во здравие всех друзей: реальных и виртуальных. Авось Господь сжалится и поможет от напасти избавиться? Но и сам, Сева, что-то сделай. Убери её из фейсбучных друзей — вот и всё.

Мареев не поверил Михалису, а зря! Последующие события показали, сколь мудр был Михалис.

Вечером он не включал компьютер, но спать лёг позднее обычного. И опять ужасный сон — появилась нагая и потная Ираида со старинным серебряным подносом; подобно бельэтажу, он располагался на её необозримом бюсте. Ираида брала с подноса горсть серого песка и посыпала им голову Мареева... И он чувствовал, как песок просеивается через коробку черепа и оседает на мозгах, вызывая жжение. Вот наконец Ираида отступила от него, развернулась и медленно пошла к двери, Мареев даже зажмурился, чтобы не смотреть на её медузоподобный зад, но скоро он сообразил, что всё видимое и движимое — сон, и заставил себя проснуться. На настенных часах ровно пять утра. Что происходит? Почему Ираида посыпает его то пеплом, то песком? Хоть петь перестала и отступила сама...

И вновь... шорох и попискивание в кабинете.

«А плевать на дурацкий сон, — вздохнул Мареев, — пойду! Посмотрю, о чём они тараторят там!» Они? Ведь это он, Мареев, участвует в этой нелепой переписке со взбалмошной женщиной! Экран монитора светился салатовым цветом, с появлением Мареева как-то сам по себе включился фейсбук, и в чате Ираиды стали появляться строчки — как обычно, чёрные буковки на сером фоне.

— Всеволод! Не спите? Приветствую вас!

«Поспишь тут... — подумалось Марееву, — какого хрена пристала ко мне? Что надо?» А вдруг она на самом

деле — тоже компьютерный двойник Ираиды Пронской? А вдруг это персонаж из её книги «Мой герой с Чукотки»? Мареев видел обложку и титул этой книги Ираиды, но читать не стал, глаза берёг.

А на экране тем временем пошло-поехало всё по-прежнему, словно и не было перерыва.

— Доброе утро, Ираида! Я посмотрел ленту Анатолия Головкина. Сразу скажу: он — не мой писатель! Так бывает, даже известные и раскрученные люди, кому-то всё-таки неинтересны. Вот вы мне — по душе... Для меня вы — прежде всего женщина, Ираида! В этой жизни, кроме сценариев и прозы, есть ещё много чего. И женщин я люблю. Хотя не всё так однозначно, правда! Среди них есть и авантюристки, и интриганки, и сплетницы, а писательниц полно с их коллективным героем с Чукотки или ещё откуда-нибудь... Эти дамы — словно машины по производству текстов, выпускают и выпускают свои опусы, построенные в основном на примитивных сюжетах и диалогах... Да и графоманов мужиков, с мозолями на пальцах от клавиатуры — хоть гать гати... В силу своих дарований я пытаюсь исследовать нашу жизнь с женщиной в центре Вселенной. А не махнуть ли нам, Ираида, в Японию, в древнюю столицу Киото?!

От возмущения Мареев чуть не окаменел! Что этот фейсбучный проходимец вытворяет?! Есть у него, Мареева, планы отправиться в Японию, но... с Ксюшей. Он не выдержал и закричал: «Какого хрена! Я с Ксюшей хочу в Японию! Сам с этой Ираидой и отправляйся!»

Опять послышался ответ: «Не возникай! Дамы скандальных не любят!»

И Мареев умолк, покорно уставившись на экран! Ответ Ираиды его уже не удивил:

— Всеволод, вы — романтичный моряк! Никогда ещё так круто меня не брали в оборот — никто! Вы — первый такой оригинальный, но мой вес, предупреждаю, 100 кг.

«Готова, голубушка! И про вес ввернула, чтобы интригу усилить... А что? Можешь, можешь дамочкам очки втирать, братец из фейсбука! Ты — ещё тот Виртуал, артист, я виноват, не сразу въехал в твой подтекст... Размякла писательница. Готова к приключениям. А как же князь-боярин Пронский?! — Мареев обратился к своему двойнику с одобрением, словно он сидел рядом с ним. — Плевать нам на князей настоящих и липово-фейсбучных!»

Марееву показалось, что он в ответ слышит смешок: «То-то... А я что говорил!»

Мареев был готов уже выпалить о явлении обнажённой Ираиды во сне, но Виртуал прощался с партнёршей:

— До завтра, Ираидочка! Хорошего дня!

«Ишь, завтра он ей напишет... А меня спросил?» — буркнул Мареев и нажал на кнопку перевода компьютера в спящее состояние. Экран замигал серым цветом и погас. Накрыв монитор одеялом и обложив его подушками, Мареев ушёл досыпать.

* * *

Прошло три месяца!.. Три месяца без сумасшедших — Ираиды, интернета, без кошмаров во сне и наяву. Он запретил себе входить в сеть липкой всемирной паутины, чтобы не нарваться на каких-нибудь пауков или паучьих, провёл всё это время в Москве. К осени опять вернулся на остров, включился в фейсбук. На странице Ксении Левандовской полюбовался её фотографией — ниспадающие на плечи волосы золотистого цвета, глаза восторженно-удивлённые... Много новых постов — портреты музыкантов, виды Балтийского побережья, оригинальная музыка, японская поэзия... Последний пост — нарисованный куст цветущей бархатистой сирени и танка Аривара-но Нарихиры:

Под дождём я промок,
но сорвал цветущую ветку,
памятуя о том,
что весна окончится скоро,
что цветение недолговечно.

«Нравится Ксюше этот японский донжуан из императорского рода. А ведь больше тысячи лет стихам», — думал Мареев и не удержался, чтобы не написать в комментариях лучшие строчки японского принца:

Я вновь и вновь хочу спросить,
Меня ты любишь ли?
А дождь,
Что знает всё,
Лишь льёт сильнее...

Отправил послание и испугался: «Разве Ксения ждёт от меня подобных экзерсисов?»

Ночью во сне опять явилась Ираида в белом медицинском халате и стала осыпать его голову пудрой, пахнущей мятой. Мареев представил, как порошок проникает сквозь черепную коробку, и... ему во сне стало страшно. А запах мяты становился всё резче и резче, терпеть было невозможно. Дрожа всем телом, Мареев вскочил с кровати. «Опять сон похожий! Пудрят мозги! Значит, дурят! Не иначе — ангел хранитель меня предупреждает!» — молнией промелькнуло в голове.

За стеной громко повизгивал компьютер. Пять утра!

Мареев испуганно и обречённо смотрел на экран, светящийся угрожающе красным цветом. Появилось сообщение от Ираиды Пронской:

— Мареев, прочитала ваше послание Ксюше... И какой стишок подобрали! Вы в неё точно влюблены! Но этой фотографии более четырнадцати лет! Она теперь, как вы сами понимаете, выглядит немного по-другому.

Да и вы, уверена, в жизни другой, чем на аватарке. Вы собираетесь к ней в Калининград? Молодец! Не разочаруетесь? Уверены?

Мареев ждал, что двойник начнёт ей отвечать, но... ничего не происходило. И тогда он решился ответить сам:

— Ираида, спасибо на доброй мысли. Что наша жизнь? Игра! А интернет — тройная игра. Я люблю делать женщинам приятное. Между прочим, я только что прилетел на Кипр.

— Я помню вас и то, что вы любите Кипр, Всеволод. Когда мы с вами имели короткую переписку, вы саркастически отпустили что-то в мой адрес. Я думаю, что вы всё-таки человек вредный, ускользающий игрун.

«Игрун? Словечко какое! А ещё писательница!» — подумал Мареев, но ответил даме в слегка шаловливом тоне:

— Ой-ой-ой... Игрун? Заманчиво звучит... Но я — не публичный человек... И тень мне больше по нутру!

— А я люблю быть на свету. И мужу помогать люблю. Он не только князь Пронский, но и геолог, и талантливый скульптор. Я — организатор его художественных выставок. Что касается вашей неприспособленности к публичности, то... не очень верится. Я вижу в ленте ваши снимки, где вы прижимаетесь к редакторшам в нескончаемых застольях, что наводит на размышления...

— Редакторшам? Я люблю застолья как всякий русский Иван!

— Поскольку у вас ещё и украинские корни, Всеволод, значит, вы — Иван-хитрован ещё тот! Я вам советую бочком прижиматься к Союзу писателей России. Это будет как орден или медаль. А мужчины ордена любят!

— Перед вами, Ираида, искривлённое зеркало, в котором видятся украинцы. Они такие же, как и русские, но есть в сёлах и хитрованы, в хорошем смысле слова: смекалистые и весёлые, скорые на шутку. Что касается — прижиматься к Союзу писателей... Ведь он не женщина!

«Куда ты, братец-двойник, подевался? Давай, игрун, включайся в игру, назвался Мареевым, пригласил даму на свиданье, так и выкручивайся сам», — Марееву надоела новая фаза диалога глухого со слепой, он никак не мог заставить себя сменить тему разговора. А дама продолжала рассуждать о звёздных писателях, академиках и наградах из казённого мешка.

— Для мужчин награды имеют значение большое. Особенно для писателя! И, как я знаю, у вас они есть: медали, дипломы, грамоты... Мир слухами полнится.

— Я ничего не просил — ничего!

— Но вам давали, и вы брали. Вы — человек определённого круга. Разве не так? Вот вас и награждают. Но ваши стихи, которые я читаю иногда в ленте, недостаточно лиричны, значит, с женщинами не получилось, я в этом разбираюсь чуть тоньше вас. Только без обид, Всеволод!

Весна бежит ко мне с восторгом,
Средь снега крокусы цветут,
Вновь птичьим гвалтом сад наполнен,
Траву сухую рядом жгут...

Где здесь лирика? Зарифмованное описание природы... 19-й век, дорогой Сева!

Марееву стало обидно: за себя, за свою лирику, за композиторов, которые сочиняют музыку, за артистов, которые поют песни на его стихи.

Писательница-душеспасительница вдруг предстала душеприказчицей... Будто ушат ледяной воды вылила. И где здесь критика?! Мареев уже плохо понимал, что дело совершенно не в его стихах, а в Виртуале... Ираида ждала продолжения разговора о Японии, о каких-нибудь Мальдивских островах, где знойные ночи с огромными и близкими звёздами, где засыпаешь под шум океанской волны, звучит загадочная музыка с барабанной дробью,

и под эту музыку извиваются в танце мускулистые тела аборигенов. Неважно, будет ли поездка в Японию или на какие-нибудь острова за экватором, но... даме хотелось, чтобы длились мечты и диалог с удачливым фейсбучным двойником Мареева. И он, всамделишный и живой, снова пересилив себя, среагировал будто механически:

— Без обид, но с любовью... Название нового вашего романа? Эх, Ираида, как вы правы! Лирику в поэзию привносит любовь. Да, показанные в ленте последние стихи, скорее всего, об одиночестве... — начав за упокой, тут же перевёл разговор во здравие, — ваш муж, Ираида, из рода то ли бояр, то ли князей Пронских? Не так ли? Но, как известно из истории, этот род иссяк во времена Ивана Грозного! Или какая-то ветвь сохранилась и тянется до нашего времени, если верить грамоте из ООО «Княжеские титулы»?

— Да пошёл ты, знаешь куда? Знаешь! — Ираида употребила крепкое словцо. — Какое твоё дело до моего мужа?! Эй, ты! Петух из курятника под названием фейсбук, где курицы — и те с ума посходили! Не хватает символов из Facepalm, чтоб выразить моё презрение!

«А кто здесь курица? Челодлань-челодрянь! — машинально прошептал Мареев. — Сама себя выдала! — и механически продолжил в рифму: — Ида-Ида-Идаида, от чего твоя обида?»

Тут же в окошке Ираиды высветилось и даже послышалось:

— Болван, не коверкай имя! Правильно — Ира-Ира-Ираида!

Фейсбук закрылся, а экран компьютера продолжал светиться зловещим бурым цветом. Мареев какое-то время тупо смотрел, не понимая, что происходит. Откуда эти голоса? Виртуала, Ираиды... Она слышит его? А может, и видит? Тотальный контроль? На что обиделась? И была ли в фейсбуке Ираида? А если от её имени в переписке участвовал какой-нибудь двойник? «Двойничиха»? Виртуалка? Кто придумал этот безумный сценарий? Ираида? Чего она добивалась?!

Что случилось дальше, Мареев потом будет вспоминать с ужасом. Он обнаружил себя в какой-то допотопной старой кровати, с головой покрытым стёганым байковым одеялом. А может, и не байковым, и не стёганым, но он отчётливо ощущал эту материю, пока не отбросил её и не увидел себя на экране вставленного в низкий потолок компьютера. А рядом — черноволосая женщина с огромным бюстом и совершенно нагая. «Что это? — ужаснулся Мареев, — кинофильм? Но как этот мужик на меня похож!?» Тем временем экранная дама, похотливо улыбаясь, привстала с кровати и потянулась к мужчине целоваться. Мареев пошарил рукой, ведь должен быть рядом пульт, надо выключить этот мерзкий фильм, но... наткнулся рукой на мягкие и податливые груди... на экране отражалось то же самое. «Зеркало это, — мелькнула мысль, — а женщина — настоящая!» Закрыл глаза, чтобы переждать наваждение, но ясно ощутил, как шершавый язык облизывает его лицо... И вдруг... укус! Она его кусает?! Больно! Мареев открыл глаза и увидел в зеркале под потолком уродину с акульей пастью, на лбу светятся буквы FB, и себя увидел — перепуганного и жалкого. Ему стало так страшно, что он истошно закричал во сне и заставил себя проснуться, резко вскочив с кровати, ударился головой о потолок, искры посыпались из глаз — всамделишные, да ещё и словно бы солоноватые.

На голове образовалась шишка, было действительно больно. Сердце бешено колотилось, никакой кровати, никакой женщины! Экран компьютера продолжал светиться противным бурым светом и похрюкивать. Мареев лихорадочно постучал по клавишам и прекратил ужасное похрюкивание. Какое-то время оставался неподвижным, пытаясь понять, что это было? Потом сообразил, что задремал он сидя, и вот опять Ираида явилась... «Пакость такая... Опять приснилось! Ишь чудище какое!

Смертельным поцелуем грозила во сне?!» — недоумевал Мареев. Но никак не смог сообразить, отчего шишка на башке? Спасаясь от Ираиды, подскочил метра на два до потолка и ударился головой? И лицо всё мокрое от её поцелуев или слёз собственных, горючих? «Да сон это был, сон, а во сне расслюнявился!» — решил Мареев. Решил-то решил, но как в такое поверить! Может, на голове ничего нет, просто мозг саднит?.. Дурости скопилось столько, что...

Через неделю случилась катастрофа: напали хакеры, сайт Мареева взломали, удалив из него все книги и песенные тексты владельца; полетело программное обеспечение компьютера, и все попытки его запустить оказались безуспешными. Он почувствовал себя беспомощным рыбаком на сапборде, далеко в море, где-то около африканских пустынных берегов... Словно кто-то могущественный вынес Марееву приговор и выключил его из международной сети персонажей, вовлечённых в виртуальную жизнь... Или фейсбук — это механизм анализа, контроля, управления не только геймерами, но и писателями?! Но кто осуществляет операцию и для чего? Позже открылось, что кто-то продолжает действовать от имени Мареева в фейсбуке, переписывается с друзьями и даже ставит «лайки», пишет комментарии и размещает посты с фотографиями. Мареев, как говорят друзья, есть в фейсбуке, хотя у него, реального, нет доступа в интернет.

Что такое фейсбук и кто в нём правит? Где правда, а где ложь, кто настоящие персонажи, а кто виртуалы? «Слава богу, что хоть так закончилось. Ведь недолго было попасть в психушку с этими заэкранными призраками. Не иначе — ангел-хранитель уберёг! А ведь я мог и сам постараться! Почему не позвонил в чате Ираиде, не воспользовался видеокамерой?! Как же я не додумался до этого раньше?» — ругал себя Мареев, пока не сообразил, что надо попытаться войти в фейсбук с чужого компьютера и под чужим именем. Он загорелся этой мыслью: пора расставить точки над «i», пора выбираться из фейсбучной реальной нереальности, где мозги пудрят и пудрят... Вдруг пришёл испуг: «А если это параллельный компьютерный мир? — рассуждал Мареев. — Ведь есть миры и есть антимиры... возможно, есть и антифейсбук, устроенный взбунтовавшимися роботами-программами. А если я случайно попал в этот ад виртуальный?»

И вот он рядом с Михалисом барабанит пальцами по клавиатуре; через несколько секунд на экране появляется улыбающаяся Ксения Левандовская, и Мареев слышит её мелодичный голос...

На следующий день, до восхода солнца, Мареев, счастливый и весёлый, вместе с Михалисом прогуливался по пляжу Гермасойи. А потом, сидя на огромном валуне у моря, они долго наблюдали за тренировкой сапбордистов и о чем-то оживлённо переговаривались.

Дурманящие запахи острова

1. Пляж нудистов

На пляж, на пляж, на пляж... Начало ноября, а погода — словно в одесском сентябре. Под утро, ещё в зыбком сне лицо Обабко расплылось во всю свою бледную ширь: Сашко не верилось, что он на Кипре.

Сон улетучивался, но лежать на широкой кровати и вспоминать вчерашний день Сашку понравилось: утром в Киеве, а вечером купаешься с Севой Мареевым в тёплом море... Песчаный пляж Дасуди, что в Лимассоле, эвкалиптовая роща, закатное небо... Это сладкий сон или именины души?! На виду у берега отдыхают после промысла рыбацкие лодки... А ещё дальше в море — маленькие яхточки под разноцветными парусами. А вода? Парное молоко, слегка остывшее, но до чего же приятная душе и телу такая вода. Сашко чувствовал себя на одной волне с Мареевым, который поплавал немножко и куда-то унырнул к берегу, на песок. Что ж, рядом стайкой плескались женщины, непринуждённо беседуя, словно на танцплощадке или на восточном базаре. А куда им торопиться? Наслаждаются жизнью под лучами неспешно катящегося по небосводу солнца. Красноликое светило трудилось целый день, двигаясь от морской линии горизонта к зениту, потом — к западу, чтобы исчезнуть за вершинами далёких гор.

Приятные воспоминания прервал стук в дверь и голос Мареева:

— Просыпайтесь, сэр, вас ждут приключения! Завтрак на столе!

— Заходи, Сева! Я уже не сплю, — ловко вскакивая в штаны, крикнул Сашко.

Дверь приоткрылась, и Мареев объявил:

— Жду на кухне через пятнадцать минут.

За завтраком Мареев, лукаво улыбаясь, спросил:

— А не махнуть ли нам, друг мой, на пляж в Писсури? Это в сторону Пафоса, километров тридцать от Лимассола. Деревушка на вершине холма, на берегу моря. Вода чистая как изумруд! И пляж обширный — песок и галька.

— Писсури? Забавное название. А что там ещё можно увидеть кроме пляжа?

— Для плотских удовольствий там есть великолепные рыбные таверны, для души — храм святого Апостола Андрея. Есть и другие примечательности, на месте разберёмся. Там недалеко бухта Афродиты. Ты ведь хотел увидеть её?

По старой привычке журналиста Сашко ко всем фактам подходил основательно и прежде, чем отправиться куда-то в путешествие, всегда долго готовился. Собирает, бывало, в интернете, в библиотеках информацию, расспрашивает знакомых, готовит планы, маршруты, намечает места, обязательные к просмотру. И к путешествию на Кипр он давно подбирался: ещё с тех времён, когда вместе с Мареевым и киевскими друзьями ездили на Хмельниччину, в село Дубовэ. Во время банкета, после творческого вечера, когда они сидели за столиком и подписывали сельчанам свои книги, Сашко не выдержал и спросил друга:

— Сева, ты ведь часто на Кипре бываешь. От тебя далеко то место, где Афродита по легенде вышла из моря? Ты бывал в этой бухточке?

— Бывал, бывал...

— А Афродиту нэ зустричав? — улыбнулся Обабко.

— Зустричав и нэ одну.

— Навить так?!

— Так! Там молодые туристки любят окунаться в море, особенно скандинавки! И украинские наши афродиты встречались. А давай, Сашко, приезжай на Кипр! Ко мне в гости!

— Спасибо, Сева! Не знаю, не знаю... Мне с Надюшей надо посоветоваться. Ведь на даче в Прилуках дел невпроворот! Да и книга рассказов почти на выходе. Хотя, может быть, по осени?

Мареев, дурачась, стал напевать слова из когда-то расхожей песенки: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила...» Но обнаружив, что сельские учительницы смотрят на него, тут же перешёл на серьёзный тон:

— Приезжай в октябре-ноябре, море ещё тёплое, да и афродит этих там пруд пруди...

— Да ну тебя, Сева! Не понять, где шутишь, а где всерьёз говоришь.

— А я серьёзно приглашаю тебя на Кипр!

— Я-то желаю... Но...

— Не робей, Сашко! Хорошее желание. Одобряю!

И Мареев опять стал тихонько приговаривать: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила...» Что Сева одобрял — Обабко так тогда и не понял: то ли его желание приехать на Кипр, то ли своё желание целовать песок, по которому Афродита ходила, или всё вместе взятое в одном флаконе. Сейчас не так это и важно — он, Обабко, уже на острове.

— Мечты вчерашние, а чувства новые, — замурлыкал, словно кот весенний, Сашко, но тут же спохватился и перешёл на деловой тон: — Сева, мне всё интересно на Кипре! Древняя цивилизация. Мифы и реальные истории. Даже не знаю, что для меня важнее. А как мы доберёмся до Писсури?

— Марго отвезёт. Её хлебом не корми, но дай куда-нибудь на машине поехать. Ездит почти как Шумахер! И в море с нами поплещется.

— Отлично, Сева! Наконец-то с твоей дочерью познакомлюсь.

Марго — высокая, длинноногая флейтистка. И детей учит музыке. Привыкла вразумлять учеников, и эту свою привычку на взрослых переносит. «Ну-ну... — подумал Мареев, — возьмёт тебя Марго в оборот! У неё ведь рот закрывается, только когда спит, да и то по выходным». Однако, несмотря на то, что Мареев не доверялся чудесам, Обабко и Марго отлично ладили друг с другом, готовясь к поездке, а потом и в дороге.

Когда свернули с трассы, Обабко без устали умилялся виноградникам и оливковым садам. Виноград уже убрали, но стройные ряды низкорослой лозы поражали воображение. А вот к сбору оливок только подступали, можно было наблюдать, как люди расстилают под деревьями брезент и специальными скребками сбивают плоды наземь.

И вот они втроём в Писсури! На заветном пляже!

Загорали, купались, болтали ни о чём. Обабко поражался чистоте и прозрачности воды. И надо же: деревенька всего ничего, а какой здесь роскошный отель «Колумбия»! И до чего же живописна сама бухта Писсури! Кажется, всю жизнь можно прожить на её берегу. Марго уплыла к рифам, Мареев уткнулся в книгу. Озабоченный Обабко, не спеша, побрёл вдоль кромки воды в расчёте дойти до бухты Афродиты, где, как он помнил по легенде, богиня вышла из пены морской. «Каких чудес на свете не бывает? — думал поэт Обабко. — Вдруг дойду до этой самой бухточки, а там — сама Афродита?» Неожиданно для себя он стал напевать украинскую песенку:

— Ой ты, Галя, Галя молодая...

У поэта всегда романтика в сёстрах числится, а на самом деле является любовницей. Галя — на Украине, а здесь юная, вышедшая из пены Афродита.

Немноголюдный пляж Писсури остался позади, вдали виднелись деревья. Подойдя поближе, Сашко уви-

дел свободно разгуливающих по пляжу голых мужчин и женщин. Нудисты! Вот это да! Говорил же Мареев. Несказанно повезло. Где он такое ещё увидит? Стал приближаться осторожно, с недоверием. Не поколотили бы. А вдруг примут за маньяка? Немного углубился на территорию пляжа и решительно снял плавки. Оглянулся вокруг, куда бы их пристроить. Некуда! Песок да галька вокруг. Вытащил из плавок красную тесёмку, которую обычно завязывал бантиком. Вырыл в песке ямку, спрятал в неё плавки и присыпал галькой с горкой. Постоял, полюбовался своей работой, а потом аккуратно перевязал левое бедро красной тесёмкой, соорудив по привычке бант. Ему казалось, что бант хоть как-то заменяет плавки. Пусть это иллюзия, но всё же не совсем голый...

Обабко шёл по пляжу нудистов, стараясь сохранить чувство собственного достоинства, голый, но с красной ленточкой на бедре и маленьким изящным бантиком. Купальщики и купальщицы — ноль внимания на него. Прошёл мимо кучки мужчин и женщин, стоящих у кромки моря. «Мы голыми приходим в этот мир», — Обабко вспомнил древнюю мудрость и улыбнулся своим мыслям. Дама средних лет, грудастая, с большими синими глазами, посмотрела на него и прыснула, что-то сказав подруге. Засмеялись все и двинулись за ним вслед. Он кожей чувствовал прожигающие взгляды. Не выдержал и прибавил шагу. Сделав небольшой полукруг, направился в сторону захороненных плавок. Чувствовал, что за ним идут. Ловил удивлённые взгляды встречных голых людей. Почти подбежал к горке насыпанной гальки, разбросал её ногой и стал рыть песок. Но в песке плавок не было, шаг в сторону — результат тот же. Несколько куч песка высились рядом. И что делать дальше? Обабко представил, как он возвращается на свой пляж, прикрывая, подобно Аполлону, мужское достоинство листком дуба... Нет, такой ужас невозможно представить! Под-

нял голову и увидел толпу голых мужчин и женщин, смотрящих на него молча и с интересом. Один лысый, рязанской внешности, спросил по-русски, в упор глядя на Обабко:

— Золото ищешь? Так лопату надо было с собой захватить!

— Плавки ищу. Закопал.

— Ну-ну... Ищи, — и лысый что-то сказал по-английски.

Послышался смех, и толпа начала расходиться. Обабко сел на песок, обхватил голову руками и стал мучительно соображать, что делать дальше.

— Мужчина, посмотрите сюда! — окликнула его разбитная блондинка. — Я ковырнула ногой холмик из гальки, а под ним синяя тряпка. Не ваши ли плавки? Мы в Одессе такие шуточки на пляже проделывали, игра такая была у нас.

— Ой, спасибо, дамочка. Мои, мои... — Обабко резво вскочил на ноги и кинулся целовать блондинке ручку (он всегда целует дамам ручки), даже вытянув губы дудочкой.

— Мужчина, не смешите мои тапочки! Вы и так весь пляж своим бантиком развеселили. Помните анекдот: «Чёрт-те что и сбоку бантик!» Я бы не сказала, что чёрт-те что, но бантик очень смешно выглядит. Прощевайте.

Одесситка удалилась, а Обабко поспешил к Марееву и Марго. О злоключении им рассказывать не стал. Но выглядел каким-то смущённым, словно не в себе. В таверне вино не пил. После обеда отказался идти осматривать деревню Писсури и её окрестности.

— Как же так, Сашко? Ты ведь хотел храм святого Андрея посмотреть? — удивился Мареев.

— Очень хочу. Но только не сегодня. День — не мой!

«День — не мой! Немой день...» — стучала дребедень в висках. Хотя у кого такого дня не бывает, особенно при посещении Писсури?! Не зря же деревня прозвана

так, вероятно, с древних времён. «Возможно, в названии скрыта кара Всевышнего для не в меру любопытных», — подумал Сашко, но не стал делиться этой мыслью с Мареевым.

2. Мифы и реальность

Три дня на Кипре... Счастье несказанное! С утра на пляж с Мареевым! Перед тем, как войти в воду, — традиционная прогулка в плавках вдоль моря. Обабко засмущался своим мыслям. Ему-то хорошо здесь, а жена Надежда занимается дачей под Прилуками. По телефону сказала, что у них небо хмурое, слякоть, холод уже стал донимать, особенно по ночам. Пора, пора законсервировать дачу на зиму. Надежду жалко, самому совестно. Приглашал вместе поехать на Кипр, отказалась. Эх, а так бы ходили с ней по пляжу и в море нежились бы. Не любит самолёты, а любит сидеть на даче и банки с огурцами закручивать...

Тут мысли Обабко резко переключились на предстоящую пешую экскурсию по Лимассолу. С утра сбор группы в старом порту, а потом будут бродить с гидом по кварталу, где находится средневековый замок. В нём во время Крестового похода на Иерусалим венчался сам король Ричард Львиное Сердце! Экскурсия по-английски, но ничего — Марго переведёт.

Всё получилось так, как и мечталось! Обабко с Мареевым и Марго полдня провели в старинном центре Лимассола. Узкие и кривые улочки, мощённые камнем, антикварные лавки, храмы, скверы, словно из Парижа времён Османа. Интересный экскурсовод — женщина лет под пятьдесят, но стройная и приятная в общении. Мареев не только вникал в её рассказы, но и торчал рядом всё время, так и поедая её глазами. А наслушавшись её ласкающего голоса, готов был даже сыграть на лютне,

лежащей на столе в мастерской музыкальных инструментов. Старинная лютня, давно вышедшая из моды, но с недавних пор кипрские музыканты опять стали играть на ней. Всё в этой жизни, говорят, будто бы возвращается на круги своя...

Пили кофе, фотографировались, в общем, трудовой день киевского поэта на Кипре удался.

После обеда и непременной сиесты Обабко, не дожидаясь ужина, отправился к морю.

— Сашко, ты долго не задерживайся. Ужинать будем в рыбной таверне.

— На закат посмотрю, сфотографирую — и назад.

И вот он сидит на скамейке в эвкалиптовой роще и любуется тихим закатным морем. Приблудный кот примостился рядом, словно старый знакомец. Рыжий, с большими глазами зверь. Упитанный. И на шее — тонкий кожаный ремешок синего цвета.

— Тебя как зовут, зверюга? — спросил Обабко.

— Мр-р... — в ответ.

Ленивый кот поднялся и стал тереться о ноги новоиспечённого друга. Потом не спеша, задрав пушистый хвост к небу, проследовал к кромке воды. По повадкам кота было видно, что это его территория. Он на пляже хозяин, а Обабко — пришелец, побудет здесь и исчезнет навсегда. Так уже не раз бывало в его кошачьей жизни. Рыжий был умным и рассудительным, к пришельцам относился хорошо, некоторые его угощали разными вкусностями, но кот, бывало, даже не обнюхивал их. А этот ничего не принёс. Новенький. Обычаев местных не знает. Разве трудно было захватить с собой кусочек колбаски? Мог бы купить пачку кошачьего корма. Ведь добрый дядька, по морде видно, что не жадный. Но глаза слегка плутоватые. Но это, скорее всего, от ума. Нескучный человек, любопытный, даже очень любопытный. Неспроста же при первом знакомстве под хвост заглянул и в восторге воскликнул:

— Да ты, рыжий, ещё тот котяра! Вон какие крупные шары под хвостом!

Как на такое реагировать коту? Молча! У людей иногда такта ни на грамм. Такое могут отчебучить.... Но этому бледнолицему простительно. Видать, впервые на пляже. Поэтому и ведёт себя запанибрата с первым встречным котом. Если бы на Сару, рыжую кошечку попал, та могла бы и морду расцарапать. Не терпит, когда туристы ей под хвост заглядывают.

Обабко с любопытством наблюдал за променадом рыжего. Откуда ему было знать, что коты на Кипре сообразительные, по любому поводу имеют собственное мнение?

А дальше... Дальше произошло самое невероятное. Появилась она! Женщина в фиолетовом купальнике и с бумажным кульком. Шла по пляжу, всё ближе и ближе к Обабко.

— Зевс! Зевс! Ждэш мэнэ? Ждэш?

— Мяу... — неожиданно противным голосом отозвался кот и неспешно потрусил навстречу даме, вытянув морду, явно чуя запах из кулька.

От удивления Обабко привстал со скамейки. Вот так кот! Да он известный зверь в эвкалиптовом парке! Ишь... Дама к нему пришла! Да ещё наша, украинка! Землячка! А та вываливала на картонную тарелку мясо из кулька, приговаривая по-украински:

— Йиж, Зэвсык, йиж, скоро зыма прийдэ. Треба тоби жырку накопычыты.

Кот интеллигентно принялся за пищу.

— Та яка тут зыма? — не выдержал Обабко. — Морозу ж нэма! Тэпло!

* * *

Обабко вернулся к Марееву где-то к полуночи. Тот весь извёлся, опасаясь худшего: заблудился, утонул,

не дай бог, напали хулиганы в парке, хотя какие на Кипре хулиганы?! А если человек просто занемог? Лежит где-нибудь среди деревьев? Пришлось вызвать Марго, чтобы ехать искать друга. Не мог торчать в доме, то и дело выбегал за ворота, всматриваясь в дорогу, ведущую к морю. Выскочив в очередной раз, он увидел Обабко, весело шагающего под огромной, по-южному чистой луной.

— Ой, Сашко! Слава богу, вернулся. А я тут себе места не нахожу. Дэ ты був? Заблукав?

— Зэвса зустрив на пляжи...

— Как Зевса? Настоящего Бога?

— Да нет, кота рыжего так зовут.

— И что? До полуночи с котом общался?

— Потом подошла Эллочка... — Сашко явно смущался.

— Эллочка-людоедочка? — съязвил Мареев.

— Элла из Белой Церкви. Замужем за кипрским лётчиком, он в Арабских Эмиратах работает. Элла приходит по вечерам купаться и Зевса подкармливает.

— Сашко, не морочь мне голову! Так и скажи, что, пока лётчик в небе, ты гостил у землячки. Мог бы позвонить с её телефона, чтобы я не волновался.

— Сева, да что ты такое говоришь? Я действительно был у неё, но только, щоб нашого сала взяты. Да ще пляшку пэрвака дала. Угостила. Я для тебя старался. Сало, скажу тебе, класс! На соломе смолили. Из Белой Церкви передали! Эх, сальце, чёрный хлеб с тмином да горилочка в запотевшем графинчике!!! — помахивая авоськой и слегка пританцовывая, ликовал Сашко. — Крышталэва чарочка, срибнэ дно, пыты чи нэ пыты — всэ одно!

Мареев во все глаза смотрел на него, не узнавая друга.

— Ну и ну, — задумчиво произнёс он. — И когда снова в гости собираешься к Эллочке-людоедочке?

— Да какая людоедочка?! Наша молодыця! Весёлая и добрая. Вот, сало пробуй. А в гости? Да, пригласила —

завтра на вечер. Вместе с Зевсом пригласила. Она его любит как родного.

Мареев чуть не выпалил очередную шутку-издёвку, но вовремя прикусил язык, сказал миролюбиво:

— Давай на боковую, Саша! А завтра посмотрим. Утро вечера мудренее

Как раз и Марго подкатила на машине, стала щебетать, нахваливая розоватое с прожилками сало. То, что человек чуть не пропал, её особо не взволновало, а вот сало... И нюхала его, и пробовала тонкую полоску с ножа, и ахала, и охала. А Обабко ей поддакивал:

— Вот то-то... Наш продукт, украинский! Со знаком качества в виде смолёной шкурки! Ни с каким сервелатом не спутаешь.

Мареев не выдержал и прикрикнул:

— Всё, всё, всё! По домам и спальням. Забирай, Марго, сало и отчаливай! Спать пора!

Утром завтракали молча. Сашко не поднимал глаз от тарелки. После завтрака Мареев не выдержал и спросил:

— Саша, у нас сегодня запланирован ужин в деревенской таверне, в Пареклише. Будет киприот Никос, мой друг, его жена англичанка Аманда, Марго будет. Ты с нами или с Эллочкой-людоедочкой?

Лицо Обабко стало красным, аж пунцовым.

— Сэво, ты Надии нэ дзвоныв? Ничего ей не говорил о моём вчерашнем приключении?

— Да ты что? С чего бы я стал твоей Надии звонить? Да я и телефона её не знаю.

— Она мне сама под утро позвонила! И стала расспрашивать, что у меня стряслось? Целую ночь не спала. Сны тревожные снились ей.

— И что? Что ты ей сказал?

— Рассказал про этого рыжего кота и про Эллу! У нас с Надюшей нет секретов. Так мне стыдно, так стыдно...

— А что Надюша? Ругалась?

— Да куда там?! Молчала и вздыхала в трубку, лучше бы она поругала меня. Да не пойду я к этой Эллке! И кота этого, рыжего обормота, видеть больше не хочу. Не зря его Зевсом прозвали! Видимо, в этого развратника кот и пошёл! А может, то сам Зевс был в обличье кота? Свёл меня с Эллой, будь он неладен! Эх, котики-воротики!

— Сашко, не переживай так. У тебя Надюша — золотце! Все понимает. Простит. Да и никаких ты дел особых не натворил.

— Так-то оно так... А мог! Надежду жалко. Зачем ей эти переживания?!

Друзья долго ещё говорили. О Кипре, о том, что в таком древнем месте, где столько всего намешано и напутано, всякие чудеса могут случиться. Не исключено, что боги продолжают жить на острове, скрываясь хоть в котах, хоть в деревьях, хоть в самых обыденных вещах, ведь издревле так было.

Приехала Марго, и друзья отправились в горную деревушку Омодос. Обабко был сосредоточен и постоянно что-то вносил в свою записную книжку. Уже в горах, во время дегустации вина, когда Мареев отвлёкся на беседу с хозяйкой таверны, Сашко спросил тихонько:

— Марго, а в какое время лучше посетить бухту Афродиты? На восходе или на закате?

— Не имеет значения. Там всегда красиво!

— Не скажи, Марго. Важно знать, в какое время богиня выходит из моря! А вдруг мне повезёт и я увижу красавицу!

Марго с пониманием посмотрела на поэта. А что? Мифы — устойчивая вещь. Но где граница между реальностью и фантазией, оживающей под жарким кипрским солнцем? Что происходит в душе поэта, разрывающейся между супружеской ответственностью перед ждущей его в далёком Бахмаче верной Надюшей и желанием полюбоваться выходящей из пены морской прекрасной в своей наготе местной Афродитой?

3. Японское биде

«До нашего села эта мода ещё не дошла...» — прокомментировал Сашко Обабко рассказ Мареева о биде-унитазах в японских гостиницах.

Обабко — бывалый путешественник, куда его только судьба не заносила! Ездил по разным странам, где в своё время проживали знаменитые земляки: Николай Гоголь, Серж Лифарь, Александр Вертинский и многие другие. Все свои средства тратил на эти поездки, зато повести и романы о жизни знаменитых людей получались достоверными и интересными. Даже в Китай летал, во французском квартале Шанхая исходил всё своими ножками, искал там следы Вертинского. Кстати, и Мареев в своё время жил целый год в Шанхае, в том же самом французском квартале... Знал Сашко, что Мареев был капитаном на морских судах, но китайский эпизод в жизни друга открылся для Обабко уже здесь, на Кипре.

Сидели как-то вечерком на скамейке в парке «Дасуди» и вспоминали былое. А вспомнить было что. Тот же Сахалин, где многие годы после окончания одесской мореходки Мареев работал в островной судоходной компании. Сашко вместе с матерью и бабушкой в детские годы жил на Сахалине в небольшом посёлке Новотроицкое, что недалеко от Южно-Сахалинского аэропорта. Мама, царство ей небесное, работала в плодово-ягодном совхозе, там и замуж повторно вышла. В памяти Сашка остались навсегда сахалинские картинки: зимы метельные, вёсны неспорые, но буйные, лето рыбное, когда вёдрами икру лососёвую на зиму заготовляли. А осень? Красавица сахалинская осень! Ягодное море, что в совхозе, что в тайге. Большой урожай крыжовника, смородины в конце лета — в начале осени. А в тайге собирали бруснику, морошку и клоповку — так местные прозвали красную ягоду за её специфический запах, но из неё получался вкуснейший морс. Мужики разбавляли засахаренную

клоповку водой и использовали для запивки в зимнее время, когда вьюга за окном дни напролёт, а застолье становилось непременным атрибутом их общения. Да что там говорить! И Сашко с друзьями, такими же, как и он, мальцами, наслаждался морсом. Это потом Сашко узнал, что ягоду по-научному называют «красникой». А ещё была брусника! Её замачивали на зиму прямо в бочках. И к мясу подавали мочёную, и на сладкое — в сахаре. Хотя и то, и другое нечасто на столе появлялось, зато картошки было вдоволь, и рыба была, и грибы были! О, грибы! Белые, подосиновики, маслята, рыжики, лапчатые и мясистые грузди, лесные и луговые опята, семейный гриб обабок... Семейный потому, что фамилия матери Сашка от этого гриба пошла (это так на Черниговщине называют подберёзовики). И у сестры Любы такая же фамилия, мать не захотела её менять, потому отчим и подтрунивал часто над «обабками». Отчим был из тех, кто «выпить не любит», всегда готов к застолью — как солдат к приказу. А выпив, стучал кулаком по столу, по-генеральски приговаривая: «У нас обабок и зимой, и летом растёт! Молодец, Саня! Смекалистый! Ишь, рыбы сколько натаскал удочкой!»

Вскоре семья вернулась на Украину, отошли в мир иной отчим, потом — мать, а бабушка осталась в сахалинской земле почивать. Обабко шесть лет назад летал к бабушке на могилку, постоял, помолился, всплакнул.

— О чём думаешь, Сашко? — тихо спросил Мареев.

— Сахалин вспоминал. Речку Сусую, где я научился плавать — сначала по-собачьи, а потом — в размашку. Переплелись наши судьбы на острове, хотя встретиться там не пришлось. Я школьником был, а ты, Сева, уже морячил.

— Морячил-корячил, — отшутился Мареев.

— И как же это японское биде работает? Не пришлось мне в Японии побывать и уже, наверное, не придётся, разве что, если о тебе, Мареев, начну книгу писать, то

проедусь по местам твоей моряцкой славы! Ты-то сам, Сева, видел это биде в Японии?

— Видел, видел... Невозможно словами описать. Надо испытать! Как только эта штуковина лет двадцать назад появилась в жизни японцев, так они перестали селиться в тех гостиницах, где её не успели установить.

— Прямо какие-то туалетные страсти...

— Унитаз, но необычный: с музыкой и с автоматическим обмывом! На подлокотнике пульт управления. Выбираешь музыку под свой настрой: блюз или рок! Или ещё что-то подходящее для момента. Закончил своё дело, нажал кнопку, вода зашумела-забурлила и унеслась в глубину подземную. И музыка меняется на лёгкую, расслабляющую, а в это время тёпленькая струя — прямо туда, где потребен обмыв и массаж. Приятно и радостно. Прагматичные японцы всё правильно рассчитали — дело житейское, всем нужное. Слаб человек: неудобно рассказывать, зато как удобно пользоваться! Всем подходит: и старым, и молодым; и уродинам, и красавицам.

— А на Кипре? Есть на Кипре это самое японское биде?

— Не-е-е... И даже не пытались устанавливать. Дорогущее удовольствие, вряд ли приживётся. Здесь любят вещи натуральные, ручные... Может, в какой-то гостинице и установили для эксперимента... Кто-то мог себе домой выписать для экзотики. И то вряд ли. Здесь принято, что старики выписывают девушек из Юго-Восточной Азии для помощи по дому. Это непалки, вьетнамки, филиппинки, тайки... Зарплата небольшая — 350- 450 евро в месяц, проживание и еда, социальный пакет за счёт хозяина. Ручной, так сказать, уход вместо бездушного робота с музыкой. Буддисты превозносят тело человека, а христиане — его дух. Вот, на Кипре они и соединяются в гармонии. Это тебе не хоботы-роботы, Сашко...

Вот после этих слов Сашко Обабко и сказал, что, мол, зря, до нашего села мода на биде-унитаз ещё не дошла.

Оба друга родились и выросли в украинском селе, и в этой присказке был свой, понятный смысл.

Помолчали, каждый думая о своём.

— А давай-ка, Сашко, выпьем по бокалу кипрского вина где-нибудь в весёлом месте. А то как-то сильно запахло Востоком. Недалеко есть пятизвёздочная гостиница. Недавно ремонт ультрасовременный сделали. Вот мы и посидим там, в баре. Как ты?

Обабко заулыбался:

— Не против.

Играла музыка, пела, пританцовывая, африканская певица... Пили вино, закусывали орешками, шутили. Смеялись.

— Сева, где здесь туалет? Спроси, пожалуйста.

— Наверно, на втором этаже. На Кипре вообще очень часто туалеты устраивают этажом выше.

Так и оказалось.

И вот Сашко Обабко в кабинке с облицованными мрамором стенами. Розовый камень с золотистыми прожилками! Тихая, расслабляющая музыка. А унитаз с десятком оттенков голубизны, а вода в нём небесно-голубого цвета. Сбоку на подлокотнике чёрный пульт с белыми кнопками. «Японское биде?» — мелькнула шальная мысль у Сашка Обабко. Пусть ему уже за шестьдесят, но в глубине души он остаётся тем же любопытным пареньком из села, с широко открытыми глазами, способным удивляться чудесам. И Сашко присел на это самое японское биде. Послушал музыку, подождал какое-то время и нажал наугад кнопку. И когда вода под ним зашумела-забурлила, встал, чтобы увидеть, как эта штуковина работает под нежные восточные мотивы. В раковине образовался голубой водоворот и вовлёк за собой куда-то в далёкую глубину следы пребывания Сашка. Он в восхищении нагнулся над этим чудом японской техники, чтобы понять, откуда льётся эта музыка. И вдруг... прямо в лицо ему ударил фонтан воды, ударил будто из поливно-

го шланга на даче весной, да так неожиданно, что Обабко едва успел зажмурить глаза.

— Тьфу ты! У саму пыку залипыла! Зараза! — выпалил в растерянности наш герой, присовокупив ещё словцо покрепче, утираясь салфеткой.

Раздался мелодичный женский голосок:

— Аригато годзаимасу.

— О, вона щэ и дякуе, бисова маты...

Догадался, что поблагодарили по-японски. Оглянулся, нет ли кого рядом, не видит ли кто его конфуза? «Хто ж мэнэ побачыть в туалэтний кабини?» — рассмеялся в ответ на свой же вопрос. Повторил процедуру ещё несколько раз, пока не испытал всю полноту удовольствия от чуда техники. А в конце подумал: «А, можэ, то вона нэ дякуе, а матюкаеться по-янонськы?!»

Обабко вернулся за столик к Мареву, не переставая смеяться.

— Случилось чего, Сашко? Что тебя так разбирает?

— Не могу... Ой, остановиться не могу, — продолжал смеяться Сашко, согнувшись пополам над столиком и отмахиваясь рукой от чего-то невидимого.

— Ты посмейся, посмейся, друг мой, а я ненадолго отлучусь...

Мареев тоже не возвращался к столу более получаса. Вернувшись, произнёс, посмеиваясь: «Теперь понял, почему ты так ухохатывался, Сашко! Пырснула и мэни в пыку, холэра!» И добавил глубокомысленно: «И до нашого сэла ця мода дийшла».

4. В парке «Дасуди» — о сокровенном…

Закатное солнце подкатило к горам, вот-вот скроется за их вершинами. Ноябрьское море — тихое и светлое. Несколько поздних купальщиков барахтались недалеко от берега, с десяток кораблей на рейде. Мареев и Обабко прогуливались вдоль моря по дорожке парка Дасуди. Навстречу шли такие же, как они, любители прогулок; две женщины оживлённо болтали о своём, но, заметив брошенный в их сторону оценивающий взгляд Мареева, заулыбались в ответ, открыто и доброжелательно.

— Что более всего запомнилось мне в жизни? Вот ты спросил, Сашко, и сразу в моей памяти выстроились в очередь события... Именно события из прошлого. И все важные для меня. Детство на Хмельниччине... Речка Вилия, лето! Земляничные поляны в лесу! Какие грибы собирали в дубняке по осени! А зима, когда сугробы под крышу наметало, на лыжах катались с них! Потом... Любовь и горечь разочарований, дружба, предательство... А восходы солнца в Охотском море?! Стоишь на капитанском мостике, а на горизонте вдруг из моря всплывает краешек красного диска... И тяжёлые льды не забыть, когда судно — ни вперёд, ни назад... И потери были... То жизнь была — настоящая! Да разве всё расскажешь? — Мареев пытливо посмотрел на своего друга, печально улыбаясь.

— А ты, Сева, расскажи то, что первое вспомнилось? Первое — оно и есть самое настоящее.

— Да, Сашко, ты прав. Дедушка вспомнился. Дед Фёдор. Любил я его. И он меня, мальца, любил. Помню, я ещё даже в школу не ходил. Дед уйдёт в лес за дровами, а я жду его с нетерпением. Особенно зимой ждал: за окном снег идёт, а на печке тепло. И вот дед, наконец, из леса возвращается. Стучит дверь, входит в тёплую хату, отряхивая снег с плеч и колен шапкой и рукавицами. Хочется к нему подбежать, но нельзя босым. Заругают. Пол глиняный, ещё холодный...

— А ты от зайчика подарка ждал, Сева? — прижмурился мечтательно Обабко.

— Видимо, и ты, Сашко, получал такие подарки зимой.

— А как же? Конфетка из кармана. Пирожок. Леденцы я любил, их можно было долго сосать, растягивая удовольствие.

— Ну, мне другое перепадало. Откуда в лесу леденцы? Дед приносил орехи от белочки. Иногда кислички, такие мелкие яблочки дикие, задубелые на морозе. Ох, вкусные они были!

— У нас, Сева, зимой яблоки из сада были. В погребе вместе с картошкой хранились.

— Во-во... А я кисличкам был рад, дед их называл «райскими яблочками». А ты, Саша, наслаждался настоящими. В нашем садике вишни, сливы были, а яблоки отродясь не водились. Видимо, потому что... Хотя нет, почему — не знаю.

— Не было заведено.

— Да, Сашко... Растревожил ты меня расспросами. Помню, как дед вечерами пел приятным баритоном:

Когда б имел златые горы
И реки полные вина,
Отдал бы всё за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна...

— Боже, так это же любимая песня моего отчима! Но он был родом из Орловщины. А твий дид звидкы знав российську мову?

— Дид Фэдир у молодости був фабрычным, у городи жыв. А потом он в армии служил. С немцами воевал в Первую мировую. Генерала Брусилова видел на фронте...

Помолчали.

В парке «Дасуди» перекликалась тонкими голосами какая-то птичья мелочь. Зачирикает одна, ну, прямо сопрано, а вторая ей отвечает ещё громче. «Так, наверное, я с дедушкой перекликаюсь мысленно... Может, он и вправду слышит меня на небесах? Царство тебе небесное, дедуля! Вот и мой срок уже подходит к твоему порубежью», — думалось Марееву.

Было время. После мореходки зимой он приехал в село повидать деда. Мороз был страшенный, градусов за тридцать. Пока со станции добирался к дому, закоченел весь. От автобуса до хаты метров пятьсот, так бегом бежал. Представлял, как дедушка обрадуется. Бежал и пел в уме про эти самые златые горы, которых у него не могло быть.

Обабко нарушил тишину. Как будто ножом полоснул:

— А к тому времени ты уже вино пил, Сева?

— Не-е... Не пил, не курил. И дед не курил, но самогонки рюмку-другую мог пропустить. А я вёз ему бутылку трёхзвёздочного коньяка. На курсантскую стипендию купил. Экономил несколько месяцев. Не попил дедушка городского напитка.

— Не понравился?

— Не смог. Лежал в постели больным. Я забегал изредка к деду в комнату. Зайду, постою... и потопал дальше. Нет, чтоб сесть у кровати, поговорить с дедом?! Перед моим отъездом в Москву, а потом на Сахалин, умер дедушка. Помню, как я шёл за его гробом, почти не осознавая, что нет его на этом свете и уже не будет. Не будет песен про златые горы. Не будет рассказов о «жизни за царя». Мать свою и отца он вспоминал, неизменно обращаясь к покойникам на «вы».

Обабко слушал молча, склонив голову к земле. Говорил Всеволод отрывисто, с большими паузами, словно отвечал сам себе, на свои же вопросы. Кипрское солнце закатилось за горы. Поднялся порывистый ветер, по небу, откуда ни возьмись, понесло рваные облака, словно тёмные лавины с гор.

— Знаешь, Сашко! Никогда не забуду похороны деда. День выдался ясным и морозным. Почему-то падал редкий снег. Откуда он, если туч не было. Синь над головой, а снег идёт. На подводе лежал на спине дед, а на его лице лежали снежинки и не таяли. Вот эти нетающие снежинки— моё самое большое потрясение тех лет.

Не забуду я плачущей сини:
Дед в гробу и нетающий иней.

Мареев поднял голову и посмотрел на шагающего рядом Обабко. В свете фонарей было видно, как глаза Сашка увлажнились.

— Пойдём, Сашко, домой. Дождь начинается. Откуда он? Целый день солнце светило, а после захода — на тебе! — стало накрапывать.

Они повернули назад и всю дорогу шли молча, думая каждый о своём...

У калитки их застала страшная гроза с громом и молниями. Мареева вспомнилось, как в детстве было боязно находиться в хате в грозу, особенно в вечернее время. Отключали электричество, чтобы не притянуло, не дай бог, шаровую молнию. Бабушка непрерывно крестилась при взрывах в небе, приговаривая: «Спаси и помилуй, Господи!» А дед говаривал: «Дождь — благодать Божья! Очищение!»

Постояли на крыльце, наблюдая за потоками воды, заполнившими улицу.

— Льют дожди, и нет покоя, не сдержать поток воды... — задумчиво прошептал Мареев и добавил: — Громыхает Небо. Сердится! Предал я деда, Сашко! Иной раз думаю: «Не надо было никуда уезжать из села».

Гроза прекратилась так же внезапно, как начиналась. Ещё долго друзья сидели на веранде под усыпанным яркими звёздами кипрским небом и беседовали. О самом важном, начатом в парке «Дасуди», который так располагает к откровениям...

* * *

...Всеволод встретился в Москве, на Киевском вокзале, с Мишкой, дружком по мореходке. Ещё раньше сговорились вместе ехать на Сахалин: обоих, не обременённых семьями, из Одессы, словно сослали в островное пароходство, а всех «женатиков» оставили в своих, украинских.

И вот они, юные штурманы, будущие капитаны дальнего плавания отправились в далёкое путешествие. Впереди Японское и Охотское моря, Тихий океан, Курильские острова, Камчатка и, возможно, загадочная Япония.

А пока Сева во все глаза смотрел на Москву с её красивыми домами, широкими улицами. В сравнении с Одессой столица казалась огромной. Мишка иронично оценил войлочные полуботинки Севы:

— Ты где такое чудо достал?

— Так, в селе, в магазине купил. Мать настояла. Они тёплые, то что надо, ведь на самый Сахалин едем.

— Сева, так ты бы в курсантских «гавах» поехал. А если снег мокрый? «Гавы» проверенные. А эти? Из тряпки сделаны.

Через день купили билеты только до Хабаровска, дальше запланировали продолжить путь самолётом до Южно-Сахалинска.

Радовались, что семь дней в поезде проведут, всю страну из окна увидят.

— Севка, представляешь? Из Европы в Азию! Границу будем пересекать. Отметим это дело?

А Мареев только глазами хлопал. Миша всё знает и всё может! Такой разбитной. Учился в мореходке всегда на «отлично». Выпускные сдавал по-английски. Во какой! Столичный парень! Мишка — спортсмен-фехтовальщик, Мишка — умный! О поэзии поговорить? Сыплет стихами Мандельштама. Как-то шли через парк, где деревья в шапках снега и ветки покрыты инеем. Дружок тут же выдал:

Глубока, как ночь, зима,
Снег висит как бахрома...

— Мирский, это ты сам придумал?

— Это Осип Мандельштам! А я буду романы писать. Позже начну, на Сахалине.

Девчата в восторге от него! Бывало, в одесском парке им Т.Г. Шевченко на танцплощадке сами приглашали на танец. Красавец! Лицо — крупное, волосы волнистые, широкоплечий. Куда Севе до него?! Сева — тонкий и высокий, застенчив не в меру. Хотя Бог силой его не обидел. Когда пацаны в шутку задирались, то Мареев любого мог скрутить своими жилистыми руками.

Несколько дней в Москве пролетели как сказочная карусель. Мама Мишки, Марья Борисовна, готовила очень вкусно, старалась побаловать ребят домашней едой, вечерами — в кино или просто гуляли по Тверской, наслаждаясь свободой и мечтая о будущих морских походах.

— Я, Сева, долго в штурманах не задержусь. Капитаном скоро стану. Представляешь: капитан Михаил Мирский! Звучит?

— Мишка, так нам ещё матросами надо трубить и трубить, пока не наработаем нужный ценз для получения рабочих дипломов. Наши пока не дают права занимать штурманскую должность. Ведь так?

— Прорвёмся, Мареев! Всегда есть исключения. На месте разберёмся.

И правда, потом на месте Мишка разобрался: начинали друзья матросами на старом-престаром пароходе под названием «Ванцетти», но через пару месяцев Мишка — уже на должности третьего помощника капитана. Фортуна, судьба-индейка: помощник заболел, его списали на берег, а Мишка занял свободное место. И в парке на танцплощадке, и в море — везде первый!

Пройдут годы, и Мареев вспомнит в стихах матросскую жизнь на пароходе «Ванцетти», будет Мишу Мирского видеть сквозь строчки:

В памяти былое всплыло вдруг:
Чёрный корпус, бело-белая труба!
Помнится ль тебе, старинный друг,
Как играла с нами, юными, судьба?

А тогда, из Москвы на Ярославском вокзале Михаила провожала мама. У вагона она отозвала Севу в сторонку и неожиданно для него сказала:

— Сева, я хочу тебя попросить присмотреть за Мишкой. Ты из села, всё видишь и всё понимаешь. А Мишка... Боюсь, попадёт в какую-нибудь историю.

Испытывая неловкость от того, что ему дают такое деликатное поручение, Сева пообещал.

Ещё до посадки он заметил в стороне пару: очень красивая девушка с раскосыми глазами прощалась с коренастым мужчиной, постарше её возрастом. Если бы красавица вдруг, по какой-то необъяснимой причине, позвала Севу за собой, он, не задумываясь, остался бы на перроне с ней, пусть бы этот коренастый катился в своём поезде на Восток. Поднимаясь в вагон, он несколько раз оглянулся на красавицу, и та бросила быстрый взгляд в его сторону. Заметила! Сердце ёкнуло и быстро застучало... Из вагона — девушки не видать. Эх... зацепила! Все мысли — о большеглазой, высокой незнакомке с распущенными чёрными волосами. И вдруг... Словно сама фортуна явила лик и улыбнулась Всеволоду: в проходе вагона незнакомка прошла к своему месту в соседнем купе, даже не замечая Всеволода. Батюшки мои, вот удача! Девушка расположилась на боковой нижней полке, и Сева будет её видеть со своей, верхней, если ляжет головой к проходу! Но другая беда: на него напала необъяснимая робость, он даже боялся смотреть в её сторону, не то чтобы заговорить с ней.

И вот он, Урал! Мишка за время пути успел со всеми перезнакомиться в своём купе и в соседних — тоже. А в тамбуре он рассказал Севе:

— Видел бурятку? В купе рядом с нашим? Глазищи — что тарелки! Карие! Маринка! Красивая девка. Она нашего возраста. К мужу приезжала в Москву. Он у неё следователем работает, а в Москве на курсах каких-то.

— А куда она едет?

— Так в Бурятию. Я же сказал, что она — бурятка. На последнем курсе учится театрального института, на режиссёра.

— Мишка, мы хотели отметить пересечение границы из Европы в Азию. Будем?

— А как же! Поезд остановится, сбегаем и купим бутылку спирта на перроне, пирожков возьмём. Бабки пирожки продают, а спирт, сказала проводница, прямо в киоске можно купить.

В киоске не в киоске, но спиртом разжились, с рук купили поллитровку. И пирожков набрали пару десятков. И вот обитатели купе собрались за импровизированным столом. Молодая женщина Катя добиралась к мужу-офицеру, служившему на границе с Китаем. Вадим, кандидат наук, парень лет под тридцать, ехал в командировку во Владивосток. Дед с бабкой — в гости к дочери в Хабаровск. Мишка без фамильярности пригласил красотку к столу. Пили спирт, рассказывали анекдоты, офицерская жена песню спела вполголоса. Словом, весело общались, как это бывает в дороге, когда вчера ещё не знакомые люди становятся вдруг близкими и родными. Мужняя жена Маринка хохотала в ответ на Мишкины шуточки, а он ещё в придачу стихи Мандельштама читал. Всем было весело, кроме Севы. Он слова не мог вставить в общий разговор, с обидой и завистью смотрел, как легко и непринуждённо болтали Мишка и Маринка о том о сём.

— Миша, я хочу покурить. Как ты? Пойдёшь?

— Конечно, Мариночка. Я тебя угощу своими сигаретами. У меня пачка «Мальборо». У предка экспроприировал. Он из Америки привёз.

«Ну и гад ты, Мишка! — думал Сева, плетясь за ними по коридору. — Целоваться в тамбуре будут».

— Севка, а ты? Не куришь? — спросила разгорячённая Мариночка-Марина.

— А ему мама не разрешает, — встрял приятель, понятно, недоволен, что друг путается у него под ногами.

Ни слова не говоря, Сева отправился назад, в купе.

— Так быстро уже накурился, Севка? — подначил кандидат наук.

— Парень не курит. Я сам в его возрасте ещё не курил, — вступился за соседа дед с верхней полки.

Как раз тут и появился Мишка, красный как рак. Отозвал Севу в сторону и прошептал:

— Иди в тамбур. Маринка просила, чтоб ты вернулся.

— Да я...

— Иди, иди, дурачок! Нравишься ты ей.

Сева не просто пошёл — побежал...

* * *

Мареев как будто закончил рассказ и, тяжело вздохнув, посмотрел внимательно на друга:

— Что, Сашко? Не утомил я тебя своей болтовнёй? Сейчас войдём в солёное море, и смоет оно сахалинскую историю курсанта.

— Боже мой, Сева, я вначале и не понял, о ком ты рассказываешь. Ты же свою жизнь рассказываешь! Ведь этот курсантик ты и есть? Так?

— Да. Конечно. Не хотелось «якать», вот и выбрал такую форму: о себе, да в третьем лице! Ты ведь, Сашко, просил самую важную историю из моей жизни? Первая любовь! Сколько лет прошло, всплыло в памяти, словно всё это вчера было. Маринка, Мишка, даже проводницу помню, молодая и разбитная деваха, Люськой звали. Мишка закрутил с ней скорую любовь. Устраивали наши с Маринкой свидания в соседнем вагоне, купейном.

— А потом? Что было потом?

— Потом? Прибыли в Улан-Удэ, и Марина попрощалась со мной.

— И всё? — расстроенно всплеснул руками Обабко.

— Не всё, не всё... Марина пообещала развестись с мужем и приехать ко мне на Сахалин. Сказала при расставании на перроне, что отец — директор местного театра, он поможет. В том году она оканчивала институт культуры, режиссёрский факультет.

Подошли к пляжу Дасуди, разместились на скамейке недалеко от здания яхт-клуба. Всходило бело-жёлтое солнце, очень быстро отрываясь от морской линии горизонта.

Мареев продолжил:

— Каждый раз, наблюдая восход солнца над морем, удивляюсь, какое оно разное: то весёлое, то печальное, то беззаботное, то тревожное; красное, белое, туманное, морозное... И каждый раз вижу светило, словно в первый раз... Да, в январе мы с Мишкой прилетели на Сахалин... А потом в моря матросами! Стою, помнится, на крыле капитанского мостика парохода «Ванцетти». Японское море, ветер, волны встречные бухают и бухают о корпус, небо тучами покрыто, а я мечтаю: «Придёт весна, солнце явится, а там, глядишь, и Марина прилетит». Её письмам радовался несказанно, и я ждал прихода судна в порт, нам почту доставляли на борт. К весне Марина развелась с мужем, написала мне в письме, закапанном слезами радости... Я целовал следы её слёз с размытыми фиолетовыми буквами.

Мареев смотрел на поднявшееся над горизонтом солнце и смущённо улыбался. По крайней мере, так показалось Александру Обабко, и тот, не выдержав паузы, спросил:

— И что? Когда Марина прилетела?

— Пришла радиограмма, я списался на берег на один рейс, приехал в аэропорт Южно-Сахалинска, но девушки не было в самолёте.

— И всё? Может, она рейс поменяла?

— Нет, не поменяла. Я вернулся на пароход спустя неделю... И больше о Маринке я ничего не слышал... Хотя

писал ей письма, посылал телеграммы... Через месяц судовой радист признался мне, что он ошибочно впечатал дату прилёта Марины на неделю раньше. Игра судьбы или случая? Кто знает?

Сашко Обабко, ни слова не говоря, вскочил со скамейки и кинулся к морю, с разбегу бросился в воду и с ожесточением забарабанил руками и ногами по воде. Вскоре он взобрался на волнолом. Мареев видел фигуру друга, сидящего на камнях с опущенной головой. Спустя полчаса Сашко вернулся к скамейке и тихо спросил:

— Сева, ты мне правду рассказал или выдумал эту историю?

— Правду, Саша! Марина прилетала на Сахалин со своим отцом. Отец настоял, чтобы она вернулась с ним в Улан-Удэ.

— Так не должно было быть, Сева! Почему ты не полетел вслед за ней в Улан-Удэ? Почему не вернул её?

— Летал. Спустя год я по пути в Киев заезжал в Бурятию. Но ни Марины, ни её семьи не нашёл. Соседи сказали, что они все переехали то ли в Москву, то ли в Ленинград.

— А Мишка? Как его судьба сложилась?

— Карьера Миши на флоте не задалась. Гордый и вспыльчивый был, но справедливый. Инспектор отдела кадров обидел его, как-то нехорошо отозвался об одесситах, а Миша ответил. Слово за слово, Миша и заехал наглецу в рыло. Вынужден был уйти из пароходства. Уехал в Москву к родителям, заочно окончил Ленинградский кораблестроительный институт. Стал довольно известным в профессиональных кругах конструктором подводных лодок. Но всю жизнь мечтал о море. Очень хотел вернуться на капитанский мостик. Погиб Мишка двадцать лет назад. Машина сбила его у метро, водитель пьяный оказался...

Обабко стукнул кулаком по коленке:

— Ну как же так, как же так?! Вот судьба! Так не должно было быть!

— Впечатлительный ты уж очень, Сашко. Что тебе Мишка?

— А как же не пожалеть и не восхититься этим парнем? Добрая и гордая душа! Царство ему небесное. Друг верный! Даже помогал тебе в поезде с Маринкой свиданки устраивать. И что? А след Марины навеки потерялся?

Мареев какое-то время помолчал, но видя, как выжидательно и с нетерпением на него смотрит Обабко, произнёс улыбаясь:

— Марина Станиславовна в Москве. Недавно в театре встретились. Судьба? Случай?

— Как? Как это было? — всплеснул руками Обабко.

— У гардероба окликнула меня: «Севка!» Столько лет прошло... Словно пулей сердце пронзило! Кинулись друг к другу, расцеловались. Всё возвращается, всё повторяется, друг мой...

— И что? Так и...

— Так, Сашко, так! Не будем больше об этом, — поставил точку Мареев и неспешно пошёл к морю.

У воды он оглянулся и увидел Обабко, который принялся делать зарядку с приседаниями, но потом стал выделывать весёлые коленца, похожие на те, что демонстрировал на банкете после концерта на родине Мареева, в далёком украинском селе Дубовэ.

«Сашко, друже мий... участливая душа! Ишь, как за меня радуется... Не будь столько людей на пляже, так и гопака сплясал бы!» — подумал Мареев, входя в воду. Затем он повернулся и позвал друга:

— Саша, айда в море! Поплыли до волнолома!

5. Не с той ноги…

Обабко обиделся на Мареева? Да кто в это поверит? Друзья — водой их не разольёшь! Как такое могло случиться? Хотя... Кто знает Обабко, тот скажет, что он сам

никогда и никого обидеть не сможет, вот обидеться может. Душа у него мягкая и добрая. Кто видел эту самую душу? А не надо её видеть! Лицо Сашка надо видеть, глаза его! На губах всегда бодрствует улыбка, порой она там плясать начинает.... Так душа отзывается на события, происходящие вокруг Сашка. И даже если события не очень, ну, например, что-то недоброе происходит, улыбка всё-таки не покидает Обабко, хотя и меняется, становится виноватой и печальной. Что это? Отклик на несправедливость, грубость окружающего мира? Чувствует душа свою ответственность за эту несправедливость, мается она, и тогда лицо Сашка приобретает вид страдальческий, но всё равно улыбчивый. И глаза! Глаза его лучатся светом неземным, нет-нет — земным светом, ярким и весёлым, но в фантастически меняющихся оттенках. Больше радости — больше яркости и переливчатости в жёлтом, белом, синем, оранжевом и во всяком другом цвете, а то и все цвета вместе взятые переливаются в глазах Сашка. Только вот чёрного цвета нет, бордового не бывает, да и от серого — боже упаси! И всяких там ядовитых окрасов не бывает, а есть всё мягкое и приятное. Но иногда случается, что печаль и скорбь затуманивают глаза Сашка... Это бывает тогда, когда жалость проникает в душу или когда ему становится стыдно... Не за себя стыдно, ибо никогда, слышите, никогда он не совершает постыдных поступков. А вот чужие плохие поступки на себя принимает и стыдится. Глаза отводит, в землю смотрит, смущается и... отходит в сторону. Вот и сейчас такой случай: с утра завтракать не стал и умчался куда-то ни свет ни заря.

* * *

Раздумья Мареева прервал приезд Марго. Вышла из машины и тут же:

— Отец! Что произошло? Пана Олександра встретила, шёл мне навстречу с опущенной долу головой.

— Что же ты, Марго, не остановилась? Спросила бы его?

— Что ты... Конечно, остановилась и вышла из машины поздороваться. А он обрадовался, кинулся навстречу, как обычно, к ручке приложиться. Аж три раза чмокнул... Словно забылся, гуляя в мыслях где-то в другом месте.

— С чего ты, Марго, моего друга паном называешь? Какой он тебе пан?

— Так он ко мне обратился сам: «Пани Маргариточка, целую ваши ручки». В ответ спросила его, что он такой печальный.

— И что?

— А ничего! Махнул рукой и пошёл в сторону моря. Определённо, обидел ты его. Ты можешь обидеть, когда не с той ноги встанешь. Я-то знаю! Кстати, с какой ноги ты сегодня встал?

— А я помню?! А с какой надо?

— Спросил бы лучше, с какой не надо? С левой — не надо!

* * *

Марго уехала по своим делам, а Мареев сидел на приставном стульчике у парадной двери, всматриваясь в дорогу; он ожидал возвращения Обабко. При этом вспоминал события вчерашнего дня. С самого утра не задался день! На рассвете сон дурацкий приснился, что как будто он поругался со своим другом Сашком Обабко. И началась ссора с его, Мареева, дурацкой шутки. Ещё курсантами в мореходном училище так шутили. За завтраком взял... да и бухнул ложку соли в чашку чая друга, когда тот на секунду отвернулся. Чёрт его дёрнул такую глупость сотворить! Посолить чай гостю! Не курсанты молоденькие всё-таки! Тем более, что Сашко на флоте

не служил и не привык к таким примитивным, можно сказать, тупым приколам. Потом спохватился, но поздно уже было... Как сказать? А Сашко тем временем три ложки сахара в чай положил и стал усиленно размешивать... И это монотонное постукивание было нестерпимо слушать. И Мареев, не выдержал во сне:

— Да хватит уже стучать ложкой о чашку! Такой скрежет — как серпом да по одному месту...

— Ой, прости, Сева! Задумался я! Вот одна мысль у меня мелькнула

— Одна всего? — съязвил Мареев, злясь на себя, что попал в такое глупое положение, что остановиться не может.

— Одна, зато какая! — заулыбался Обабко, и глаза его наполнились радостным светом весенним.

— Да пей ты уже чай, а то остынет, — опять не к месту выпалил.

Сашко отхлебнул сладко-солёного чая. Глаза его сразу потемнели, он поперхнулся и пулей выскочил из-за стола... А Мареева из сна словно кто-то науськивал. Он быстренько поменялся с другом чашками с чаем. Тут как раз вернулся к столу Сашко.

— Не в то горло попало, Сашко?

— Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие!

Таков был ответ, как выстрел из пистолета, причём фраза из заезженного анекдота. На этом фантасмагория с розыгрышем не прервалась! Почему так грубо, не похоже на себя, отреагировал на шутку Сашко? И дальше пошло всё наперекосяк, а почему?

Утром, после завтрака, после реального завтрака с фирменной яичницей «от Обабко», его, Мареева, на самом деле, словно Остапа Бендера, понесло. Пнул ногой соседского чёрного кота, который у дверей веранды ждал традиционного угощенья. Тот заверещал и мигом перемахнул через ограду в свой двор, а Сашко с удивлением посмотрел на друга:

— Сева, что случилось? Какая муха тебя укусила?

— Да это чёрт с того света, а не кот! Вечно этот Чёрный с утра крутится у дверей, шпионит, как Дуремар известный.

Днём обедали в прибрежной таверне. Мареев устроил скандал, заявив официанту, что мясо пережаренное. Потом спохватился, но извиняться не стал, зато при расчёте дал официанту немыслимо большие чаевые, а тот, улыбка во весь рот, в ответ на чистом украинском:

— А вы заходьтэ до нас щэ, заходьтэ, землякам тут завжды ради. А за мясо выбачайтэ. Нэдоглядила Хрыстя. Бильше такого не будэ.

— Ой, так цэ ж земляк! — обрадовался Обабко.

Еле увёл друга из кипрской таверны с украинским персоналом и сладкоголосием семейной пары из Черновцов. Потом Сашко долго удивлялся, как удалось официанту Грыцько так хорошо овладеть греческим? «Каких чудес на свете не бывает! — думал Мареев. — Жизнь заставит, и китайский выучишь. И не только...»

Под вечер набрели на художественную галерею. Сашко ступал по залу, всматриваясь в морские пейзажи — разноцветные водоросли походили на фантастических спрутов. А Мареев тем временем во всю флиртовал с молоденькой Данаей, красивой и улыбчивой! Как пришли в салон, он сразу же с ней расцеловался. А потом пошёл болтать, при этом приобнимал девушку за плечи. Не будь здесь Обабко, не прочь был и за другие места пообнимать красавицу.

«Волосся сывие, а голова шалие», — так думал Сашко, отводя глаза в сторону. Стыдно стало за друга? Ну, нельзя же в таком возрасте так напропалую волочиться за молоденькими женщинами! Обабко отошёл к двери и стал заинтересованно всматриваться в морскую даль. До чего же красив этот морской простор! И над ним — лазоревое небо! Живой пейзаж — жизнь без фантасмагории, без всех этих чужих Данай... Хотя люди на острове весёлые и

приветливые. Женщины раскованы и доброжелательны; вот Даная терпит ухаживания возрастного мужчины, и, кажется, что ей это даже нравится. Хотя, возможно, она и не придаёт какого-то особого значения этому общению с Мареевым? Солнце, море, беззаботная жизнь располагают к открытости, к.... Мысли Сашка Обабка прервал голос Мареева:

— Нэ трэба завидовать, мий дружэ!

— Звидкы ты цэ взяв? — вырвалось у Сашка.

— Та, цэ я так... бовкнув, що прыйшло у голову. Що, вгадав?

Впервые за время пребывания на Кипре Сашко Обабко обиделся на друга. Нельзя же так бесцеремонно вторгаться в чужие мысли. Что-то происходит с Всеволодом. Не такой он, как обычно!

От ужина Сашко отказался и отправился спать сразу по возвращении из города.

* * *

Солнце давно поднялось над домами, освещая дорогу к морю, а Сашка всё не было и не было. Накануне вечером не стал ужинать, а с рассветом ушёл из дома! Терзали разные мысли. Как-то глупо вчера всё пошло: во сне соли другу в чай насыпал! Зачем? Дурость несусветная. Как мог он, Мареев, так шутить? А потом на глазах у друга чёрного кота пнул ногой, зная, как Сашко любит кошек. Он, Мареев, сам дурью стал маяться! Сам и есть Дуремар, а не кот Чёрный! Да и в салоне чёрт его дёрнул съязвить про зависть. Что-то с ним, с Мареевым, не так! С чего вчера так завёлся?

Всеволод вошёл в дом и включил телевизор. Шла программа «Как устроена Вселенная». Диктор излагал версию английского физика, что в ближайшие несколько десятков лет человечеству придётся покинуть Землю

из-за угрозы гибели от столкновения с астероидом-убийцей. Вселенская катастрофа, которой опасаются учёные. Серьёзный мужчина из телевизора «обрадовал», объявив, что человечеству неизвестно более половины угроз, таящихся в глубинах космоса, и добавил, что вчера на опасном расстоянии пролетел огромный астероид, и если бы он столкнулся с Землёй, то от неё ничего не осталось бы. Катастрофы не случилось потому, что астероид отвернул от Земли, словно чья-то рука подправила его орбиту. Но такие опасные сближения небесных тел не проходят бесследно для землян, особенно метеозависимых. Люди плохо себя чувствуют, меняется их психика, некоторые совершают неадекватные поступки...

«Как страшно жить! Сашко, слышишь, как стало ещё страшнее жить; чем больше информации приходит, тем сложнее разобраться в хитросплетениях этого мира...»

Мареев стоял посреди комнаты, уставившись в экран телевизора. Вот это да! Вот тебе и присказка «не с той ноги встал»! И сон неслучайный, пророческий сон! А если бы он встал с кровати с правильной ноги, то избежал бы дурного настроения? Нога и пролетающий мимо Земли астероид разве не связаны между собой? Как знать?! Встал с левой... и получай день неожиданностей и вагон неприятностей! Встал с правой... и пронесло! Действует закодированная программа где-то там, на Небесах? «А ведь Сашко ничего об этом не знает! Ни я, ни он не виноваты», — думал Мареев. «Нет, Сашко ни при чём, это я вёл себя как скажённый!» — громко воскликнул Мареев и, словно очнувшись от столбняка, выскочил из дома, побежал в сторону моря.

* * *

В парке «Дасуди» на скамейке у моря сидел Сашко Обабко. Рядом с ним рыжий кот. Мареев пожалел, что в

спешке не захватил с собой мобильник, такой кадр пропадает! Тихо приблизился к необычной парочке и произнёс покаянным голосом: «Прости меня, Сашко! Видимо, я вчера утром не с той ноги встал...»

Два друга и кот ещё долго сидели на скамейке, любовались морем. Потом они завтракали в кафе на пляже. Кофе, французские булочки... А для кота — сосиска!

6. Прощание с Кипром

И вот наступил этот день. День прощания с Кипром, день отлёта! С утра Сашко Обабко побежал на пляж «Дасуди», захотелось ещё раз окунуться в море, вдохнуть запахи эвкалиптовой рощи, да и с рыжим котом попрощаться. А вот и он! Лёгок на помине. За поворотом к морю, возле олимпийского бассейна, бежит навстречу, почему-то поджав хвост. На этот раз Сашко не оплошал, заранее припас угощение для друга — сосиску, разогретую на сковороде.

— Что, дружочек? Узнал меня? Узнал, узнал! Встречаешь. А вот тебе и угощенье.

Кот с поджатым хвостом несмело приблизился к сосиске.

— Да что вы, ваше высочество, скромничаете? Кушайте. Тёпленькая сосиска. А хвост-то чего поджали? Поранили зад? — с этими словами Обабко ловко зацепил и приподнял хвост рыжего.

— Мяа-ау-у, — котяра противно взвизгнул, взвился и умудрился царапнуть Обабко за подбородок, моментально отскочив в сторону.

Стоит, изогнув спину и заняв угрожающую позицию.

— Гадина! Так ты — кошка, оказывается! Пошла вон, стерва! — Сашко пнул ногой сосиску и отправился восвояси.

Надо же такому случиться?! А как похожа, поганка, на рыжего Зевсика! Потрогал руками лицо и обнаружил

кровь. Надо быстро солёной водой промыть, а то зараза какая-нибудь пристанет. Такая незадача!

«Нет худа без добра», — вспомнилась старая поговорка, когда увидел огромный красный диск солнца, вставший над горизонтом. Хотя Мареев говорит, что по морским приметам, когда солнце красно поутру, моряку не по нутру. Но нет! Не всегда эти самые приметы работают! Небо чистое, лазурное. Море спокойное. Красивое утро! Обабко быстро разделся — и в воду. Море всё смоет, всё спишет его канцелярия! Вспомнил инцидент с рыжей кошечкой и рассмеялся: «Не надо было барышне под хвост лезть!»

Каждый день с ним что-то происходило на Кипре. Будет что вспомнить и друзьям в Киеве рассказать. А проявившийся на фотографии столб света в ночном небе! Чем не чудо? Фотографировал Мареева поздно вечером на безлюдной неосвещённой улочке в Пареклише. Небо тёмное. И на тебе — на фотографии стоит Мареев, а над ним столб света, ниспадающий с неба. Может, это было явление самого Зевса? Ведь из древних сказаний известна его способность менять своё обличье, даже умудрялся превратиться в золотой дождь и, проникнув в медную башню, соблазнить там юную красавицу. Да... манки-приманки, чудеса в решете!

Вдоволь накупавшись и надышавшись настоянным на эвкалипте воздухом, Сашко прибежал трусцой к дому. Последний день, дел невпроворот, завтра рано утром в аэропорт. А сегодня надо ещё раз одному прогуляться по старому городу, чтобы налюбоваться и попрощаться с ним. Зайти в старинный православный храм Айя-Напа, поставить свечки во здравие и за упокой близких людей. Может, и подарок для Нади подберётся?

Дома наскоро позавтракал с Мареевым, успел рассказать ему о рыжей кошке, поцарапавшей лицо. Мареев не удержался и съязвил:

— Не Эллочка-людоедочка то была?

— Да хватит уже, Сева!

До старого города добрался рейсовым автобусом, а потом пошёл кружить по его улочкам-переулочкам, останавливаясь перед старинными домами и делая селфи. На верандах кафешек — немногочисленные гости потягивают кофе и беседуют. Вот пробежали мимо него три симпатичные девчушки в коротеньких платьицах. Торопятся, но весело им, щебечут, что воробьи ранней весной. Встал спиной к убегающим девушкам и сделал селфи на фоне живописной улочки с виднеющимся в конце её минаретом, свидетельством пребывания турок на этой земле. Посмотрел снимок на экране телефона и удивился: рядом с девчушками фигура человека в чёрной шляпе и пальто. Очень похожая на кого-то из знакомых. Так не было этой фигуры наяву! Посмотрел в конец улицы! Как не было? Увидел того же человека, но уже удаляющегося от него. Шёл господин неспешно, опираясь на трость. Со спины видно, что слегка сутулится. «Как же он прошёл мимо меня, что я не заметил?» — удивился Сашко. И вдруг его осенила догадка, и он кинулся бежать за человеком в пальто. Человек резко обернулся и остановился. О Боже! Царица небесная, спаси и помилуй! Перед ним стоял сам Гоголь!

— Мыколо Василёвычу! Вы? Тут, на Кипри? — пролепетал потрясённый Сашко.

— Пан добродий Обабко? А вы що, Пушкина хотилы тут зустриты?

— Да я... Ведь вы...

— Читал, читал ваш опус о моей жизни. Нафантазировали вы, батюшки сколь премного... Кое-что вам и удалось. Но зачем же ад поминать в названии?

— Простите, Николай Васильевич! В новом издании будет — «Смех над огнём», «Смех над огнём»...

Гоголь снисходительно кивнул головой и пошёл дальше, постукивая тростью по мостовой. И тут Сашко спо-

хватился, в нём очнулся журналист, и он кинулся вслед за Гоголем:

— Николай Васильевич! Николай Васильевич! Один только вопрос: «Почему Вы сожгли рукопись?»

...Над ним стоял Мареев и тряс за плечо:

— Сашко, ты что кричишь? Приснилось чего?

— А? Что? А где Николай Васильевич?

— Какой Николай Васильевич? Кто это? Поднимайся! Завтракать пора!

И тут Обабко понял — это был сон, всего лишь сон. Фантасмагория! А ведь были планы с утра пойти на пляж и попрощаться с рыжим Зевсом, а потом посетить храм Айя-Напа в старом городе. С тем и уснул. И вот — на тебе! — проспал.

— Сева, не до завтрака. Я лучше в старый город сбегаю, а по пути на пляже с Зевсиком попрощаюсь.

— И с Николаем Васильевичем встретиться хочешь? Не с Гоголем ли? Ну и чудик же ты, мой друг! Посмотри в окно.

За окном бушевал ливень. Порывы ветра хлестали по стеклу веткой пальмы и тяжёлыми потоками воды. Долгожданный и благословенный дождь! Радость для засушливого Кипра. И разочарование для Сашка Обабко. Хотя... в этом дожде, возможно, был какой-то тайный смысл, о чем поэт будет потом долго думать в Киеве, пытаясь разгадать утренний сон последнего дня пребывания на Кипре.

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ

Глаза блестят, губы — улыбчивые, фигура... фигура — загляденье, талия — от бабочки, готовой взмахнуть крылами и порхать, порхать... высокая шея, бюст — невозможно мужскому взгляду не задержаться в восхищении... Да что там! Русская красавица, из тех странниц, кто ехал за границу вовсе не баловнем судьбы. Она на Кипре уж двадцать лет, оставила страну, где всё стремительно разваливалось, уехала не потому, что испугалась нищеты и безысходности, словно нарисованных на лицах большинства её соседей по кооперативному дому. Нет, не потому! А потому, что любовь... у кого она не приключалась на последнем курсе института?! Студент-киприот Янис и русская красавица равняется любовь. Её отец, известный в России юрист Николай Торопцев, не встал поперёк, а вот мать, Елизавета, носом покрутила. Куда там! Мариночка окончила МГИМО! Экономист международного уровня! Звучит?! Правда, хотели, чтобы стала юристом как папа, как мама, но девочка сама выбрала экономику, у неё намечается блестящая карьера, и на тебе... зять с южного острова или полуострова?! Не пара её дочери, весёлой и заводной, этот всегда странновато улыбающийся и малоразговорчивый киприот; Елизавета Максимовна — театралка, ни одного, слава богу, нового спектакля в Москве не пропустит, и о чём ей говорить с увальнем Янисом из захолустья, где одни виноградники?!

— Успокойся, мама, тебе с ним не здороваться по утрам на кухне. Жить мы будем на Кипре, — заявила Марина после очередного спора с матерью.

— Никакого Кипра! В Москве и только в Москве! И что ты в нём нашла?

— Он мне нужен. Можешь понять, что люблю я его?

— Не могу-у-у! Страсть и любовь улетучатся, а проблема останется. Да на этом его Кипре театров нет настоящих... Всё танцуют сиртаки да поют тягомотные песни. О чём поют, разве поймёшь, когда языка не знаешь?

— Язык — не проблема. Выучу.

— Но гречанкой не станешь, будешь скучать.

Не хотелось идти на конфликт с матерью на заре семейной жизни. Пришлось искать компромисс, и Янис остался в русской столице.

Что с того, что с работой всё «упаковано» и квартиру снимали неплохую? Начавшись с ситца, жизнь не станет шёлковой — ни в какую; диктат матери рос и рос, а главное — муж заскучал по Кипру. Обыкновенные киприоты чаще всего возвращаются на свой солнечный остров из любой точки на карте, но Янис — необыкновенный, и никто никогда не уличит его в том, что он как «все», да ещё чтобы сразу после учёбы — к своим родным виноградникам, оливам и пальмам. Вон, некоторые делают в Англии карьеру, потом всё равно назад — к солнцу, к морю, к безалаберной в чём-то островной жизни... Первым уехал Янис. С трудом, с помощью отца добилась Марина от властей согласия на поездку к мужу — и... прощай сумрачная Москва, город тысячи и одной национальности!..

...Из иллюминатора Марина наблюдала за игрой света в крупных белых облаках, вблизи похожих на огромных великанов, неспешно плывущих навстречу. Плывут, плывут и остаются там позади, над Средиземным морем. И воспоминания, как облака, обретали очертания, совсем

некстати подступали, наполняя душу неясными чувствами. Есть причина, есть... Много чего было в её жизни за эти годы: она — директор крупной финансово-инвестиционной компании с кипрской лицензией, управляет проектами на десятки миллионов евро. Сами богачи не в состоянии контролировать свои деньжищи, и, слава богу, умным профессионалам есть где приложить знания и опыт. У Марины — весомый и устойчивый доход, ещё и свою долю в компании имеет. Несмотря на то, что ушли с повестки дня офшоры, услуги финансистов как ценились, так и будут цениться всегда. Благоприятный кипрский климат да удобные, понятные законы ценятся приезжими богачами... особенно, когда у них на родине подули другие ветры, понуждая через налоги делиться с государством. Закрутились, забегали, а некоторые дали стрекача, пытаясь по привычке ускользнуть из расставленных ловушек. А куда ускользнёшь из тенёт московских? Постепенно доберутся, а сейчас есть лазейки, в том же Гонконге пока ещё налоговый рай. Ох и хитёр богач на придумки! Некоторые всё заранее предусмотрели, вывели деньги в солидные банки в западных странах на своих жён и доверенных людей, выбили там для них вид на жительство или даже гражданство и таким вот макаром легализовали нажитое праведным и неправедным путём. Чем плохо для острова? Налоги платят с интереса в банках! Страна, приютившая эмигрантов, довольна: деньги тратят, инвестиции в экономику опять же... Чиновников крупного масштаба уйма среди клиентов финансово-инвестиционной компании. У них на Кипре дворцы и счета в местных и не местных банках! А у некоторых недвижимость по всему миру разбросана. Помнится, один из бывших губернаторов, почуяв, что пахнет на родине «жареным», сбежал оттуда со всем своим скарбом, мыслимым и немыслимым, и оказался её, Марины, клиентом. Наворовал на родине так, что из всех щелей на свет стало ползти ворованное, ан нет, сумел выкрутиться. И отсю-

да, из далёкой заграницы, продолжает «любить» Россию неиссякаемой любовью верноподданного. Когда Крым плавно и бескровно отошёл от Украины, этот «патриот», будучи в ресторане в подпитии, вскочил из-за стола и стал рвать «тельняшку» на груди:

— Пошли все вон! Американосы вон! Европейцы вон! Крым наш — и баста!

Официант оказался из русских и сумел двумя-тремя словами успокоить сорвавшегося с катушек. Что этот вечно бессловесный парнишка, улыбаясь, сказал бывшему губернатору, неизвестно, но тот сник, сел на место и предложил всем выпить за русских женщин, хотя за столом, кроме Марины и Кати, никаких других женщин и не было.

— А давайте за вашу супругу и выпьем — здоровья ей и терпенья! — предложила Катя.

«Губернатор» полез чокаться и чуть ли не целоваться.

Когда дома Марина рассказала Янису о безобразной сцене, устроенной богатым клиентом в ресторане, тот невозмутимо прокомментировал:

— Наверное, забылся и полез свой патриотизм демонстрировать, как, бывало, это делал на родине. Привычка не атрофируется за границей.

— За Родину стыдно.

— Марина, ты работаешь в таком месте, где такие персоны собираются, защищая себя и свои капиталы от правосудия. А что ты хотела от них услышать?

И это сказал киприот! Чем и как она могла возразить Янису? Она — финансист, почитает законы. Подружку жалко: в Подмосковье работает адвокатом, имеет дело со всякими-якими, даже с осуждёнными за разбой, а Марине чего уж страдать!

Незаметно пролетело время, и самолёт заходил на посадку в Лондоне. Скоро, скоро она увидится с Лизонькой, старшей дочерью. В честь бабушки назвали — Янис уважил тёщу Елизавету Максимовну! Девочка учится на

первом курсе университета, из самых престижных. Умница, мамина дочь; английский, французский, русский и греческий — четыре языка знает! Запланирована встреча лучших студентов с королевой, и её дочь попала в эту группу. Всего одна — с первого курса, а остальные старшекурсники! Марина гордится Лизой. А меньшая Каролинка?! Юная балерина! В свои четырнадцать лет уже участвует в международных конкурсах.

Вынув из сумочки телефон, Марина стала просматривать видеозапись Московского международного конкурса артистов балета. В младшей группе выступала Каролина, высокая и длинноногая, девочка-тростиночка произвела впечатление на членов жюри. Успех! После конкурса Каролине порекомендовали поступать в Академию Русского балета им. А. Я. Вагановой! Жить и учиться в Санкт-Петербурге, в культурной столице России! А дочь раздумывает, пока не решила ещё... И Янису не хочется так рано отпускать младшую, но как он радуется её успехам! Нет, нет... Он обеих девчонок любит, хотя Каролинку жалеет и балует больше — маленькая, а характер железный, на репетициях работает с упорством, под стать взрослой. Контроль, контроль и ещё раз контроль над девчонками. Иначе нельзя! У Лизы такой прекрасный английский и французский благодаря требовательной маме! А сколько пришлось поволноваться, чтобы выбрать в Англии университет... Всё прошли, многого добилась дочь, но впереди ещё сколько испытаний! Внимание парней к Елизавете-большеглазке — тоже беспокойство. Как не помянуть добрым словом бабушку Лизоньки — ни за какие коврижки не хотела отпускать далеко от себя Марину! Так вот и Марина вовремя разглядела в сыне богатого итальянца интерес к наркотикам и... дала ему от ворот поворот. Да и характер у девочки оказался мамин — три дня проплакала, но потом — всё! Запретила себе даже думать о нём. Как не гордиться обеими дочерьми?!

«А вот горжусь ли я сама собой? — думала Марина. — Мне бы самой устоять!» Долго не хотела себе признаваться, что растерялась от своих расхристанных чувств. Яниса любит — родной, двадцать лет вместе. Любит, любит его как супруга, как главу семьи, как отца своих детей... Любит его — практичного, внимательного, надёжного... много ещё хороших слов можно найти для Яниса. Любит, любит, любит... Но не так, как любила в студенческие годы: безрассудно, бесшабашно, безоглядно... А как? Кто-то из писателей сказал, что биологически любовь живёт три года, а потом превращается во что-то другое: в дружбу, в уважение, в умение находить компромиссы, терпеть, прощать... Чёрт бы побрал этих мудрецов-писателей!

Как-то Марина не выдержала и спросила коллегу Катю, любит ли она Адониса; пятерых детей ведь нарожали... Катя посмотрела на неё удивлённо:

— Конечно люблю! А кого мне ещё любить? Маринка, ты почему спрашиваешь? Что-то узнала про Адониса?

— Да ничего не узнала! Просто спросила. Ведь у вас пятеро детей... — успокоила Катю.

«Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...» — пел в давние времена Леонид Утёсов. Что же с ней, Мариной, случилось? Летит к Лизе, чтобы поддержать девочку, а сама не может своим мыслям ладу придать: «Сергей, откуда ты взялся на мою голову? Жила спокойно и горя не знала, а вот нагрянуло...» И что нагрянуло — не поймёшь! Откуда? Пришёл клиент, обычный клиент, успешный бизнесмен из Москвы. Стали общаться. Почему так? Почему Сергей стал занимать столько места в её жизни? Уверенный мужской взгляд, застенчивая детская улыбка, высокий, широкоплечий, говорит легко и непринуждённо... Да, конечно, на такого женщина не может не обратить внимания! Но она, Марина, не обращала, вернее, не то чтобы не обращала — обращала и ещё как, но чтобы сблизиться с Сергеем... Нет, нет и

ещё раз нет, и в мыслях такого не было! Но встречи, участие в переговорах постепенно привели к тому, что она оказалась на его территории жизни, и Сергей, видимо, не зря чаще, чем нужно для дела, зачастил в её офис. Кому нужно? Ему? Ей? Ведь оба женаты! У обоих дети! Но разве задумывается бабочка, почему она летит на огонь?! Почему в природе такая борьба за самку? Даже львы, случается, убивают друг друга. Кто в природе выбирает? Самка или самец? Голубь очень нежно ухаживает за голубкой, добиваясь её внимания. Ведь воркуют голубки очень похоже на молодых людей. Химия? Инстинкт? Нет, у людей всё иначе! Благоразумно, взвешенно и даже расчётливо? Хотя... жизнь человека — не балет, не опера, где Ромео и Джульетта! Тристан и Изольда! Франческа и Паоло! Любовь трагическая! Любовь беспощадная!.. А бывает ли любовь счастливая, «любовь до гроба»?! Когда-то Марина думала, что бывает, что у неё именно такая любовь!

Самолёт приземлился мягко, раздались жидкие аплодисменты в благодарность лётчику. А что хлопать? Обычная работа, без каких-либо казусов. Только сейчас Марина обратила внимание на сидящих рядом пассажиров: худенькую девочку-подростка и бабушку с огромной седой шевелюрой. Девочка — тихая, как мышка. И бабушка не говорливая. Слава богу, что такие соседи попались, дали ей возможность побыть наедине с собой. А то такое бывает: попадутся шумные и приставучие, особенно мужчины, норовят удивить даму оригинальностью своих суждений. Но рано радовалась: на выходе из бизнес-класса дорогу преградил рыжий верзила и сказал по-английски, улыбаясь во всю ширь своего веснушчатого лица:

— Можно вас спросить, мадам?

— Пройдёмте, по пути спросите, — ответила Марина по-русски, уловив специфический акцент рыжего.

На трапе мужчина обернулся к ней:

— Виктор, из Никосии. Тоже русский. А вас как зовут?

— Марина! Вы это хотели спросить?

— Да. Вы мне очень понравились. Захотелось познакомиться. А вон у трапа меня брат встречает, — Виктор назвал фамилию известного олигарха.

И правда, у трапа стояла машина, рядом два джентльмена в чёрных костюмах, чуть впереди них — мужчина в джинсах и бейсболке, с рыжей щетиной на лице.

Представив Марину брату, Виктор стал настойчиво предлагать подвезти и, как бы шутя, за руку тянул в машину. Олигарх помалкивал. С трудом Марине удалось отказаться от приглашения:

— Извините, ребята. Меня ждёт мужчина, — сказала по-английски и словно в воду глядела.

«Эти олигархи ничего просто так не делают, — пришла мысль. — Может, узнали, что я дочь Николая Торопцева? Прижали на родине, вот и потребовался именитый юрист?»

В такси по пути в гостиницу она вспоминала это случайное знакомство со смешанными чувствами: с одной стороны, шокировала настойчивость Виктора, но всё же... Мало-помалу её мысли вернулись на свой круг: о девочках, о Сергее. Вчера она впервые приняла его приглашение вместе поужинать в рыбной таверне «Меланда». На столе — вино, виноград и больше ничего, а ведь эта таверна славится превосходными блюдами из свежей рыбы. Смотреть-то смотрели друг другу в глаза, но о чём говорить, если о формальностях сделки всё сказано? Клиент заработал приличные деньги и заплатил фирме солидные комиссионные.

Сергей взял её руки и поднёс к своим губам:

— Мариночка, бесконечно благодарен вам за работу, за встречи, за этот вечер! Жаль, что всё так быстро закончилось.

— Нет, не быстро! — улыбнулась Марина. — Но всё было хорошо.

— Придётся новый проект начинать, чтобы продолжить нашу дружбу, — пошутил Сергей. — Завтра же начну, завтра приду к вам с новой идеей. Можно?

— Завтра в это время я уже буду в Лондоне, в отеле «Ковент Гарден»!

Сергей быстро посмотрел на Марину:

— И как долго вас, Марина, не будет в Лимассоле?

— Неделю. У Лизоньки несчастная любовь, а Янис не может к ней полететь. Да и вряд ли отец здесь поможет. Девочка ждёт меня.

Внизу, у моря, стояли парень и девушка и непрерывно целовались, не обращая ни на кого внимания. Над горами висело огромное красное солнце, незаметно скатываясь вниз. Ещё чуть-чуть — и оно унесёт с собой в прошлое этот день. Запомнится ли Марине на всю жизнь эта таверна с редкими туристами, это огромное светило, эти предзакатные минуты? Скажи ей Сергей, что он хочет поехать с ней в Лондон и... Она согласилась бы без всяких вопросов и оговорок. Она даже хотела этого, ждала этого, но Сергей лишь улыбался загадочно... Из памяти Марины всплыл звонок «известного юриста» — отца и его многозначительные фразы: «Чувствую, что возвращаемся ко временам трипольского общества с женщиной во главе; чем выше достаток, тем больше власти у некоторых дам... Страсти наши... от закатных вечеров и до холодных утренних рос. А всё свобода, свобода, будь она неладная...» И понимай сказанное, как знаешь. А что здесь непонятного? И что возразишь?

«А вдруг Сергей прилетит в Лондон и остановится в моей гостинице? И что дальше? Вдруг я встречу его за завтраком?» — с ужасом и надеждой думала Марина. Нет, ничего она не может изменить в своей жизни. Не может предать Яниса. Впервые он сам отвёз её в аэропорт, чего раньше никогда не случалось, обычно она заказывает

такси. В аэропорту сказал по-русски: «Долгие проводы — лишние слёзы. До встречи, милая. Поцелуй за меня Лизу». Сказал и быстро убежал, чмокнув в щёчку. А если Янис что-то заподозрил? Конечно — мог, ведь она стала проводить с ним меньше времени. В последнюю неделю, сославшись на недомогание, перешла спать в гостевую комнату. И Янис стал даже более молчаливым, чем раньше был. А может, он услышал разговор с мамой на кухне, когда та прилетала из Москвы погостить? Тогда мать глянула на неё таким взглядом, «следовательским», с подозрением и уверенностью, что задержанный сознается.

— Что, Мариша! Как я и предупреждала — страсть ушла, а проблема появилась? Не переживай, обычное дело это... Мы с твоим папой в браке и трёх лет не продержались, а ты с Янисом уже почти двадцать лет вместе. Так что считай, что я ошиблась. Теперь уж что вспоминать!?

— Прекрати, мама! Я как любила Яниса, так и люблю. И он меня любит.

— Ой ли! А глаза-то у тебя, Мариночка, печальные!

Да, глаза печальнее коровьих, если вспомнить строки классика русской поэзии.

Тогда Марина выскочила из кухни и столкнулась в дверях с Янисом. Возможно, не слышал он ни её, ни материнских слов. Или просто промолчал? Даже вида не подал, но... после ей показалось, что Янис в последнее время стал задумчивым и встревоженным. Забросил свой виноградник. Дай бог, чтобы на время. Иначе найдёт другое занятие. Какое другое занятие? Что здесь непонятного? Так поступают многие кипрские мужчины — находят молоденьких туристок... и прощай, семья!

О Хитроу! О Лондон! Гостиница... Бойкий юноша-индус открыл дверь, подхватил её чемоданчик и унёс. Марина ещё какое-то время стояла, разглядывая идущую по дорожке пожилую пару — англичан, вероятнее всего. Она смотрела на них с сочувствием и с жалостью к себе...

Вчера вечером сидела в таверне с Сергеем, утром её провожал в аэропорт муж, и вот она — одна, а завтра — неизвестность? С Лизой будет всё в порядке, она уверена, знает, что подсказать, чему научить девочку. А вот кто ей, Марине, подскажет, как дальше жить? А вдруг Сергей прилетит вслед за ней? Нет, она так не может, чтобы и Янис, и Сергей! Любовная интрижка? Это не про неё! У неё такой характер: всё или ничего! Янис или Сергей? Сергей или Янис? «Дурочка, что ты себе напридумывала? Почему ты решила, что Сергей тебя любит? Он с тобой до сих пор на „вы“! Ни разу даже не целовались!» — рассуждала Марина. «Но я... мне кажется, что я люблю Сергея...» — отвечала себе сама. Постояв ещё с полминуты, решительно шагнула к дверям гостиницы — они раздвинулись, как два края света, и она чуть не упала в обморок от увиденного. Посреди вестибюля стоял Янис с огромной охапкой алых роз!

Марина кинулась к мужу на шею и стала лихорадочно его целовать, не обращая внимания на хлопающих в ладоши гостей и персонал отеля. Как Янис оказался в отеле? Какая разница? Эта мысль ей даже в голову не пришла. Он здесь — и всё. Любимый, родной, свой и настоящий...

Эту историю по секрету я услышал от Марины, с которой у меня многолетняя дружба.

— А как же... — начал было я.

— Не нужно, Алекс! — перебила меня Марина. — История не окончена.

На Кипре снова весна, обновление в природе. После весенних дождей остров покрылся яркой зеленью, расцвели деревья.

Я смотрел на улыбающуюся Марину и думал, что ничто так не красит женщину, как любовь.

Утреннее настроение

Необычно холодный апрель задался этой весной, особенно в первой половине.

Мареев ночью просыпался от мурашек, бегающих по коже. А вот кто бы встал и поискал потеплее одеяло... приходилось спорить с самим собой и с настырной холодрыгой. Днём ничего, хоть и ветры задували, а всё же не то, что в Москве, где снег да снег. Жена жаловалась, что тепла никак не дождётся, не заводя речи о его возвращении из жарких стран.

«Но то в Москве, а почему здесь природа бесится, — недовольно ворчал Мареев, — деревья цветут, солнце светит, а ночью — так некомфортно».

Утро вроде бы повернуло на погожий день: небо чистое, море спокойное, солнце ласковое... И настроение певучее. Не от погоды же? А может быть, от всего понемножку? Прогулялся по набережной Лимассола. Встречная киприотка, молодая, с приветливым лицом, поймав его взгляд, улыбнулась в ответ и поздоровалась: «Калимера!» (что значит «доброе утро!») Под крупнолистной магнолией бабушка привечала кошек, горкой насыпая корм и приговаривая: «Кушайте, кушайте, милые...» Как эта сердобольная старушенция оказалась на Кипре? Может быть, давно проживает здесь? А может, внуков приехала навестить... и вот обеспечивает едой и питьём бездомных котов. Хотя... вся набережная — их

дом! Вон, в прошлом году прямо у прогулочной дорожки, в камнях кошка принесла пятерых котят и выкормила-вырастила с доглядом гуляющей публики. Это самое место среди камней и есть родина её малышей! Сначала неуклюже ползали, позже подросли и стали на потеху людям резвиться, гоняясь друг за дружкой. Меньше года прошло — и теперь они уже взрослые и упитанные! Благодатный край, здесь даже кошкам приволье: дыши морским воздухом, играй и размножайся, врагов-то нет... Но, если всерьёз... лисы — чем не враги? Сосед Михалис рассказывал, что у него в деревне Пиргос, в саду, три кошки жили кряду несколько лет. И вдруг стали исчезать, сначала одна, потом другая. Пошёл однажды Михалис искать их и нашёл тело своей любимицы Мицы среди кактусовых кустов, грудка выедена — это лисий нрав. А две другие мурки пропали. Но чудеса бывают — через год чёрно-белая Диана обнаружилась. Худая-прехудая... Видно, горемычная, спасалась где-то подальше от вражины-лисы. Нашлась управа и на лису, охотники зимой подстрелили, вот и вернулась Диана к Михалису в сад.

Не очень богата кипрская жизнь Мареева на события, все размеренно, обычно: встречи с друзьями, прогулки по набережной, редкие поездки в горы... Не то что раньше, когда моряком был.

Утром с печалью и радостью рассматривал фотографии из курсантской юности. Выставил некоторые снимки на своей странице в фейсбуке. Пока завтракал, подруги из Бурятии отреагировали на фото курсантика «лайками» да возгласами типа «бравый моряк!», «симпатичный!» А Оля, оперная певица из Улан-Удэ, удивила, предположив, что на фото герой из какого-то кинофильма, не узнала юного Мареева. Пошутила, конечно. «Сердечные бурятки...» — подумал он, явственно почуяв сладко-терпкий запах Востока. От комплиментов и навеянных ими мыслей настроение пошло подниматься до неба чисто-бирюзового. Он подходил к окну, смотрел на

море, представлял, что там, где тёмно-синее море переливается в небо, за линией горизонта, всё ещё идёт его теплоход «Калязин», а он стоит на мостике с биноклем, радуясь безмятежной погоде и гордясь собой, молодым и удачливым капитаном... «Никогда я не был на Босфоре...» — вспомнилось есенинское; в курсантские годы проходили Босфором, и он, паренёк из села, с жадностью всматривался в чужой утренний берег с минаретами, с загадочной и уже потому привлекательной жизнью.

Мареев не вытерпел и ещё раз посмотрел на своё фото в фейсбуке — юноша в курсантской форме смотрит вдаль... И неожиданно для себя запел:

А он моряк и в том не виноват,
Что любят девушки везде таких ребят!

Было, да прошло, быльём поросло всё... Ах, но день-то, кажется, задался? Одно к одному: распогодилось окончательно, не потому ли русская бабушка кормит котов на набережной? И весточка пришла от бурятской певицы Ольги Жебруновой! Голос от Бога, внешность — наследие древних предков... Повезло Марееву, что певица запела песни на его стихи, словно всю жизнь провели на одной параллели? Кипр и Улан-Удэ!

На пляж, на пляж, на пляж... День — не ветреный, солнце — нежаркое. Он быстро собрал пляжную сумку, вышел на балкон, чтобы почувствовать погоду, и... накатило, навеяло... стихи полились, Мареев кинулся к столу, побежали строчки... Кажется, на обороте попавшегося под руку листка бумаги — какого-то счёта:

Мне цвет багульника дороже,
Дороже всех заморских роз.
Благодарю тебя, о Боже,
И сердцем радуюсь до слёз
За это розовое чудо...

«Роз-слёз» — избитая рифма? И что? Как говаривал известный поэт Лев Колотилыч Недобрин, нет рифм свежих или несвежих, есть поэты и есть стихоплёты. Кто он, капитан Мареев, поэт или стихоплёт? Не ему судить. Прав Колотилыч, ой как прав! Что выше? Ум или чувства? И то, и другое важно, но «ум всегда у сердца в дураках». Франсуа де Ларошфуко, знаменитый француз из 17-го века, тоже был прав.

Но почему? Почему вспомнился цветущий куст со страницы Ольги Жебруновой в фейсбуке? Наверное, сейчас цветёт багульник у озера Байкал? Хотелось бы постоять рядом с сибирским чудом, полюбоваться этими розовыми облаками, словно слетевшими с неба на берег. Не раз вместе с друзьями-японцами молча удивлялся нежности цветущей сакуры. А на Байкале не пришлось весной побывать. Может быть, там, на байкальских берегах, своя поэзия летает, когда цветёт багульник? Есть поэты, верящие, что стихи уже находятся в природе, в воздухе, в атмосфере... А кто-то из известных сказал, что душа радуется, рифмованные строчки в ней накапливаются и сами просятся к людям. А его, Мареева, душа истосковалась и зовёт, конечно же, к байкальским берегам...

По дороге на пляж прокручивал в голове стихи о багульнике, пытался найти новые рифмы, но получалось как-то казённо, и он решил оставить пока всё как есть: надо поехать и увидеть своими глазами. Вспомнился приятель — небезызвестный поэт и критик Пётр Заречкин, любитель выискивать в словарях и вставлять в свои стихи вычурные словосочетания. А стихи от этого становятся карикатурными. Но любит, любит Петя поучать всех и вся. Один ли он такой?

«О Боже, избавь меня от учителей!» — не сдержавшись, воскликнул Мареев и засмеялся громко. Встречная старушка посмотрела на него удивлённо и тут же улыбнулась. А Мареев в шутку мысленно посоветовал

Заречкину: «Зачем тебе такая жизнь? Возьми пистоль и застрелись!» Вот и он, Мареев, стал советы давать.

Море было ещё прохладным, но некоторые смельчаки уже купались, а детишки строили замки из песка. Мареев разместился на лежаке подальше от дышащей холодом воды; в голове толкалась собственная строчка «Стоят на рейде корабли...»

А они действительно стояли, да разные: большие и маленькие, обычные сухогрузы и танкеры. Вон судно, похожее на буксир, рубка, словно башня, возвышается над низкой палубой. Видимо, оно из вспомогательного флота по обслуживанию буровых установок. На шельфе Кипра обнаружены запасы газа, и киприоты ждут, когда проект добычи заработает. Разговорам уже несколько лет, но нет пока никакого оживления в бизнесе, однако надежда есть... И Мареева греет эта надежда, ведь ему не безразличен остров — здесь у него друзья, здесь он бывает не меньше шести месяцев в году... Не повредят ли нефтяники экологии древнего острова? Байкал как поганили, так и поганят, а ведь это озеро можно назвать душой цивилизации. А древний Кипр — её сердце; здесь, по преданию, проповедовали апостолы Павел и Варнава, побывал Андрей Первозванный, многих известных благочестивых подвижников знала эта земля. Не зря Кипр называют «островом святых». Намоленные места... А шумиха вокруг шельфа с запасами газа — совершенно другая история из жизни практичной и циничной.

От мыслей Мареева отвлекла женщина, расположившаяся на лежаке напротив. Она мельтешила перед глазами, заслоняя вид на судно, он недовольно поморщился. Как говорят моряки, оказалась в створе, на линии Мареева и корабля. «Откуда её бесы принесли? — подумалось, но спохватился и одёрнул сам себя: — Не бурчи! Обычная дама, какое тебе дело до неё?!» Между тем, та, лёжа на животе, головой в сторону Мареева, стала ритмично дрыгать ножками, поднимая их и дирижируя стопами...

«Музыку слушает, — подумалось ему, — слава богу, что у всех хорошее настроение сегодня». Дамочка приподнялась и надела зелёную шляпу с широкими мягкими полями, затенявшими лицо. Мареев заинтересованно рассматривал; как раз на днях начал писать новую повесть, где одна из героинь — женщина средних лет — выбирала шляпу в модном салоне. «И моей героине подошло бы это зелёное безобразие? По уму и шляпа», — перефразировал Мареев известную поговорку. И он ещё раз, внимательнее присмотрелся к даме на лежаке: возраст — подходящий, лицо — неброское, курносенькое. «Рязанская мордашка», — подумал он и отвёл глаза, опять возвращаясь в мыслях к судну на рейде. Представил себя капитаном на этом красавце... Кабы ещё имя ему было «Калязин»! Есть такой городок в Тверской области на берегу реки Волги! А посреди городка речушка Жабня! Уничижительное название речки, а ему, Марееву, нравится... Как самозабвенно в детстве пели лягушки у ставка. Лягушки разные бывают: жабы — огородные, чёрные, бородавчатые и очень страшные; древесные — зелёные, маленькие и симпатичные; а те, у ставка, болотными певуньями были... Прикрыл глаза и явно услышал лягушачий хор! Пишут, что Жабня — река рыбная, жабы там, может быть, только при царе горохе водились. А народ сохранил память о них в названии. Большая Россия, мест красивых в ней много, за всю жизнь не объездишь! Не пришлось побывать в Калязине, но уж в Улан-Удэ обязательно полетит... В Калязине у него никого, а в Бурятии — певица Ольга и её друзья. А ещё там озеро Байкал и багульник! Вековые сосны с фотографий Ольги вспомнились! Мареев аж прижмурился от удовольствия... И песни на его стихи звучат там! Сколько раз собирался в этот сибирский край! Пора, пора! Романтика в душе бушует и зовёт к новым путешествиям! С годами тяга к неизведанному только усиливается! «Байка, Байкал, твои просторы...» Но...

Послышалось, что дама что-то говорит. Мареев поднял глаза и встретился с ней взглядом. «Помощь, что ли, ей понадобилась?» Мареев приблизился к её лежаку.

— What can I do for you? — спросила дама, не отрывая от Мареева цепкого взгляда.

Мареев опешил. Его знания английского вполне хватило, чтобы немедленно осознать подтекст вопроса «что Вам угодно»; с учётом злого выражения на лице это фактически означало: «Какого чёрта ты пялишься на меня?» Мареев растерянно пролепетал по-английски:

— Sorry, but I did not stare at you... I was looking at that nice vessel...

— O'key, — ответила дама и безразлично отвернулась.

А Мареев, словно нашкодивший котёнок, побрёл к своему лежаку. И всё! Настроение было испорчено на целый день и, может быть, даже на неделю. Он будет прокручивать и прокручивать в уме эту ситуацию не один раз. Будет подбирать разные ответы: умные, грубые, весёлые, шутливые... Он знал себя, он будет это делать, пока какое-нибудь новое событие не отвлечёт его от этого позора. Хотя какой тут позор? Нет, он будет думать, что это всё-таки был его позор, потому что мог ответить по-другому, мог подняться над ситуацией. «Может быть, она — путана? — вдруг пришло ему на ум нелепое предположение. — Пыталась познакомиться?» Первый этап депрессии... Мареев перетирал и перемалывал происшедшее в уме, отвернув голову на север, чтобы ещё раз не встретиться взглядами со странноватой дамой. Не дай бог! Хотя как можно встретиться взглядами, если мадам уже лежит на спине и смотрит в сторону моря? «Смотрит на море, а возможно, видит меня». Спиной? Ведь раньше шляпу поправляла, а заметила его мимолётный взгляд. Одинокая, наверное? Безмужние женщины кожей чувствуют взгляд мужчины... А что она — одинокая, Мареев не сомневался, иначе почему одна попёрлась на пляж? Откуда она взяла, что он рассматривал её? Хотя —

да, рассматривал, но это было какое-то мгновенье! Так, скользнул взглядом, слегка задержавшись на... да будь она неладна эта шляпища зелёная, хотя именно такой и не хватало в начатой им повести; мысли навязчиво возвращались к краткому диалогу с дамой, чёрт её побери!

Он старался сконцентрироваться на чём-то другом, перенёс своё внимание на утреннюю прогулку по набережной Лимассола. Вспомнил, как ему улыбнулась молодая и красивая киприотка... Но ещё больше расстроился, пошло-поехало, начался диалог Мареева с самим собой:

— Чувырла пляжная! Из Москвы, наверное?

— Почему сразу из Москвы? Хотя стиль — московский, неулыбчивый! Не заводись! Дамочка — не в настроении.

— Жаба огородная! Я ведь на неё и не смотрел! На кого смотреть? Тоже мне красавица!

— Надо было так и ответить: «Кто вы, мадам? Клаудия Шиффер? Мадонна? Почему я должен на вас пялиться?».

— Всё, Мареев! Прекращай поддаваться депрессии! Забудь! — сказал вполголоса и, сделав вид, что дамы вообще не существует, оделся и пошёл домой.

Весь день он не мог избавиться от стоящей пред глазами картины общения на пляже с незнакомкой. С вечера ему не спалось, в голову лезла разная чепуха, домыслы и догадки; утром встал, не выспавшись и с головной болью. Но потоки солнечного света, льющиеся в окно, щебетанье вездесущих воробьёв на деревьях полнили душу предчувствием праздника. «А ведь сегодня Первомай! Первомай!» — вспомнил с радостью, а ещё вспомнилось, как в Одессе в курсантские годы маршировали в этот день в строю! Обилие красных флагов, цветов и улыбок! И девушки, провожающие взглядом курсантов в подогнанной ладно морской форме. В увольнении гуляли и по Дерибасовской, и в парке им. Тараса Шевченко, лю-

бовались оттуда океанскими судами, стоящими на рейде. А вечера?! Танцы в актовом зале учебного корпуса, где бывали студентки из подшефного педагогического института?!

Курсанты морские девчонок с поклоном
Сегодня на вальс приглашают...

С утра он опять отмерил свои пять километров по набережной. И опять ему повстречалась и улыбнулась красивая киприотка, первой приветствовала: «Калимера!» «Калимера, калимера!» — отвечал Мареев, и потом ещё долго улыбка не сходила с его лица.

Днём Мареев всё-таки решился отправить стихотворение «Багульник», фантазию-посвящение певице Ольге. Электронной почтой отправил. Конечно, в курсантскую пору передавать записки из рук в руки студенткам было куда как более романтично!

Вечером пил чёрный чай с корицей и лакомился мороженым в кафе в недавно построенной марине. Смотрел на пришвартованные у причала яхты и яхточки, вдыхал запах моря и радовался. И вдруг чуть не поперхнулся: едва ли не за соседним столиком, спиной к нему сидела женщина в давешней шляпе с широкими полями! «Дама с пляжа! — мелькнула мысль. — Да нет! Быть того не может! Или может?» И вновь строгая дама заняла все его мысли, и настроение стало опускаться, как говорят на флоте, ниже ватерлинии. Опять начался внутренний диалог:

— Кошка драная!

— А ты, Мареев, лис, что ли? Прекращай злиться!

Но ничего уже не хотелось: не злиться — не мириться! Он, резко громыхнув стулом, встал, чтобы уйти. Дама вздрогнула и повернулась к нему. Невероятно! Та самая, с пляжа! Их взгляды встретились.

— Здравствуйте! — растерянно произнёс Мареев по-русски.

— А-а-а... вы? Пляжный Ромео? — ответила дама, улыбаясь и поправляя шляпу.

У неё оказалась милая улыбка.

— Землячка? Не думал... — произнёс Мареев.

Но тут же спохватился и более уверенно произнёс:

— Что же вы так резко отшили меня там, на пляже? Я ведь и вправду подсматривал за вашей шляпой. Она понравилась мне.

— Здравствуйте, земляк! Хотя я и не из России. Американка я. Там родилась, там и живу. Родители когда-то эмигрировали в Америку из Советского Союза. Меня зовут Кэт!

Вот так-то. Оказывается, в США нельзя засматриваться на незнакомую женщину. Хотя и в России неприлично пялиться на даму, зато в Америке можно спросить у незнакомки кое о чём интимном... Спросить и не схлопотать по физиономии. И даже можно получить утвердительный ответ. «Что поделаешь? Заокеанская страна», — готов был смириться Мареев. А киприотам нет дела до американских порядков, и калязинцев не трогают чужие нравы, не говоря уже о бурятах.

Кэт оказалась журналисткой. Нашлись общие темы для разговора. Более того, на следующий день снова встречались вечером в кафе, и Мареев подарил американке свою последнюю книгу прозы. Кэт рассказывала об Аляске, о первых русских переселенцах, покоящихся на кладбище в Анкоридже. Заливы, фиорды, тундра, многочисленные озёра, частные гидросамолёты, курсирующие между озёрами словно такси... Мареев слушал Кэт, затаив дыхание! Он заочно влюбился в Аляску! Вскоре Кэт покинула Кипр, а у Мареева осталось романтическое послевкусие встречи.

Спустя месяц Мареев получил видео песни «Багульник». Байкал в обрамлении розовых берегов, и над этой красотой — слова припева по-русски и по-бурятски:

И где б я ни была, родная,
К тебе, Бурятия, вернусь...

И он наконец решился: заказал билет до Улан-Удэ с пересадкой в Москве. В день отлёта пришло электронное письмо от американки Кэт. Мареев сохранил его в почте, чтобы потом спокойно прочитать. Сохранил и в суматохе отлёта забыл о нём.

В самолёте вспоминал события последнего апрельского дня: встречу с молодой и приветливой киприоткой на набережной Лимассола, русскую старушку, кормящую кошек у кряжистой магнолии вспоминал, думал о бурятке Ольге Жебруновой предвкушая, как вскоре будет слушать романсы в её исполнении. Он светился от переполнявшей его радости. Симпатичная русоволосая стюардесса, видимо, приняла всё на свой счёт, улыбнулась Марееву, задержав улыбку чуть дольше, чем требовала её выучка.

И вдруг вспомнил письмо Кэт. Он достал из сумки портативный компьютер. Мареев читал и перечитывал письмо и приложенный к нему рассказ «Зелёная шляпа» несколько раз. Словно что-то ранее не замеченное стало ему вдруг понятным и крайне важным. Из добродушного и даже благостного немолодого мужчины он как-то то незаметно превратился в решительного и нетерпеливого. Несколько раз уточнял время прилёта в Москву. Никакого ответа на улыбки стюардессы; та, недоуменно пожав плечами, перестала обращать внимание на странного пассажира. После посадки, когда самолёт ещё катил по полосе к месту стоянки, Мареев включил мобильный телефон и, согнувшись в три погибели, с кем-то разговаривал. Факт не укрылся от стюардессы, и она сделала замечание:

— Пассажир, мобильным телефоном нельзя пользоваться до полной остановки самолёта.

— Больше не буду, — улыбнулся Мареев. — И на Аляске расцветёт багульник, и песня сердца тоже зазвучит!

Стюардесса, видимо, не поняла последней фразы, но тоже улыбнулась.

Из Шереметьева Мареев улетел на Аляску по сложному маршруту с пересадками в пути. И почему на Аляску? Что он такое вычитал в рассказе американки Кэт, заставившее его сделать столь резкий разворот? Чужая душа — тёмный лес. Но всё тайное становится явным, если вчитаться в изданную в Бурятии книгу поэзии Мареева «Утреннее настроение».

А пока вслед за поэтом будем напевать любимую песню русских морских романтиков:

Пьём за яростных, за непокорных,
За презревших грошовый уют...

Такие разные и такие одинаковые...

1. Раб семьи

Геннадиос — древнее, а по нынешним временам редкое имя. Носитель его — мой приятель-киприот из приморского Лимассола, который привык отзываться на имя Гена. И в детстве мальчишки его так прозвали... Прозвали, но вряд ли знали значение этого имени. А в нём много чего кроется: и благородство происхождения, и ненадёжность в дружбе, и любовь к женщинам, хотя жён выбирают носители этого имени некрасивых и всю жизнь покорно им служат... Да и сам Гена вряд ли предполагал, чем Бог его наградил, ведь имя как судьба — на всю жизнь. Можно пытаться судьбу изменить, можно, но не многим удаётся это сделать. Мне лично это имя совсем не нравится, с детства не нравилось. У меня был школьный дружок Генка; ненадёжным оказался — девушку у меня отбил в десятом классе. Нинку конопатую! Ей не мешали конопушки, наоборот, украшали её курносую физиономию. В старшем классе училась и нравилась мне до умопомрачения... На танцах в клубе я только со стороны за ней наблюдал, боялся ближе, чем на десять метров подойти. Боялся, потому что обожал Нинку. А охламон Гена Долочянский никого и ничего не боялся и лихо отплясывал с нашими сельскими девчонками краковяк, польку и другие весёлые танцы. Мне оставалось только завидовать и дразнить Генку: «Гена, хвост до колена!» Ему хоть бы хны.

Но тот Гена был высоким и красивым парнем, а этот киприот — чудо в перьях, как говорится! Хотя как сравнивать, если Геннадиосу уже за семьдесят! Я ведь не знаю, каким он был в молодые годы? Не красавец — точно не мог быть красавцем. Росточку небольшого, нос картошкой, проплешина аж до самого затылка, ножки коротенькие, так и семенит ими, но семенит быстро. Силу ему Бог дал немереную, маленький да удаленький, о таких говорят... Хотя какой он удаленький?! Что жена скажет, то Геннадиос и исполняет. Безропотно. Агатой её звать, что с греческого — «хорошая». У киприотов имена не просто так даются, а со значением... Не знаю, хорошая ли была в молодости, в старости разве определишь? Но имя ей досталось явно не по заслугам, скорее всего, надо было подобрать ей имя со значением «повелительница»! Повелевает Геннадиосом как своим рабом. И дочь им повелевает. Зовут девушку Калипсо, она давно на выданье, но замуж никак не берут местные ребята... Для отца с матерью Калипсо — самая красивая. Любовь родителей слепа, не видят они, что лицо у девушки уныло-серьёзное, непривлекательное... Но разве в красоте счастье? У женщин есть что-то такое, что притягивает к ним мужчин как магнитом. Улыбка, взгляд, манера разговора, умение чуть-чуть флиртовать. Но если этих качеств у женщины нет, то будь она самой что ни есть раскрасавицей и умницей — мужчины рядом с ней не вьются. А Калипсо, между прочим, не глупа. Журналистка, кто-то не поверит, но в двадцать три года стала главным редактором в лондонском журнале. Пять лет помыкалась в Лондоне одна-одинёшенька и, затосковав по солнечному Кипру, по семье, вернулась на родину. И переключила всё женское служение на уже достаточно старого отца Геннадиоса! Любовь свою на нём сконцентрировала, благородную, но эгоистичную. Такая опека хуже рабства. И оказался мой кипрский Геннадиос под пятой жены Агаты да ещё под пятой до-

чери Калипсо... Придавленный любовью и вниманием двух родных женщин! Раб семьи поневоле! Это я так видел со стороны, а что думал сам Геннадиос — мне совсем неизвестно, да и никому это неизвестно. Потому что он всегда находится в хорошем расположении духа.

В шесть утра Геннадиос встаёт и отправляется работать. В своём саду, где оливы растут, вкалывает, а ещё и садовником в чужих садах трудится. Имея золотые руки, не чурается любого дела, ложится спать ближе к полуночи. А днём, хоть разбейся, но, получив из рук Агаты список продуктов, поезжай в магазин закупать всё необходимое к обеду. Агата вкусно готовит, и вся семья обедает у родителей, старшая дочь с внучкой да с зятем, Калипсо, если есть возможность, тоже к ним присоединяется. В общем, дружная семья, я бы сказал... Агата царствует, Калипсо блаженствует, обе повелевают покорным Геннадиосом! Старшая дочь Мария — в своей семье, обычно помалкивает... Вдруг мать с сестрой примутся и её мужа воспитывать?

Но с недавнего времени я стал замечать, что Геннадиос как-то изменился внешне. Стал веселее. Лицо, покрытое вдоль и поперёк многочисленными морщинами, разгладилось, кустистые брови оказались подстриженными. «Геннадиос стал к косметологу ходить на старости?» — подумал я. При встрече с ним спросил в шутку:

— Гена, ты, часом, не влюбился?

— Почему так думаешь? — смутился Геннадиос.

— Сияешь как начищенный чайник в воскресенье...

— И ты всегда сияешь, Алексис, — парировал Геннадиос. — С тебя пример беру.

— Но я всегда сиял и буду сиять, а ты недавно взбодрился. А? Значит, есть причина? Может, разбогател? В лото миллион евро выиграл?

— Больше... — ответил неопределённо мой кипрский приятель и поспешил по своим делам, явно не желая продолжать разговор.

Эх, знать бы, что на самом деле происходило с Геннадиосом! Может быть, я чем-то помог бы незадачливому старику? Ведь он влюбился в хозяйку одного из коттеджей, где был садовником. Англичанка Мэнди — высокая и жизнерадостная леди с аристократическими манерами, она полностью доверила свой сад Геннадиосу. И не только сад, чувствую, и сердце ему открыла для дружбы. Но разве Мэнди могла угадать, что этот старикашка готов о чём-то более значимом помышлять? Он почти в два раза с хвостиком старше Мэнди. Хотя умный, очень умный... Мэнди любила вести с садовником не какие-нибудь, а сложные философические разговоры и всегда поражалась его умению точно и логично строить фразы. Постепенно привыкла к присутствию Геннадиоса в её жизни. Незаменимый работник, хороший собеседник, тактичный и всё понимающий. Мэнди после развода со своим лондонскими мужем продала дом в Англии и обустроилась на Кипре, не помышляя пока ни о мужчинах, ни о новом браке. Хотя на неё, русоволосую даму с эффектной причёской и изумительно стройной фигурой, сразу стали обращать внимание кипрские мужчины... Высокие и невысокие, красивые и некрасивые — они не давали Мэнди прохода, но она научилась умело и тактично отшивать их. Ей не был нужен никто! Новая кипрская подруга Аманда, родом тоже с Альбиона, предупреждала Мэнди:

— Дорогая моя, учтите, что некоторые кипрские мужчины очень любвеобильные и приставучие. Не давайте повода, иначе трудно будет отвязаться от нежелательного поклонника.

— Я пока от развода с мужем не отошла. Да и на острове мужчин-то настоящих нет. В основном коротконогие, невысокого роста и пузатые. Одеты небрежно. Часто небритые. Неинтересные.

— Мэнди, большинство мужчин-киприотов о себе другого мнения. Бывает, что мужчина ростом чуть выше собаки, но мнит себя Аполлоном.

— Спасибо, Аманда. Вы даёте мне очень умные советы. Только удивляюсь, откуда эти предания об аполлонах и афродитах? Вокруг обычные люди, а женщин красивых — так и вообще почти не встретишь. Куда подевался гордый профиль богинь, воспетый греческими трагиками? Умные — да, красивые — нет.

Подруги посмеялись, а Мэнди и вовсе забыла предостережение Аманды. А зря забыла, потому что опасность была рядом в виде неприметного и вечно копошащегося в саду Геннадиоса. Она даже жалела его и оказывала ему достойное его возрасту внимание. Угостить садовника кофе? Почему нет?! Но и садовник в долгу не оставался. Однажды он предложил ей:

— Мэм, не хотите ли попробовать настоящего кипрского кофе? Я угощаю только вас.

— Вы приглашаете меня в кафе? — удивилась Мэнди и добавила: — Нет-нет, Геннадиос, не будем отвлекаться от работы.

— У меня всё с собой. У нас, киприотов, принято иметь с собой в дороге всё для кофе: спиртовка, походная турка, молотый кофе и даже посуда у меня с собой.

Через пять минут Мэнди держала в руке чашечку дымящегося кофе, наслаждалась его запахом и вкусом. Она с уважением смотрела на расторопного Геннадиоса и не могла вообразить, чтобы её бывший муж англичанин Билл приготовил или хотя бы подал ей заварной, настоящий кофе.

В другой раз Геннадиос приехал на закате дня, чтобы проверить работу помпы в плавательном бассейне. Закончив дела, он включил иллюминацию и поставил на столик возле бассейна бутылку белого вина:

— Это самое лучшее белое вино на Кипре, Мэнди. Мой подарок вам. Как-нибудь попробуете... Я думаю, что вам понравится...

Любопытство взяло верх. И Мэнди предложила тут же открыть бутылку. Солнце спряталось за горы Троодос, но вершины их были покрыты золотистым светом. Где-то рядом в кустах всхлипывала птица. Стрекотали сверчки. Прекрасный южный вечер, как это бывает на Кипре. Я и сам не раз испытывал на себе магию таких вечеров, когда в воздухе чувствуется вселенское умиротворение, не хочется ни о чём говорить... И Геннадиос не надоедал романтичной англичанке разговорами, сидел смирно, исподтишка бросая взгляды на прекрасную даму... Так, в молчании выпили бутылку вина, которое действительно оказалось выше всяких похвал. Потом Мэнди с умилением вспоминала этот вечер, жалея по-своему садовника, почти прожившего отпущенный срок. Думала, как быстро всё меняется в этой жизни, как быстро всё проходит. Ещё недавно наслаждалась обществом весёлого Билла и его друзей в Лондоне с их бесконечными хихоньками да хахоньками. И вот она любуется сентябрьским ландшафтом Кипра с темнеющими вдалеке горами, а рядом с ней вместо балагура Билла сидит тихий старичок со сморщенным лицом, но её это нисколечко не смущает. Ещё год назад такая сцена казалась бы ей анекдотичной.

Ночью Мэнди лежала в темноте, слушала когда-то очень популярную песню Бари Манилоу «Мэнди»:

Yesterday's a dream
I face the morning
Crying on a breeze
The pain is calling,
*Oh Mandy**

Она вспоминала лондонскую жизнь, пока не уснула под слова из песни:

---

* *В грёзах о вчерашнем*
Утром плачу на ветру,
И боль моя зовёт — о Мэнди!

And I need you today, oh Mandy...

«Ты нужна мне сегодня, о Мэнди!» Любая женщина всегда ждёт мужских слов: «Ты нужна мне, дорогая...»

Былое не возвращается — текущее становится былым, может быть, похожим на него.

Как-то незаметно Геннадиос стал покровительствовать Мэнди. Он приезжал в сад чаще, чем необходимо для дела, и всегда оказывался рядом, когда Мэнди нуждалась в помощи. И вот он стал ей посылать по телефону короткие записки. Вначале безобидные, типа: «Доброе утро, мэм! Хорошего дня вам». Потом слова стали другими: «Моя прекрасная леди проснулась? Я сегодня буду чистить бассейн». Мэнди привыкла к его посланиям и особенно не вникала в их смысл даже тогда, когда они стали более интригующими, например: «Поющая птичка, хорошего дня вам!» Дальше — больше: «Привет, маленькая птичка! У вас есть в доме лёд?», «Привет, прекрасная птичка! Завтрак?», «Спокойной ночи, Мэнди, и сладких снов»... Мэнди никогда не отвечала на такие записки садовника, думала, что чудит на старости лет безвредный дед, но опасность к ней уже подбиралась с другой стороны. Агата заметила, что Геннадиос слишком много времени уделяет саду англичанки и заподозрила неладное. Она поделилась своими подозрениями с дочерью. Калипсо принялась за дело профессионально: провела расследование. Прежде всего, улучив момент, проверила смс на телефоне отца и нашла тексты, которые её чуть не убили. Как такое может быть? Её отец пишет лирические послания англичанке, фактически ровеснице Калипсо?! Роман? Всё возможно. Что делать? Немедленно вмешаться и прекратить это безобразие! Защитить мать! Почему её отец пишет такие нежные слова чужой женщине, а не своей жене? Почему ей, Калипсо, никто и никогда не писал такие смс? Немедленно пойти к Мэнди и потребовать... А что требовать? Но вначале такой разговор состоялся с отцом:

— Папа, что за отношения у тебя с Мэнди? Почему ты обращаешься к ней, как к своей любовнице?

— Что? Почему...

Но Калипсо не дала ему закончить фразу:

— Я читала смс на твоём телефоне.

— Не будь глупой, Калипсо.

Геннадиос встал из-за стола, ушёл из дому и не возвращался допоздна, пока все не легли спать.

Однажды, когда Геннадиос отправился в магазин с очередным списком продуктов, Калипсо отправилась к дому Мэнди и обнаружила его машину, как ей показалось, спрятанную в парке. Ей было невдомёк, что отец всегда ставит машину в тени деревьев, чтобы не нагревалась на солнце.

А Геннадиос, получив у Мэнди зарплату за месяц, обнаружил, что в бассейн за ночь надуло листьев. Как он мог оставить обожаемую им леди с захламлённым бассейном!? И он принялся сачком и донным пылесосом чистить его, провёл за этим занятием около часа. Калипсо всё стало абсолютно ясно! У её отца роман с Мэнди! В тот же день она написала англичанке угрожающее письмо с требованием взяться за ум и не соблазнять отца, прекратить с ним отношения.

На следующий день Мэнди вызвала Геннадиоса в сад и вручила ему письмо с извещением, что он уволен! При этом холодно прокомментировала увольнение:

— Садовник должен ухаживать за садом, а не постоянно мельтешить перед глазами хозяйки. И потом... Я не хочу получать письма с угрозами от сумасшедшей леди. Прощайте, господин Геннадиос!

Английское выражение the crazy lady было очень конкретным, и обоим было понятно, о ком идёт речь.

— Да, мэм... — прошептал старик, не отрывая взгляда от земли.

Я встретил бедного Геннадиоса в ужасном состоянии, он сидел на скамейке у моря, уставившись безучастным взглядом куда-то за горизонт.

— Гена, что-то случилось? Почему у тебя такой печальный вид?

— К сожалению, ничего не случилось... Жизнь почти прошла, но так ничего и не случилось.

Он добавил ещё пару слов, а затем тяжело поднялся со скамейки, махнул рукой, как будто отмахнулся от чего-то назойливого, и пошёл по дорожке вдоль моря, шаркая по-стариковски подошвами старых истёртых кроссовок.

Вскоре я услышал от нашего общего с Геннадиосом знакомого, что старик купил участок на кладбище, где похоронен его отец. Многие киприоты так поступают, ничего в этом нет необычного, покупают место, а потом живут ещё долго, не помышляя о смерти.

Кстати, после этой развязки Мария, сестра Калипсо, перестала приходить с мужем к родителям на традиционные обеды. Наверное, за мужа опасалась? Кто знает, что ещё взбредёт в голову её «немужней» сестричке?

Время от времени я встречаюсь с Геннадиосом и не замечаю никаких изменений в нём. Он продолжает оставаться тем же тихим и безропотным главой семейства, каким был и раньше. Хотя я чаще стал его видеть сидящим на скамейке у моря и смотрящим вдаль. О чём он думает в это время? Разве спросишь?

2. Рабыня страсти.

Власта.... Миловидная певица, талантливая как музыкант и умная; слушатели её на радио в программе «Голос Москвы» подтверждают: всё умеет и всё, за что она возьмётся, ей удаётся без видимых усилий. Вот только стихи не пишет. Не раз пробовала ещё со школьных лет, но —

увы! С рифмами никак не подружилась! Но зато разбирается в поэзии, любит лирику, читает со сцены стихи. Но исполнение романсов для Власты — это и призвание, и служение. Романтическая натура! При этом всю жизнь мечтала встретить равного Пушкину или Есенину поэта. Конечно, поэтов — хоть пруд пруди, а вот одного-единственного, который завоевал бы сердце Власты, она не высмотрела для себя. И вдруг чудо случилось! Однажды во время концерта на сцену вышел импозантный мужчина и вручил ей маленький букет ромашек и тоненькую книжицу:

— Власта, мои стихи для вас. С любовью. Я — Ариэль!

Сколько таких поэтов-поклонников вертится вокруг неё на концертах с заранее припасёнными опусами!? Сколько их, никому неизвестных, но мечтающих, что на их стихи обратит внимание композитор или певица? Этот же поэт с необычным именем Ариэль понравился Власте какой-то отрешённостью от мира сего. «На Маяковского похож», — подумалось ей. Вспомнился романс «Белый рояль» из её репертуара:

Я беседу веду с белоснежным роялем,
Понимает меня добрый друг мой — рояль...

Нет, что-то нет так... Не поёт в её душе бесконечная даль, а душа не желает петь о былой любви. Почему эти простые слова ещё вчера её так трогали? Почему и радость, и печаль посещали её одновременно? Есть муж, дочь почти уже взрослая... Карьера певицы удалась, хотя не звезда первой величины, но имя певицы Власты что-то да значит на эстраде?! Но ей показалось, что ничего, что было и что есть в её жизни, уже неважно. А что важно? Вспомнились слова другого романса:

Отчего вы глаза опустили?
Почему ваши губы дрожат?

Неужели вы снова простили?
Неужели расцвёл зимний сад?

Долго не могла уснуть вечером, рядом, как обычно, похрапывал муж; вставила в уши беруши, но сон не шёл к ней. Включила ночник, разыскала в прихожей книжицу давешнего поэта. Банальное название «Только любовь...» Да и имя — Ариэль Серебряный... А мужчина видный, на фотографии стоит в чёрном свитере со скрещёнными на груди руками, на лице короткая седая щетина. Интриговали слова посвящения: «Обожаемой певице Власте. Только любовь — и больше ничего». Невероятно! Автор посвятил ей книгу своих стихов, будучи с ней не знакомым... Она стала читать стихи и... выпала из времени, из быта с храпящим мужем, редких концертов, публики в залах, состоящей из людей не моложе неё, в массе своей — одиноких женщин. Именно их привлекает фраза романса «С грустью светлой былую любовь вспоминаю...»

У Ариэля особая чувственность: нет этакой эквилибристики слов, есть тайна души, погружение в мир невозможного... Это как в музыке: твоё подсознание цепляется за какие-то смутные образы, и ты улетаешь в другой мир... И каждый видит в этом мире своё, чувствует своё и слышит своё... Обычные слова, рифмованные строки, но, дочитав стихотворение, не вспомнишь его содержание, возможно, нет содержания совсем, а что тогда есть? Есть... нет, словами это не рассказать, надо чувствовать и принимать то, что возрождается в душе, в голове или во... Вселенной! До утра она не сомкнула глаз. Читала, откладывала книгу, смотрела в потолок отрешённым взглядом, по-глупому улыбалась, тихо смеялась или молча плакала.

В тот же день, подняв на ноги всех знакомых и подруг, она добыла номер телефона Ариэля Серебряного. Оказалось, что никаких сложных усилий предпринимать не требовалось:

— Ариэль? Поэт? Да какой он поэт? Рифмоплёт! — удивилась подруга, Лера Яблонева, певица.

— Лера, я не прошу тебя давать оценки Ариэлю! Мне нужен его телефон.

— Да у меня с ним шапочное знакомство. На концерте подходил. Потом мне рассказали, что этот хлыщ крутится везде, где артисты выступают.

— Лера, не хочу слушать разную чепуху. Скажи прямо, есть у тебя телефон Ариэля?

— У меня его телефона нет. Посмотри на фейсбуке. Он там свои опусы публикует. Можешь с ним подружиться и «в личку» ему написать.

И с этого дня Вселенная для Власты взорвалась, и образовался новый окоём — сердечный. Любовь — взаимная и разделённая, Любовь — наваждение, Любовь — откровение, притяжение и отторжение, рядом с Любовью её спутники — боль и радость! Восхищение и зависть! Да-да, зависть тоже тут как тут, замешанная на ревности. Как, впрочем, и сама до немоты болезненная ревность проникает в мир двоих разными, тайными тропами. Но для Власты другие люди с их мнениями перестали что-либо значить. Хотя... она боролась... за себя, за Ариэля, за свою любовь, не обращая внимания на мужа, на косые взгляды или смешки за спиной.

А что же Ариэль? Тусовочный поэт принял любовь певицы как должное. Он похвалялся перед приятелем:

— И эта пала к ногам поэта и разделила с ним ложе...

На что получил ответ:

— Кажется, что ты, Арик, возомнил себя чуть ли не Пушкиным! Что позволено Юпитеру, не позволено быку... Вот когда напишешь хотя бы подобное «Я помню чудное мгновенье», тогда... Впрочем, и тогда не советовал бы тебе хвастаться. Но, боюсь, не суждено тебе, мой друг, не суждено...

Власта жаловалась подруге на поклонниц Ариэля:

— Знаешь, Лера, как меня достало это бабьё? Что они лезут и лезут? Прямо орда какая-то! Ненавижу этих экзальтированных и сексуально озабоченных тёток.

Яблонева с интересом глянула на подругу, будто бы сочувствуя ей. Сама-то чем отличается от остальных поклонниц? Тем, что привязала к себе бедного поэта, оплачивая все его счета? Даёт ему деньги? Дарит подарки? Но, будучи женщиной без комплексов, Лера принимала подругу такой, какой она была. Влюбилась и влюбилась... За что любовь наказывать или презирать? Да и почему Власта не заслуживает любви? Добрая, мягкая, надёжная в дружбе, если не вставать на пути между ней и Ариэлем. Сказала без всякой задней мысли:

— Бабы-дуры... Лезут, куда не надо. Они и меня в фейсбуке уже достали.

Близость к певице повлияла на популярность Ариэля. На концертах женщины протискивались к поэту с букетами цветов, покупали его книжки, просили автограф. Некоторые совали ему свои визитки. Оказалось, что поклонницы Ариэля и в фейсбуке орудуют! Власта не любила фейсбук и редко заглядывала в него, но в тот же день, вечером она увидела такое, что чуть не обомлела. Образовалась группа активисток, объединённых любовью к Ариэлю и ненавистью к ней, Власте. На своей странице она обнаружила оскорбительные высказывания: «Аморальная женщина, отступись от Ариэля!», «Девочки, давайте добиваться, чтобы Власту отстранили от радиопередач». «Сучка, я приеду из Дедовска в Москву и буду биться с тобой на камнях», — писала какая-то Марина; психопатка, понятное дело. Не лучше была обстановка и на странице обожаемого ими Ариэля. «Лапочка, гони прочь от себя эту старуху! Она мне в матери годится», — этот омерзительный комментарий был под её фотографией с Ариэлем, сделанной в Праге!

О Прага! Сколько счастья они с Ариэлем испытали, бродя по любимым местам Марины Цветаевой... А тут какая-то полуграмотная юная девица смеет называть Власту старухой? А если любовь подкрепляется сумасшедшей страстью с обеих сторон, то какое значение имеет карканье ворон?

Вспоминали пражский период Марины Цветаевой.... Любовную лирику поэтессы вспоминала и Власта, заглядывая в глаза Ариэлю, читала в шутку: «Вчера ещё в глаза глядел, а нынче всё косится в сторону...»

— Бедная Марина, тяжело ей пришлось здесь, в Праге, а ведь она была тогда в моём возрасте, — сказала как-то Власта и добавила, перефразировав строчки из Уильяма Йейтса: — Лишь муж любил души её мечту и скорбь в лице рождавшихся морщин...

Ариэль громко, почувствовалось, с наигранностью рассмеялся:

— Ха-ха-ха, а вообще-то, дорогая моя, секс правит миром.

Вскоре, после возвращения из Праги, Власта развелась с храпуном-мужем. Ариэль оставался таким же невозмутимым, когда находился рядом с певицей.

И Власта сдалась. Как-то вечером после концерта она сказала Ариэлю, скрывая смущение за беззащитной улыбкой:

— Милый, возьми меня в жёны...

Скажете, что такое невозможно, чтобы женщина делала предложение мужчине? Где это написано? Не в святцах же?

Поэт подхватил на руки Власту и вынес из театра к машине на виду у своих многочисленных поклонниц. О эти поэты! Каждый из них хотя бы раз в жизни совершает какой-то сумасшедший поступок.

Любовь женщины способна творить чудеса: превращать слабого мужчину в сильного, недалёкого в умного, обычного в талантливого... Со временем Ариэль

Серебряный стал известен в серьёзных литературных кругах.

Свадебное путешествие пара совершила в Париж, бродили по улочкам и паркам, где когда-то гуляли Анна Ахматова и Амедео Модильяни. Долго стояли перед домом; где-то здесь поэтесса позировала художнику. Ни в одном путеводителе не найдёте и трёх слов об этом, но Ариэль, знаток поэзии Серебряного века, быстро распознал это место по её стихам. Побывали в кафе «Ротонда», где Ахматова впервые встретилась с художником.

Лукаво посматривая на Ариэля, Власта читала стихи Ахматовой:

Сказал, что у меня соперниц нет,
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.

Тот принял игру и продолжал:

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Часами они гуляли по парижским улицам, читали друг для друга стихи и целовались где попало.

Любовь в Париже, осенняя пора... Пылали в солнечном свете деревья. Власта и Ариэль сидели на скамейке в сквере вблизи Монмартра.

— Вот этот громадный платан, возможно, помнит Ахматову и Модильяни, — с грустью произнесла Власта.

— И второй приезд поэтессы в Париж из голодного Санкт-Петербурга в 21-м году, возможно, помнит. Расстрелян Николай Гумилёв в России, а здесь известие,

что Модильяни уже нет в живых... — продолжил Ариэль и добавил свою затёртую фразу: — А вообще-то, секс правит...

— А не выпить ли нам по чашке горячего кофе? — перебила его Власта, не желая продолжения разговора.

Она посмотрела на Ариэля с удивлением и недоверием. Фантазирует? Выдумывает? Как могла Анна Ахматова выехать из бурлящей Советской России во Францию? При каких обстоятельствах? На какие средства?

В миниатюрном кафе, подражая голосу Пиаф, маленькая певичка пела осенний романс:

О, сколько раз обманута была...
О, сколько раз мужчин прощала!
Любовь... она была, но не жила,
И нет конца ей, нет начала.

Всё та же грусть. В Париже я одна...
Как разукрашены деревья!
Букет и юный бог, бокал вина...
Любовь — старинное поверье.

...Из Парижа Власта вернулась одна.

Как-то вечером ей позвонили из городка Сирмионе, что находится на озере Гарда в Италии. Голос Ариэля. Почему поэт оказался на озере Гарда? В городе, где когда-то уединялась на своей вилле знаменитая оперная дива Мария Каллас? Не объясняя, он сходу стал просить:

— Власта, прости! Тогда в Париже мне встретилась Софи, внучатая племянница Модильяни. На меня нашло какое-то сумасшествие. Но уже всё...

— Что всё? — холодно спросила Власта.

— Клянусь, больше не повторится этот фарс!

— Да, больше не повторится этот фарс, — повторила Власта и опустила айфон в фужер с шампанским.

Она закрылась в спальне и целый вечер проплакала, не отвечая на звонки домашнего телефона. Кто ещё звонил ей? Подруга Лера? Ариэль? Новый поэт? Впрочем, какое это имеет значение?!

* * *

Такие разные и такие одинаковые истории... Нет-нет, судьбы не могут быть одинаковыми. У каждого своя судьба. Я представляю сидящего на скамейке у моря старика и слышу его грустные слова: «Ничего не случилось... и уже не случится. Жизнь пролетела, словно птица или ветер!»

ЗОЛОТОЙ ЗУБ

Панкратий Семёнович всегда мечтал о золотом зубе! Ещё в школе, в старших классах завидовал тем взрослым парням, которые в улыбке сверкали золотом во рту. Дружок Котя перед армией щеголял стальной фиксой, на танцплощадке ему девчонки не отказывали никогда.

— Панкрат, поставь себе фиксу золотую, и все девчата будут твои, — подтрунивал над младшим другом Котя.

— У тебя, Константин, батя колхозом командует — и то золотая фикса тебе не по зубам. А я — на какие шиши? Мой за трудогроши вкалывает. Обойдусь.

Сказать-то сказал, что обойдётся, но мечта осталась.

После школы поступил в мореходное училище. Захотел, как Сергей, брат Коти, учиться на моряка и приезжать в село летом в курсантской форме. Морская форма с галунами! Брюки клёш, белоснежная сорочка с отложным воротником, тельняшка, мичманка! Осенью бушлат со «слюнявчиком», прикрывающим грудь под горло, зимой — шинель, до блеска начищенные морские пуговицы! На ногах тяжёлые ботинки — «гавы»! Девчонки любили морских курсантов, по выходным приходили на танцы в актовый зал учебного корпуса. А иногда вечерами ребята бегали на танцплощадку в парке им. Т. Г. Шевченко! Там всякая одесская братия шастала, но курсантов побаивались трогать. Чуть что: «Полундра! Наших бьют!» Морской ремень с массивной медной пряжкой

наматывали на руку — и держись, шпана! Поэтому местные избегали связываться с курсантами из мореходки! В общем, получается, морская форма как бы вытеснила из головы Панкрата мечту о золотом зубе.

Однажды после танцев пошёл провожать девчонку, с которой целый вечер протанцевал. Шли какими-то тёмными очкурами, а вокруг то с одной, то с другой стороны свист раздавался, словно перекличка сверчков тёплым летним вечером. Не успел сообразить, как оказались в окружении одесской шпаны.

— Ты, фраер, чего пристал к нашей Соньке? — щуплый паренёк с золотой фиксой во рту подступил к Панкрату, поигрывая финкой в руке.

— Сеня, не видишь? Курсантик это. Проводить меня взялся с танцев, — попыталась вступиться Соня.

— Отойди от него, шалава! Мне без разницы — курсантик или залётный фраер. Неча по нашим местам шастать. Пырну — и дело с концом! Деньги есть?

— С собой нет, в кубрике есть двадцать рублей. Мать прислала, — нашёлся Панкрат.

— Принесёшь. Полчаса хватит. Иначе поймаем — и... капец тебе!

— Принесу!

— Проводи его до экипажа, Сонька. Деньги возьми и возвращайся, иначе сама знаешь, — блеснул золотой фиксой в кривой улыбке старшой и для пущей убедительности приставил финку к горлу девушки.

Соня театрально взвизгнула, а по пути к спальному корпусу «Экипажу» жалобно всхлипнула: «Ой, зарежут меня! Точно зарежут, если денег не принесу». Панкрат всё понял и вышел к Соне с тремя товарищами, каждый с ремнём в руке. Стоявшая на другой стороне улицы Соня тут же юркнула в тень между домами.

Дешёвый номер одесской шпаны не удался, но в душе Панкрата оживилась мечта о золотой фиксе. Окончил мореходку. Стал штурманом на судах дальнего плавания.

Появились деньги, но как-то они у Панкрата не задерживались. Новые страны, рестораны в портовых городах, девчата... И закрутила-завертела Панкратом жизнь морская, как в песне поётся:

Всегда теперь мы подшофе,
То в ресторане, то в кафе...
...Две безмятежные недели

В угаре пьяном пролетели.
Устали от утехи плотской.
И пустота в карманах флотских.

Ну, не совсем уж так безнадёжно и бесшабашно гулял Панкрат в портовых городах, но время проводил не зазря. Потом остепенился и женился на миловидной и практичной Кате. Катя сразу определила, кто в доме хозяин, и расставила всё по своим местам. Без одобрения жены Панкрат себе пальто не смел купить, не то что золотую коронку установить. Как-то после продолжительного рейса в Америку он заикнулся:

— Катя, они в этой Америке свихнулись на фарфоровых зубах. Так все и сверкают белозубыми улыбками.

— А что в этом плохого? Я себе тоже хочу освежить улыбку. Прогресс! Фарфоровые от естественных не отличить. Хотя — нет, отличаются. Они лучше!

— А я хотел бы иметь золотой зуб. Один. Красиво! С молодости мечтаю!

— И не вздумай. У тебя свои хорошие. Да и немодны сейчас золотые фиксы. После войны шпана носила золото в зубах. Бабка рассказывала. Тебе не надо. Не лычит тебе!

Не «лычит»! Не идёт, значит. Панкрат расстроился и обиделся, но промолчал. Жена тем временем продолжала:

— Панкратик, мне гинеколог посоветовал золотую спиральку поставить. Ты не против?

— Так я в рейс ухожу на три месяца! На кой тебе спиралька?

— А потом вернёшься — и что? У нас сын уже в институте! А ты после рейса неугомонный. Доктор сказал, что как раз три месяца и нужно, чтоб спиралька прижилась.

Пришлось Панкрату согласиться, чертыхаясь на этого детину-гинеколога: «Насоветовал чёрт! Верста длинноющая! Ему бы в порту мешки таскать, а он спирали ставит!.. Тьфу!»

Шло время. Панкрат служил капитаном большого пассажирского лайнера. Однажды чуть не влюбился в пассажирку, блондинку Ютту с золотым зубом. Красивая, весёлая, умная... И зуб золотой ей даже очень «лычил»! Немка! Как жена догадалась, что происходит неладное, кто знает? Но с приходом в порт капитану прислали замену и отправили в досрочный отпуск. А Ютта ещё на полгода осталась на судне. Потом Панкрату донесли, что новый капитан во всех отношениях оказался его сменщиком, по вечерам приглашал девушку в свою каюту на кофе. Без кофе уснуть не мог?

Мало-помалу подошла пенсия. К тому времени сын Артём уже жил в Вене, свою брокерскую компанию организовал. Обслуживание морских судов — отфрахтование, обеспечение экипажами, топливом, контроль-сопровождение ремонта... Дела у сына шли хорошо, и он пригласил родителей погостить. Хоть Панкрат и помотался по миру, бывал в разных портовых городах, многое повидал, но Вена его поразила своим великолепием: красивые старинные дома, парки, памятники... Любил гулять с женой по Картнештрассе, что-то сродни московскому Арбату; любили посидеть в уютных кафе, иногда ужинали в ресторанах. Панкрат пристрастился к австрийскому живому пиву да к местным разносолам: венский шницель, рыба озёрная, рёбрышки свиные, колено копчёное («айсбан» по-немецки), а на десерт разные штрудели, вкуснейшее мороженое. А Катя не

вылезала из магазинов, накупила разных кокетливых шляпок и всё крутилась перед зеркалом, переспрашивая по несколько раз Панкрата, «лычит» ли ей? Лычит, не лычит — какая разница?! Молодость и красоту шляпками не вернёшь.

Пора было возвращаться в Москву, билеты заранее купили, но случилось непредвиденное: у Панкрата заболел зуб!

— Папа, я записал тебя к дантисту. Завтра утром пойдём, — объявил Артём.

— Да какой ещё дантист! Через три дня улетаем!

— Не спорь, Панкрат. Артём лучше знает. За три дня можно зуб потерять, — подытожила Катерина.

Накаркала! Пришлось задержаться в гостях. Дантист разворошил весь зуб. Чистил, полировал, рентгеном снимал, пломбу ставил. В пятницу случилась эта катавасия. Сделал слепок зубов и... предложил на зуб поставить золотую коронку.

— Я согласен, — поспешно сказал Панкрат, боясь, что жена не разрешит.

К его удивлению, Катерина не стала возражать. А сын Артём поддержал её.

Дантист широко открыл свой рот и продемонстрировал, что у него во рту тоже золотые коронки, аж две.

В понедельник с утра Панкрат сидел в зубопротезном кресле. Перед ним на столике покоился слепок его зубов. И один зубик, клык с правой стороны, красивый и аккуратный, сверкал осенней желтизной золота. Панкрат смотрел на него с ликованием. Мечты-мечты, где ваша сладость? «Кому написано на роду иметь золотой зуб, тот его и будет иметь! Судьба», — думал старый моряк.

Австрийский доктор Отто Чиз, лет пятидесяти от роду, импозантный мужчина, довольно известный в Вене дантист. Большой авторитет в своём деле, учёный-переучёный, а в голове Панкрата почему-то крути-

лось: «... дуб зелёный, златая цепь на дубе том, и днём и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом...» Кто скажет, что мечта Панкрата о золотом зубе находилась в ненадёжных руках? Он покорно открывал-закрывал рот, как от него требовала китаянка, медсестра Эмми. Кроме того, Эмми постоянно ему напоминала по-английски — relax, relax... Расслабься, мол. Не так-то просто расслабиться, когда жужжит бормашина, когда дышать почти невозможно, потому что рот так широко разинут, что нос мышцами пережат, а Эмми то поглаживает по щеке, то мягко расправляет его плечи, прижимая их руками. А когда Эмми наклонялась над ним, её грудь прилаживалась к голове Панкрата — словно подушка с кислородом. Мелочь, а приятно! От этих прикосновений веяло успокоением и вселенским расслаблением. Наконец дантист подхватил щипчиками золотой зуб, поднёс его к глазам Панкрата, и тот ещё раз полюбовался предметом мечты. Но тут же забеспокоился: «А если уронит?!» Но нет, всё нормально: золотая коронка уже в полости рта; Панкрат чувствует, как дантист подносит её к опломбированному зубу. Сейчас насадит коронку на зуб — и баста! Гуляй, Панкрат! Смейся во весь рот, и... кому надо, тот заметит золотой зуб! Но, опять это проклятое «но»... Как я ненавижу эту часть речи — союз! Сколько раз этот союз портил жизнь моряка, и здесь он явно протискивается в полость рта, чтобы испортить Панкрату праздник...

Дантист вдруг вскрикнул. Панкрат почувствовал, как нечто скользнуло в горло. «Зуб!» — ужаснулся он и резко вздохнул всей грудью. Какую-то секунду длилась немая сцена, затем крик-гам. Герр Чиз и подбежавший его сын и помощник Михаэль подняли Панкрата с кресла, наклонили его головой вниз и стали постукивать по затылку. В горле першило, начался приступ кашля и удушья. А золотой зуб исчез в утробных недрах!

— Господин Василишин, — обратился к Панкрату дантист. — Золотой зуб выйдет естественным путём. Принесёте его нам.

— А кто его будет искать?

— Извините, что так случилось. Первый раз за сорок лет моей практики. Желательно зуб принести, и мы его установим вам на место.

Панкрат представил путь, который золотому зубу предстоит пройти, прежде чем опять попасть в руки дантиста, подумал и заскучал. И решил, что не будет искать его. Но поступил как раз наоборот. Искал зубик три дня со всей аккуратностью и тщательностью. Каждый день дантист звонил ему на мобильный и справлялся:

— Господин Василишин, нашли зуб?

— Нет, не нашёл. Он не появлялся. Возможно, его украли. Ведь он — золотой!

— Я заказал техникам новый зуб. Он будет готов завтра. Приходите ровно в 13.00.

Дантист, видимо, смирился, что золотой зуб утерян... ушёл, убежал, испарился! Или растворился в курсантском желудке капитана Василишина. Хотя... золото не пропадает никогда...

И зуб нашёлся, он как миленький лежал, запрятавшись в розовых складках лёгочной ткани. Рентгеном обнаружили и вытащили бронхоскопом на свет божий. Наконец-то Панкрат осуществил свою юношескую мечту, золотая фикса встала на место, как будто всю жизнь там стояла, являя стройность своей формы, размера и соблазняющего цвета.

После этого случая Панкрат на веки вечные зарёкся думать о чём-то плохом. Мысли-то сбываются. Хотел золотую фиксу, думал о ней, мечтал и получил её! В самый неподходящий момент не поверил дантисту, засомневался... и капут! Мысли передаются на расстояние, вот у дантиста и дрогнула твёрдая австрийская рука! Не дано

нам знать, чем обернутся мысли наши, посему надо гнать прочь от себя сомнение и уныние!

Кстати, вынутый из бронхов золотой зуб Панкрат сохранил, просверлил в нём дырочку, продел сквозь неё тонкую золотую цепочку и повесил в спальне над кроватью. Не сразу, а спустя какое-то время к нему пришло осознание, в каком опасном положении он оказался, всякое могло случиться.... Но Бог миловал... и вот он, виновник его несчастий, висит над кроватью, сверкающий и безопасный. Нельзя зуб терять из виду, нельзя: боязно и грешно.

РАФИНИРОВАННАЯ ЖЕНЩИНА

Разве можно от женщины требовать многого?
Вы так мило танцуете, в Вас есть шик.
А от Вас и не ждут поведения строгого...

Александр Вертинский

До свидания оставалось минут пять, Даце замедлила шаг. Не хотелось приходить раньше срока, стоять и ждать московского гостя. Слава богу, дождя нет. Впервые за лето день выдался солнечный, небо безоблачное... А было всё время ветрено, влажно, неуютно... Зелёная улица, цветы вдоль пешеходной дорожки — синева вперемежку с желтизной. Жёлтые — ромашки садовые, высокие, а рядом с ними синий ковёр каких-то мелких цветочков. Рига всегда красивая, в любое время года, при погоде и при непогоде, а сегодня она — особенная: бирюзовое небо, нежаркое закатное солнце, нарядные пешеходы... «Нет, пешеходы всегда одинаковые, видимо, всё дело во мне, — думала Даце, — спешу на встречу с москвичом, прямо как молоденькая девушка!» Ведь она просто выполняет просьбу своей подруги Ирины встретиться с её другом, показать ему старый город — и всё.

Ровно в назначенное время подошла на угол пересечения улицы Аусекля с улицей Елизаветы. Зазвонил мобильник. В трубке раздался голос Всеволода, гостя из Москвы:

— Ой, Даце, простите меня! Я опаздываю. Осталось ещё минут десять пути.

— Всеволод, вы? Я буду ждать, — ответила вежливо Даце.

Зашла в кафе и села за столик у окна, откуда просматривалась другая сторона улицы. Чашечка ароматного кофе. Стакан с водой. На столике ваза с одной-единственной красной розой. У стойки бара стоял высокий, плотный мужчина, пил пиво и посматривал в сторону Даце. «А что, если это и есть Всеволод», — подумала она, но тут же отказалась от этой мысли. Ирина подробно описала, как выглядит москвич: тоже высокий, лет пятьдесят ему, а этот явно моложе... Хотя кто их разберёт, этих мужчин, разве угадаешь их возраст? Иной и в тридцать лет стариком выглядит. Да и не присматривается Даце к ним. На этого у стойки взглянула мельком. Нет-нет, Всеволод — поэт, значит, интеллигентный мужчина, не будет он дурить голову женщине, говоря, что опаздывает, а сам в это время уже на месте и пиво пьёт. Нет и ещё раз нет, у Ирины не может быть друга-обманщика. Даце никогда и никого не обманывала и не допускала мысли, что это могут делать другие люди. Конечно, ей приходилось попадать впросак, конечно, встречались разные люди в её жизни: но что значит плохие и хорошие? Если что-то с ней и случалось неприемлемое, то она никогда не винила других, всегда находила оправдание чужим поступкам. Как-то ещё в юности у неё пропал из сумочки кошелёк с небольшой суммой денег. Она обнаружила пропажу сразу как вышла из автобуса. Решила, что уронила где-то, хотя как может выпасть кошелёк из дамской сумочки. Извинилась перед продавщицей мороженого, сказала, что не может рассчитаться, так как деньги потеряла. Интеллигентного вида старушка-пенсионерка не выдержала и прокомментировала:

— Милочка, нельзя быть такой наивной. Урки сработали. Я видела, как рядом с вами задержался парень в кепке. Профессионал. Вот он, видимо, и срезал ваш кошелёк.

— Я ничего такого не заметила, — виновато смущалась Даце.

Странно, что смущалась, даже покраснела, словно её уличили в чём-то неприличном. Ведь она всегда старается держать себя в руках и не показывает своих эмоций. По её лицу не прочитаешь мысли, Даце — типичная прибалтийская женщина, которая умеет сдерживать себя. Холодная натура? Нет, это не про неё. Все её восторги и буйные радости не выплёскиваются на окружающих, они внутри у неё; можно сказать, что она их коллекционирует, храня в копилке своей души. И в этой копилке нет места для плохого. Однажды в Варшаве на прогулке по городу её лягнула лошадь. Кто-нибудь слышал, чтобы в Варшаве лошади лягали людей? Вряд ли это случится даже, если вы станете дразнить лошадь, запряжённую в карету. А вот с Даце это случилось. Лошадь сломала ей ногу. Её эвакуировали в Латвию. И единственным комментарием этого неприятного случая стало то, что в Варшавском аэропорту хорошо организовано обслуживание инвалидов. Потом с удовольствием она рассказывала этот анекдот всем своим подругам, но сам тяжелейший перелом голени, операция, шесть месяцев больничного остались как бы за кадром жизни.

Но вот и такси на другой стороне улицы! Из машины вышел высокий, неопределённого возраста мужчина. У неё есть фотография, на которой красавица Ирина в обнимку с Мареевым напротив киевского оперного театра... Мужчина оглядывался по сторонам. Вот он увидел женщину, полную коротышку, и сделал шаг в её сторону, но потом резко развернулся, словно не желая с дамой сближаться. «А что? Он ничего... — подумала Даце, — высокий, подтянутый, правда, ноги кажутся несоразмерно длинными по сравнениию с туловищем». Она отставила в сторону недопитую чашку кофе и направилась к выходу.

* * *

Мареев увидел переходящую дорогу женщину выше среднего роста, в белом платье, подпоясанном чёрным пояском. Он моментально оценил: русые волосы, стройная... Возраст? Примерно, как в песне поётся — «баба ягодка опять». Он тут же поправил себя: «Дама-ягодка...» Мареев очень влюбчив, если женщина нравится, то он непременно влюбляется. Зная это, Ирина предупредила его по телефону ещё в Москве, до отъезда в Ригу: «Сева, не вздумай влюбляться в Даце, она хорошая, но я тебя знаю... А если очень понравится тебе, то можешь влюбиться, но только чуть-чуть, не до конца...» И что это значит — чуть-чуть влюбиться? Разве так бывает? Эти мысли промелькнули в его голове моментально, женщина в белом платье помахала ему рукой. А может, и не ему? Он оглянулся, рядом никого не было. Между тем, дама перешла улицу, и Мареев подбежал к ней:

— Здравствуйте, Даце! Будем целоваться, как принято при встрече?

— Всеволод? Здравствуйте! Конечно, мы ведь в Европе...

Всеволод приобнял её и расцеловал в обе щёки, почувствовав соприкосновение с её тугим бюстом, от сердца побежала горячая волна, но Даце тут же отстранилась. Первый взгляд, первое прикосновение к женщине... Мареев знал, что в его случае это имеет колоссальное значение. Там, внутри у него, в его душе, в его сердце что-то происходит. Иногда с первого взгляда, с первого слова или с первого прикосновения включается какая-то программа... Конечно, это ещё никакая не любовь, но программа чувств является и работает; увлечённость женщиной, влюблённость в неё начинается с первой минуты или ничего не начинается. В случае с Дацей это действо совершалось, и Мареев с удовольствием всматривался в лицо совсем неизвестной ему женщины...

Они шли по дорожке и говорили. Даце в очень сдержанной манере отвечала или рассказывала Марееву о Риге. Узнав, что Мареев уезжает обратно в Москву через два дня, она тут же предложила:

— Всеволод, вам обязательно надо послушать орган в Домском соборе. Это один из лучших органов в Европе. И старый город нужно посмотреть.

А что ещё может предложить Рига? Домский орган и средневековую готическую архитектуру. Несколько лет назад ему посчастливилось посетить Duomo di Milano. Он останавливался в Милане только на одну ночь, но вечер провёл на площади, восхищаясь великолепием собора, современника Дома Бога в Риме. Тогда он наблюдал за людьми, особенно за молодыми парами на гранитных ступенях в обнимку, но сейчас, в присутствии симпатичной латышки, он сам себе казался молодым. Марееву всё в ней нравилось: своеобразный прибалтийский акцент, с протяжным произношением слов и с подчёркнутым усилением ударных гласных. И звучание буквы «е», как что-то среднее между «е» и «э». И эта её эмоциональная сдержанность, с отменной реакцией на шутки — лаконичный ответ с едва заметной улыбкой на губах.

— Даце, это моя мечта! Очень хочу попасть в Домский собор и послушать орган. А вы пойдёте со мной?

— Разве мой отказ возможен? Вы мой гость! Но это можно сделать завтра. В 12.00 будет двадцатиминутный концерт, рассчитанный на туристов.

Сговорились встретиться завтра на Домской площади. А сегодня вечер знакомства. Бродили по городу, разговаривали, затем ужинали в ресторане с традиционной латышской кухней.

Поздно вечером, проводив Даце, Мареев вернулся в гостиницу, но долго не мог уснуть. Лежал с открытыми глазами в темноте и вспоминал... Встреча с Даце, гулянье по улицам города, ужин в ресторане... Лицо её вспоминал... и, стыдно признаться, но воображение его

рисовало стройную фигуру Даце: узкие плечи, крутые бёдра, гармоничность талии и бюста. О, этот бюст! Он представлял его с красными и набухшими сосками. Не выдержал и прикрикнул сам на себя: «Прекрати, дурак! Не мальчик ведь! Она по дружбе с Ириной занимается тобой, а ты цветные картинки в уме рисуешь...» С тем и уснул. А ночью явилась Даце, и они целовались напропалую, сидя за столиком в кипрской таверне на берегу моря, и сам Александр Вертинский пел со сцены:

Разве можно от женщины требовать многого?
Там, где счастье божественное, ум — ничто!

И он, Мареев, шептал на ухо Даце:

— Дорогая, это всё про вас. Вы — умная, обворожительная! Изящная и изысканная — вы. Богиня! Вы — «символ чистой красоты», — закончил Мареев во сне словами Поэта и впился губами в небрежно протянутую ему руку.

— Красивые люди умеют совершать красивые поступки, — отвечала ему Даце, покорно принимая и его поцелуи, и довольно смелые поглаживания.

Мареев чувствовал себя на седьмом небе, он готов был взять Даце на руки и унести из этой кипрской таверны на берег моря — туда, где волны покорны и звёзды загадочны в своём небесном мерцании. Ему казалось, что в предчувствии музыки Домского собора глаза Даце начали темнеть и искриться, но... случилось непредвиденное. Явилась Ирина, наклонилась к Даце и, расцеловав её, сказала печальным голосом:

— Мужчины имеют склонность видеть в ночных снах дневные галлюцинации.

Наутро мучительно пытался вспомнить, чем закончилась его вечерняя встреча с Даце в кипрской таверне, но ничего не вспоминалось. Хотя... хотя к его удивлению, он обнаружил на своей шее, на груди отметины от поцелуев. «Не может этого быть... Откуда поцелуи? Даце уехала. Сон не в счёт!» Да и не на Кипре он, а в Риге! Даже на завтрак не пошёл, а тупо уставившись в зеркало в ванной комнате, пытался в уме воссоздать события ночного сна. Песня Александра Вертинского о рафинированной женщине вспомнилась, мерцающие глаза Даце вспомнились, а дальше провал... Уносил он женщину на берег моря или нет — неизвестно. Но в карманах нашёл несколько камушков-голышей, явно с пляжа. Подумал, что днём отдаст их Даце и расскажет о таком странном и таком прекрасном сне. Но потом одумался и выбросил голыши в окно. Хорошо, что окно выходило в сад, а не на людную улицу.

Отправился в ювелирный магазин и купил изящное бриллиантовое колечко в тонкой золотой оправе. В другом магазине купил шикарный цветастый платок. Представил, как платок будет смотреться на шее у Даце.

Позвонил в Киев Ирине, и та ему ответила.

— Ирина, привет! Ты где? В Киеве или в Риге?

— Ой, Мареев! Привет-привет! Выпал из времени? Втюрился в Даце? А я — на работе. Где же мне ещё быть?

— Прости, Ирина! Ты ночью мне приснилась.

— Ну, Марев! Гуляешь с Даце наяву, а со мной — во сне. Она уже успела позвонить мне с утра. В восторге от встречи с тобой. Сказала, что ты взрослый дядька, но моложавый! Смотри, не загордись. Не забывай, что северные женщины при видимой скромности и строгости легко воспламеняются.

На том прекратился телефонный разговор-перебор, а Мареев побежал в типографию, где печаталась его книга стихов.

* * *

Даце проснулась довольно поздно, к девяти часам утра. Лежала, свернувшись калачиком в широкой кро-

вати, и думала... О себе думала... О московском госте... Об Ирине, подруге из Киева. Хорошо, что взяла отпуск на работе. Никуда не нужно торопиться. Пойдёт с Всеволодом в Домский собор слушать орган. Весёлый он, этот Мареев! Вот что значит поэт! Возрастной мужчина, но словно молодой, вьюном вился возле неё. Собственно, какое имеет значение возраст. С ним интересно, а остальное — неважно. Но тут же почувствовала, что краска заливает её лицо. Важно, важно... Но почему? Муж, семья, трое детей? Работа от отпуска до отпуска? Обычная жизнь замужней женщины. Ответственность — главное её качество. Никаких интрижек на стороне. Но она, Даце, не совсем обычная, с ней часто случаются всякие приключения. Однажды приехала во Львов на конференцию, а её никто на вокзале не встретил. Позже оказалось, что она вышла из другого вагона. Дожидалась утра на скамейке возле Оперного театра, не знала, в какой гостинице её поселили. Утром на такси добралась до места проведения конференции, там с восторгом рассказывала киевской подруге:

— Ирина, ради этого стоило перепутать вагон, ведь какие замечательные звёзды над безлюдной площадью висели. А потом, где-то в час ночи, ко мне подошёл уличный скрипач и до самого утра играл Моцарта, Бетховена, возможно, для меня!

— Даце, мы здесь чуть с ума не сошли, я звонила в Ригу, обращалась в полицию, а ты в это время в центре Львова развлекалась с бездомным скрипачом?!

— Прости, я думала о тебе. Мне было очень жаль, что ты не могла ко мне присоединиться и слушать волшебную скрипку.

В другой раз Ирина то ли в шутку, то ли всерьёз спросила:

— Даце, ты когда-нибудь опаздывала на свидания с молодым человеком?

— С каким молодым человеком, Ирина?

— Неважно с каким, ты опаздывала на свидание?

— Нет, важно, Ирина. У меня было два молодых человека, с которыми я дружила. Один — Вилли, это было ещё в школе. Я не всегда приходила к нему на свидания. А с Раймондом, моим мужем, свиданий почти не было. Ведь мы учились в одном институте, а после окончания института сразу поженились.

Кто знает, возможно, мы в зрелые годы стараемся восполнить то, что не удалось испытать в молодости? Например, любовь! Не было в юности любви... или не было взаимопонимания любви. И вдруг это чувство приходит... И тогда всё остальное не имеет значения, потому что пришло то, чего ждёшь всю жизнь. Нет, любовь — это слишком громкое слово! Вспомнилось стихотворение, которое Всеволод читал ей в ресторане:

Мне не забыть
Ресниц дрожания пугливых
И глаз опущенных, стыдливых,
Как тянется рука к руке.
Ты здесь со мной и вдалеке...

Надо же! Никогда не запоминала стихи. А эти несколько строчек врезались в память и не отпускают.

Улыбка долго не сходила с её лица... когда она стояла под душем, когда растиралась махровым полотенцем перед зеркалом... С интересом смотрела на довольно крепкое белое тело, покрасневшее от горячей воды. От воды ли? Может быть, от потаённых мыслей? Не выдержала и провела пальцем вокруг одного соска, потом другого, удивляясь тому, как они резко реагируют на эти невинные прикосновения. Увеличились в размере и торчком торчат... Она поспешно набросила халатик и выбежала из ванной комнаты. Нужно было собираться на свидание с москвичом.

* * *

Ровно без четверти одиннадцать Мареев появился на Домской площади. Он подскочил к девушке, продающей мороженое:

— Помогите, пожалуйста. Я из Москвы и не говорю по-латышски. Где вход в собор?

Мареев с первого дня пребывания в Риге понял: когда вежливо обращаешься к латышам, то даже молодые люди, почти не знающие русского языка, пытаются както помочь. И здесь он тоже не ошибся.

— Так вот он, справа от вас, — заулыбалась молодая латышка. — Вы хотите, наверное, орган послушать?

Он не успел ответить, так как увидел, что к нему спешит Даце в эффектном красном платье. Расцеловался с ней, совершенно забыв о девушке, но та сама напомнила о себе, сказав что-то по-латышски. Даце отрывисто ответила ей, сохраняя серьёзное выражение лица. Девушка заливисто рассмеялась.

— Что девушка сказала, Даце? И что вы ей ответили?

— Она сказала, что у меня симпатичный муж!

— И?

— Я ей ответила: «Не муж, а любовник!»

— Ой, Даце! Не верю! Неужели вы можете так пошутить?

— Могу!

— Даце, я действительно люблю вас за ваш необычный латышский юмор!

— И только?

— Не только, у вас глаза красивые... и ещё на кое-что примечательное я глаз положил.

— Положить глаз, это как, Всеволод?

— Даце, мы с вами родом из одной страны... Не правда ли?

— Да. Из Советского Союза. К сожалению, я начинаю забывать русский язык. Особенно, когда шутят по-русски. Иногда не догоняю.

Непосредственность северной женщины! Марееву стало так хорошо, что он не выдержал, приобнял Даце и опять поцеловал её.

И наконец-то зазвучал орган, будто бы само хмурое небо Балтики накатывало подобно волне, пока ещё не имевшей силу и власть над душой человека. На лице Даце ничего не отражалось, оно было задумчивым и печальным... Что она представляла, слушая музыку Баха? Какие мысли рождались в её голове? Может быть, никаких мыслей и не было, может быть, она гуляла среди луговых цветов или летала в бирюзовом небе над бушующим Балтийским морем? Мареев не мог похвастаться таким глубоким погружением в музыку. Он наблюдал за лицами людей, любовался алтарём без икон... Пытался представить девушку, сидящую за органом и извлекающую из инструмента эти божественные звуки. «Вот бы увидеть эту девушку?» — подумал Мареев. Когда-то в Вене он оказался впервые в великолепном концертном зале, играли Моцарта. Он тогда ответил великому композитору и, может быть, этой девушке за органом Домского собора:

...Мелодии Моцарта тайной покрыты.
Да разве по силам мне тайну открыть?
До срока печали-напасти забыты.
И хочется снова любить, и любить.

Мареев искоса посмотрел на лицо Даце. Она сидела в той же позе, слегка прикрыв глаза. Что скрывается за этой отрешённостью от мира? Какие страсти бушуют в глубинах её души? И почему она не позволяет вырваться им наружу? У каждого из нас свои отношения с музыкой, чем-то сродни отношениям мужчины и женщи-

ны. Словами не рассказать и со стороны никому не дано понять.

Закончился концерт. На балконе высоко, почти под потолком появилась маленькая фигурка девушки-органистки. Зал приветствовал её аплодисментами. Разные национальности: латыши, немцы, русские, японцы, китайцы... Разные люди — одинаковые чувства, но у каждого слушателя своя тайна. Мареев и Даце некоторое время гуляли молча на Домской площади, потом северная женщина взяла руку Мареева и слегка пожала её.

Мареев думал, что в душе Даце ещё долго будет звучать органная музыка — их музыка, музыка двоих. Он взглянул на Домский собор, и на какой-то миг ему почудился в высоком проёме открытых дверей Иоганн Себастьян Бах, смотрящий вслед Даце и ему, спутнику северной женщины.

ПОЛУНОЧНЫЙ ГОСТЬ

Два года не был я в Киеве, хотя мысленно туда стремился и очень хотел посетить город моей юношеской мечты. Вырос в селе, там же крестился, учился, а после — одесская мореходка и прямой путь на Дальний Восток. Изредка удавалось приезжать на Украину, и вот — прилетаю в Борисполь из Вены. Из аэропорта — на дружеский ужин с адвокатом Дмитрием и его супругой Олей в кафе «О' Панас». Весело провели время, беседовали, много шутили, к столу подходили артисты в «вышиванках» — два казака чубатых и дородная «молодыця» — и пели народные песни. После вечера я, усталый и довольный, лёг спать пораньше, чтобы с утра заняться делами. Но только улёгся на кровать, как случилось непредвиденное...

Некто пришёл и нагло уселся в вертящемся кресле у компьютерного столика. Помолчал немного. Потом оценивающе посмотрел на меня и произнёс:

— Ну, привет! Как живёшь?

Я опешил от неожиданности и, заикаясь, промямлил в ответ:

— Так вы же... ушли. В мир иной. Умерли уже лет как десять лет назад, похоронены на берегу Амурского залива. А тут — Киев... Это сон...

— Какой на хрен — сон! Это — я! Я, а не сон! Хочешь, потрогай мою руку?

Я потрогал. Рука была холодной. Пухлая, потная и липкая ручонка. Я понимал, быть не может, чтобы человек умер и через десять лет явился ко мне в спальню, когда я уже лежу в кровати, да ещё засыпаю. Бред! Я мысленно отдавал себе отчёт в нереальности происходящего. На часах полночь! Переутомился, вот и полезли в тихий час галлюцинации. Стараясь успокоиться, я попытался ровно и спокойно общаться с фантомом, понимая, что сон не наступил ещё. Он меня опередил:

— Часы новые себе купил? Золотые! А помнится, раньше ты носил на правой руке дешёвую японскую штамповку на засаленном ремешке. У меня были золотые, марки «Ракета», как у Леонида Ильича! А ты жлобничал, японской подделкой довольствовался...

От Его наглого и нахрапистого тона я разозлился. При жизни-то Он всех называл на «вы», разговаривал заискивающе. А умер — ишь ты, расхрабрился! Тыкает! Оскорбляет как-то по-лакейски, не повышая голоса. В сердцах я выпалил:

— Какого чёрта?! Явились в полночь в мою спальню и...

Но Он не дал мне ни договорить, ни домыслить:

— Ты его не знаешь. Подбирается он только к тебе. А полночь — самое наше время. Увольнительная у меня, — Он посмотрел на меня и подмигнул глазом так, что правый угол рта приподнялся, и на миг обнажился чёрный зуб.

Стало жутко. Но я опять пересилил себя, ведь может быть всё что угодно, а если я Его ударю, ничего мне за это не будет? И я тоже стал Ему «тыкать», как будто мы старые друзья:

— Скажи, что тебе надо от меня? Зачем припёрся? Ведь умер ты, умер! Десять лет назад как умер! Помню, крышку твоего гроба несли.

— И я всё помню, всё знаю и до сих пор всем управляю, — Он посмотрел на меня ехидно и с вызовом. —

Плевать мне на тебя и вообще на всех вас, прошлых и настоящих. Что ты долдонишь? Умер, умер... Что ты знаешь о смерти? Вот отойдёшь, тогда, может быть, и поймёшь что-нибудь, если тебе царь мой позволит! Не то он враз на цугундер тебя возьмёт... А будешь в земном мире ему послушным и верным, позволит тебе кое-что... Но преданность всегда будешь доказывать!

— А ты, Давид Григорьевич, доказал, видать, ему преданность! Ты ведь и в земной жизни с успехом это делал: в партийных начальниках был, хозяйством крупным командовал, а потом в бизнесе крутился, и всё у тебя получалось. Не без помощи ли Окаянного, твоего покровителя?

При моём вопросе лицо давнего знакомца моего, Давида Григорьевича, уже лет десять покойного, скривилось в ужасе. Он замахал, замахал пухлыми ручонками, как будто отгоняя меня и мои слова от себя... Попятился от моей кровати и исчез... растворился в полутьме спальни за шторами.

Был здесь несколько секунд назад, и на тебе! Нет его! Как корова языком слизала! Или не было его?! А если был, то неспроста же он заявился?

Я ещё раз посмотрел на часы и отметил про себя, что время словно остановилось — на часах ровно полночь! И что же это получается? Сколько времени я беседовал с покойным? И была ли беседа? А если была, так что? Она длилась какое-то мгновенье?! Но я отчётливо помнил, о чём говорили, и даже ощущал Его холодную и потную ручонку. Я вскочил с кровати, кинулся в ванну и первым делом вымыл руки. Потом помолился перед миниатюрным иконостасом, стоящим на прикроватной тумбочке. И уснул на целую ночь.

«Какая только хрень не приснится?» — эта мысль будоражила меня с утра следующего дня! К чему этот сон? А если это был не сон, а жуткая явь? От Давида Григорьевича даже в образе Покойничка всё что угодно можно

ожидать! Нет и нет, то был сон, но почему вся эта гадость из позабытого прошлого опять вторгается в мою жизнь? Вспомнилось, как один из ныне живущих почитателей Давида Григорьевича стоял в чёрном костюме в карауле у его гроба с лицом, переполненным притворной скорбью. И второй — худющий, как щепка, тоже стоял у гроба, но у того лицо было скорее торжествующее, чем скорбное. Видимо, знал, что Покойничек при жизни называл его «доходягой», но... нате вам: доходяга не доходяга, а живой! «Доходяга» до сих пор продолжает хоронить коллег. Сколько их за десять лет уже преставилось! В памяти всплыли имена, но я тут же отогнал их — вдруг весь ансамбль явится... Хватит с меня одного Давида Григорьевича! Умер — большой памятник стоит на самом высоком и сухом месте кладбища: тучный мужчина всматривается в морскую даль Амурского залива.

И тут меня осенила мысль, возможно, это памятник приходил в полночь ко мне перед сном? Да нет, ерунда какая-то, ведь памятники не могут ходить по ночам, разговаривать, и руки у них не потеют! Или могут, но не всем дано это слышать и видеть?

С трудом я избавился от ночного видения и созвонился с писателем Сашком Обабко и поэтессой Громушкиной Ларисой.

Опять кафе «О'Панас», опять втроём, как уже не раз было в прошлом, когда и время было другое, и нынче, когда в грозах давнего застряли, и оно не отпускает нас... А Сашко, писатель и краевед, ещё в более далёком прошлом находился и говорил, говорил.... У него недавно книга вышла об Александре Вертинском, который имел в дальних родственниках самого Гоголя! Сыпал за столом именами и деталями родственных связей двух гениальных украинцев, прославивших свою родину на весь мир. Оказывается, он первый открыл, что род Вертинских когда-то пересекался с родом Гоголя. Лариса улыбалась, но как на углях сидела, пытаясь прервать рассказ

Обабко и что-то своё вставить. Да куда там! Понесло Сашка, на своего конька сел! Видимо, он вдоль и в поперёк перечитал повесть Гоголя «Ночь перед Рождеством». Вспомнил её героев: Солоху, казака Корнея Чуба, пузатого Пацюка... Я испугался, что он так и до Окаянного дойдёт, и попытался прервать рассказ:

— Сашко, не надо...

Но он, не слушая меня, стал своё стихотворение читать:

Ось над нами відьма на мітлі літа,
З неба намистина впала золота,
То коваль Вакула нас благословля,
Ми розвеселили душу коваля!

Моя тревога усилилась, стало страшно. Чтобы направить разговор в другое русло, я улучил момент и спросил неосторожно:

— Саша, во дворе на входе в кафе каменная баба сидит на скамейке. Не Трындычиха ли это?

Получилось только хуже, да так, что я даже вздрогнул и внутренне съёжился от его ответа:

— Баба Горпына? Та ни! Нэ вона! Та була худая и с приятным лицом! А у этой лицо злое, сидит, молчит и глазками всех буравит...

— Сашко, ты что такое выдумываешь? Она же каменная? Конечно, молчит! Нэ можэ скульптура говорыты! — аж подскочила на своём стуле поэтесса Громушкина.

Я не стал дожидаться, когда Сашко разовьёт мою тему до апофеоза, объясняя, что могут и что не могут покойники, и опять постарался перевести разговор на другую тему:

— Лора, да шутит он, шутит... Не будем о всякой чертовщине говорить. Лучше почитайте свои новые стихи.

И я попал в точку! Из дамской сумочки явился поэтический сборник, и почти до конца обеда читала Лариса

лирику: о любви, о судьбе, о страданиях... Хорошие у неё стихи, песенные, проникающие в душу. Глаза у Сашка повлажнели, нос покраснел. Не будь он таким впечатлительным, разве смог бы так увлечься Гоголем!?

После стихов поэтическая тема не увяла — делились творческими задумками, а Обабко рассказал под большим секретом, что собирается замахнуться на новую книгу о Соломее Крушельницкой, и у него намечаются поездки по местам, которые помнят знаменитую оперную певицу: село Белявинцы Тернопольской области, Львов, Италия, Австрия... И слава богу, ибо доброе дело уводит от живых терзаний мёртвых.

Перед сном включил компьютер, чтобы записать впечатления от первого дня пребывания в Киеве, заранее решив, что о дурацком сне упоминать не буду. Если, как говорится, мысль — это материальная субстанция, то слова, доверенные компьютеру с его фейсбуком, ютубом и другими интернетовскими штучками, очень даже материальны, могут сыграть злую шутку с человеком.

А Он опять ко мне пришёл — Покойничек, Давид Григорьевич! Щелкаю клавиатурой компьютера и слышу за спиной странное шуршание. Оглядываюсь, он начальственно лежит в моей кровати — прямо в костюме и в туфлях прославленной ленинградской фабрики «Скороход»!

— Как... ты что? Обалдел? Вон из постели! — вырвалась из моей гортани брань на Давида Григорьевича.

— Так ты же занял кресло... Где же мне примоститься? — вежливо заметил Он.

— Какого хрена?! Ты — покойник! Ты — бестелесный! Повиси в воздухе под потолком, в углу на стенке примостись, если тебе так приспичило со мной говорить!

— Ладно, ладно... Не кипишуй... Я на полу посижу. Ишь, чистоплюй какой! Раньше сам туфли по своей деревенской привычке никогда не чистил, шнурки вечно волочились по земле...

И он примостился на стопке моих книг на полу. Пускай только моих, но я с ужасом заметил, что сверху оказалась книга Сашка Обабко о Николае Гоголе «Смех над огнём».

— Не садись на Гоголя! — закричал я. — Слезь с него!

Давид Григорьевич ухмыльнулся, сверкнув чёрным зубом во рту, и заменил книгу Гоголя на том «Большой советской энциклопедии», невообразимым образом оказавшейся в его руках. А ведь она валялась в чулане!

— Поговорим? — Покойничек посмотрел на меня по-доброму.

— О чём с тобой говорить? Тебя нет в этой жизни? Ты из другой коммуны — для меня потусторонней. Только ты странно как-то стал выражаться: «Не кипишуй...» Откуда таких словечек набрался, Давид Григорьевич? При жизни ты в речах блатным не был, хотя весь был в делах приблатнённых.

— В ногу шагаю с современностью. У меня ведь внуки ещё молодые, а правнук — так вообще умненький!

— Ты что же, с внуками и правнуками общаешься?

— Общаюсь я с сыном. А он уже мои мысли доводит до внуков и правнука. Не хочу пока молодёжь своим присутствием смущать... А сыну уже за шестьдесят. Яша сам кого угодно смутит! А я контролирую, всё контролирую... Наблюдаю, подправляю...

— С того света?

— А ты как думал!? Не могу я оставить дело своей земной жизни без надзора. Бизнес требует постоянного внимания.

— На кой он тебе? Бизнес зачем тебе?! Ты умер! Тебя нет!

— Семья есть! И Он есть... Он теперь тоже моя семья.

— Окаянный?

И опять Давида Григорьевича словно ветром сдуло, слетел с тома «Большой советской энциклопедии».

Исчез, испарился. На часах пробило ровно полночь. Я выключил компьютер и отправился в душ, чтобы смыть перед сном эту мерзость общения с Покойничком. И постель пришлось поменять, и молитву об упокоении мёртвых вновь читал.

Утром я снова вспоминал второе явление Покойника, уверен был, что во сне это было, а не наяву. Но почему десять лет не снился, а здесь, в Киеве, вдруг заявился ко мне? Ведь Он почти всю жизнь прожил во Владивостоке, умер там, похоронен там, сын там, сноха, внуки, правнуки! Я давно Дальний Восток покинул, хотя прилетал на похороны Давида Григорьевича. Дел у меня в тех краях уже никаких нет. Вроде бы не пересекаюсь с семьёй Покойничка! Но что ему от меня надо, если вдруг явился ко мне в Киев... А почему в Москве не мог меня навестить?! Это было бы гораздо проще. В пределах одной страны. Прямой самолёт Владивосток — Москва. Я поймал себя на мысли, что рассуждаю о Давиде Григорьевиче как о живом! Зачем Ему самолёт? Но — Киев? Почему всё-таки Киев? Ведь Давид Григорьевич никогда в Киеве не жил, насколько я знаю. И тут у меня закрались смутные подозрения, почему Он в Киеве меня донимать стал... Ему что-то от меня нужно! Для себя или для Окаянного? А может, для семьи старается! Для внуков или правнуков? А в Киеве надеется, что я буду более сговорчивым!

Вдруг раздался звонок на моём мобильнике, и голос в трубке — ласковый до приторности и знакомый такой:

— Здравствуйте, дорогой Александр Иванович! Это Яков, сын Давида Григорьевича вас беспокоит!

«Вот оно, начинается...» — пронзила тревожная мысль, но я взял себя в руки и ответил спокойно:

— Доброе утро, Яков Давыдович! Что случилось? Давно с вами не разговаривали.

— А ничего не случилось. Всё хорошо. Хотя и не очень хорошо. Банк почти банкрот. Лицензию на работу с населением отозвали. Да и бизнесмены не очень кредиты берут! Поэтому банк выживает с трудом, к банкротству движемся! Как выкрутиться — ума не приложу.

— А я чем могу помочь? Я — миноритарный акционер, жду, когда хотя бы вернутся мои инвестиции.

— И я о том же. Появилась призрачная идея. Но рискованная. Хочу попробовать. Но мне нужен контроль над банком. Я бы купил ваши акции, но, как вы понимаете, даже не по цене номинала. За одну треть от номинальной цены купил бы. Хотите продать?

— Хочу, но только за цену в соответствии с уставным капиталом.

— Значит, не договорились. Всего доброго вам, Александр Иванович. Передумаете — звоните!

Неприятный разговор. Да и ситуация неприятная! А что делать? «Вот почему Покойничек приходил в полночь! Полуночный гость! С того света блюдёт интересы семьи. Ну уж нет! Видимо, каким-то образом ситуация в банке разрешается... Иначе зачем Якову покупать акции банка даже за треть цены? Подожду».

Ужасные ночные видения в Киеве, но днями всё было замечательно, да и вечера были интересными — встречи со старыми друзьями, встречи с новыми людьми.

С Агриппиной мы встретились на нашем совместном творческом вечере с Сашко Обабко. Повод — общая книга рассказов вышла, книга-перевёртыш. На украинском и на русском языках. В связи с «перевёртышем» я познакомился с красивой женщиной. У неё своё шоу, ездит по миру с группой украинских «молодыць», демонстрируют под музыку национальную одежду. Она, статная и улыбчивая, приглянулась мне, появилась идея поучаствовать в её шоу со своими стихами, да и с песнями тоже. Договорились в том самом кафе «О'Панас» по чашечке кофе выпить...

Славно с Агриппиной пообщались и сговорились, что будем дружить. Она предложила мне поучаствовать в

новом проекте «Вечорныци». А почему бы и нет!? С импозантной дамой.

— Только без всякой чертовщины! — предупредил я. — Безо всяких дьяков да летающих ведьм на метле, кузнецов чубатых... И без вареников в сметане, которые сами в рот запрыгивают... Мне это не подходит, достали эти побасёнки о покойничках да ведьмаках.

— Что вы, что вы, Александр... — заулыбалась молодыця. — Я тоже опасаюсь нечистой силы! Спаси и помоги, Всевышний! Я хоть и городская, киевская, но в детстве от бабуси наслушалась разных страшных историй. Весёлые песни будэмо спиваты, знакомить мир с нашими украинскими традициями, костюмами; пусть на наших украинских красавиц заграница полюбуется!

— О цэ дило, — вспомнил я украинскую мову. — Я и сам до красоты охоч!

На том и порешили с Агриппиной и разошлись очень довольные друг дружкой. Я потом оглянулся и посмотрел ей вслед: идёт по дорожке — что танцует! Такая зацепит и мужика за собой поведёт — как телица бычка. И она оглянулась и помахала мне рукой на прощанье. Искра пробежала между нами. Загорится ли от неё пламя? Всё земное время — наше, оно покажет.

В духоподъёмном настроении отправился на встречу с композитором и певицей Ксенией Закамчатской. «Ксения, любовь весенняя!» — так я её иногда зову. Поёт так, что невозможно не влюбиться в песню; в Ксению, конечно, тоже можно влюбиться, но... в неё уже влюбился один и ни на шаг от себя не отпускает! Наметили с Ксенией новый цикл песен. Воодушевлённый, я отправился побродить по весеннему Киеву... И бродил, бродил до упоения.... День задался! А ночь?

С раннего вечера тревога вкрадывалась тихо, по-кошачьи... А вдруг Давид Григорьевич опять заявится? Закрыл все двери на внутренние замки, окна закрыл и зашторил. А потом спохватился, что Покойничку засо-

вы, стены, двери — не преграда. С опаской лёг в постель, спать-то хочу или не хочу? Засыпая, повторял молитву «Отче наш». И всё вроде бы обошлось... Не беру в расчёт грохот и стук в дверь, разбудившие меня. Ещё подумал: «Ага, стучит! Не может сам пробраться в квартиру! Вот что значит настрой! Целый день позитивных эмоций, беседа с красивыми и талантливыми женщинами стали неодолимым препятствием для Покойничка!» А стук в двери продолжался. Словно накаты морской волны, бьющейся о стальной борт корабля! Я ещё подумал, что дверь входная у меня крепкая, такую стуком не проймёшь. Откуда ни возьмись, внезапно появилась Агриппина, стала меня манить пальчиком, притворно-сладко улыбаясь. Перед этим призывом устоять было невозможно, и я вскочил с кровати... Вскочил и бухнулся — в море! Очнулся на полу в луже воды. Стучали во входную дверь и что-то кричали. За дверью стояла дежурная консьержка и слесарь из жилищно-коммунальной конторы. Полетел фильтр холодной воды в трубопроводе. Вода была везде: в спальне, на кухне, в ванной. Самое страшное, что она проникла на нижний первый этаж в ювелирный магазин, затопив помещение.

А тут ещё с утра звонок:

— Сашко, як ты там? Цэ — Горпына!

Я чуть ещё раз не свалился в лужу на полу и с перепугу ляпнул:

— Трындычиха?

Звонок прервался, и до меня дошло, что это была Агриппина.

Потом приехал юрист Дмитрий. Оформляли какие-то документы с хозяевами магазина. Я «вляпался», как говорится! На крупную сумму попал, десятикратно завышенную магазином. Как оно будет? Сможет ли юрист Дмитрий вразумить ловких дельцов- бизнесменов? Но.... Неизбежно придётся какую-то сумму платить! Догадался, что без Покойничка здесь не обошлось! Придётся до-

говариваться с Яшей, иначе неприятностей не избежать. Давид Григорьевич так просто не оставит меня в покое. А к нему не подступиться! Что с Покойника возьмёшь? Ничего!

А Давид Григорьевич приходил в полночь ещё раз. Стоял у кровати и укоризненно смотрел на меня, спящего, играясь вытащенным изо рта большим чёрным зубом. Я спал, но отчётливо видел его.

* * *

Появление во сне покойников не к добру! А Давид Григорьевич и при жизни мне кровь портил, исподтишка действовал, хотя я с ним в конфликты никогда старался не вступать. И вот на тебе, прицепился: потоп в Киеве наслал да с Агриппиной пытался рассорить... но Сашко Обабко всё уладил, знает он эти всё штучки, недаром жизнь Гоголя как свою изучил. Да и опять же, перед ним бабы так и млеют. Послушался я Сашка и заказал через семь дней молебен с просьбой об успокоении души покойного раба Давида! И, слава богу, отстал Покойничек от меня. И с ювелирами договорились, хотя пришлось мне заплатить бизнесменам крупную сумму за якобы испорченный товар. А ведь могло быть и хуже...

Тихие раздумья

(триптих)

1. Без подтекста и без намёков

За стойкой аптеки стояла незнакомка. Он никогда её раньше не видел. Всегда на этом месте была киприотка Марина, шатенка, невысокого роста, хорошо говорящая по-английски. В первый день он сразу же наладил с Мариной деловые отношения, запросив скидку с общей цены купленного товара. Обычная практика — постоянному покупателю магазины предлагают скидки. В тот раз он проявил инициативу, и Марина легко согласилась. Потом оказалось, что она так же хорошо говорит по-русски, как и по-английски. В общем, Мареев почти подружился с Мариной. Почему почти? Потому что настоящая дружба — это нечто другое, основанное на бескорыстии, на взаимном уважении, на родстве душ и много ещё на чём, что не подлежит расчёту и учёту. А дружба между покупателем и продавцом зиждется на взаимном интересе. Скорее всего, это добрые отношения двух заинтересованных друг в друге партнёров. Марина знала уже, какие лекарства покупает Всеволод, даже марку любимой зубной пасты знала, и часто, не спрашивая Мареева, выкладывала на прилавок цветастую коробочку. В этот раз Мареев хотел с ней проконсультироваться по поводу мази, расслабляющей мышцы. И вот тебе и на! Перед ним вместо невзрачной шатенки ослепительная блондинка с голубыми смеющимися глазами, чистым белым лицом и элегантной

платиновой причёской. После слов приветствия Мареев растерянно спросил по-английски:

— Вы — новый продавец? А где Марина?

— Я — хозяйка! А Марина в отпуске.

Познакомились. Хозяйку звали Кристиной. В аптеке никого не было, и Всеволод разговорился с ней. А почему бы не пообщаться с женщиной? Тем более, если она — обаятельная красавица и ещё умная вдобавок. И тем более, если шансов на большее нет и не рассчитываешь на особое отношение. Бескорыстная беседа. Мареев протянул женщине купленную в аэропорту Домодедово шоколадку «Алёнка»:

— У вас дети есть, Кристина? Можно им передать плитку шоколада?

— Сын и дочь у меня. Дочь — младшая. Ей передам, спасибо.

Кристина с интересом разглядывала рисунок глазастой девочки на обёртке. «Сколько ей лет? — подумал Мареев. — Двадцать — двадцать пять?» И неожиданно для себя спросил:

— Кристина, вы такая молоденькая, но уже двоих детей имеете?

— Мне тридцать пять! Не молоденькая.

— О-о-о! Мне показалось, что вы совсем юная. Даже хотел спросить, сколько в перспективе хотели бы иметь детей?

Кристина засмеялась, лукаво добавив:

— Фабрика закрыта. Больше детей не планирую.

И тут Мареев, как ему показалось, совершил непоправимую ошибку, реагируя на слова о закрытии фабрики:

— Closed for «in» or for «out»?

Спросил и пожалел. Разве можно так? Глупо уточнять — и так всё понятно. И какое он имеет право на такую сомнительную шутку? Но в ответ раздался звонкий и заливистый смех:

— For «in» never!

Расстались тепло и дружески. Мареев шёл в гостиницу, улыбаясь во весь рот. Доброжелательные и непосредственные люди. Живут без подтекста и намёков. Если задержишь на улице взгляд на красивой женщине, она обязательно улыбнётся и поприветствует тебя! Впрочем, это касается и кипрских мужчин. Мареву вспомнилась маленькое украинское село, в котором он родился и вырос. Вспомнил, как в детстве было принято здороваться со всеми знакомыми и незнакомыми людьми.

Полуденное солнце палило во всю, но Мареев не чувствовал жары. Послевкусие от разговора с Кристиной было такое, словно напился холодной родниковой воды из детства, и он шёл по залитой солнцем улице с ощущением свежести и чистоты.

2. В багетной мастерской

В багетной мастерской — рамы, заготовки, картины прямо на полу и на столах. В другой комнате экспозиция картин. Пока хозяин мастерской Пантелис подсчитывал стоимость заказа, Мареев отправился осматривать выставку. У первой же картины остановился: нагая женщина с уродливо-привлекательным лицом — длинная голова, острый, клинышком подбородок... И причёска женщины... копна волос, тоже заострённая к макушке. Красивые груди, тонкие руки, с длинными пальцами. Одна рука обнимает за голову лошадь, а во второй — между тонких пальцев — сигарета. Полупрофиль, взгляд, устремлённый в какой-то иной мир. Тонкие руки, острые локти... сигаретный дым клубится... Что за сюжет? «Нагая женщина с сигаретой и лошадь, — подумалось Мареву, — сигарета — лишняя деталь...» Но что же было в картине такого, что не позволяло оторвать взгляд от лошади и от стоящей рядом женщины?

— Добрый день! Вы интересуетесь картиной? — к Марееву подошла высокая шатенка с печальным и усталым лицом. — Полотно продано.

— Здравствуйте! Я, скорее всего, удивляюсь отталкивающей и привлекающей красоте женщины. Не уверен, что я захотел бы её приобрести.

Познакомились. Художник Александра. Украинка. Кипрская жена. Разговорились.

В дальнем углу зала на картине опять женщина. Та же, но в огромной синей наполеоновской шляпе, в синем платье и с ангельской трубой в руках. Лицо в анфас. Дама сидит на золотистой скамейке, смотрит в упор, словно прозревая и время, и пространство. Те же острые локти. Туфли на огромных каблуках. «Длинноголовая угловатая красавица, — думал Мареев, — поднесёт трубу к полно-сочным губам — и пиши пропало. Помчишься на зов трубы, словно мотылёк на огонь». Но он тут же осадил свои буйные мысли. А потом что? Дама устроена из сплошных углов, и мысли у неё, наверное, такие же острые.

— Откуда такая женщина? Воображение? Я не видел её никогда, но кажется, что о ней я написал когда-то:

Сам чёрт с тобой не справится,
Лошадка норовистая.
А мне такая нравится,
Прекрасно-неказистая.

Александра заулыбалась. Её усталое лицо преобразилось, словно женщина переступила раму и сошла с полотна, радуясь своему освобождению из плена иллюзий.

Слово за слово, и Марееву захотелось получше узнать талантливую художницу... Её работы поражали... Мир фантазий, сочетание уродливости и красоты в женщинах; хотелось в этот необычный мир окунуться, забыв кипрскую жару и всякие сложности суетного дня.

...Проснувшись посреди ночи, Мареев долго лежал в кровати, вспоминая прекрасно-уродливых женщин с картин Александры, восстанавливая в памяти сюжеты с кошками, попугаями, рыбами... Под утро встал и записал стихотворение «Раздвоение сознания», в котором «был взрыв вселенского масштаба, кричал истошно попугай, гонялся кот за кошкой, а рыба плакала навзрыд и выла женщина истошно...»

С Александрой он подружился. Но эта дружба была странной: привлекательной и отталкивающей. Двум творческим натурам было и раздольно, и тесно в дружбе. Александра легко могла обидеться по самому незначительному поводу, в обычной шутке могла увидеть покушение на свою независимость или, наоборот, проявить в слове, в жесте, во взгляде вольность, несвойственную кипрской жене, но и не несущую в себе ничего вульгарного; она была, скорее всего, из мира с другими координатами прекрасного. Как-то в очередной раз Мареев заглянул в багетную мастерскую и разговорился с Пантелисом об Александре и её картинах.

— Пантелис, ты давно знаешь Александру? — спросил прямо и без обиняков мастера.

— Я дружу с ней лет этак пятнадцать, Сева. Она — изумительно талантливый художник с тонко устроенной душой. В её картинах нереализованные мечты женщины о любви, о дружбе, о карьере художника. Почти двадцать лет на Кипре. Оставила мужа-киприота. С ней двое детей. Я думаю, что настоящее признание к ней, как художнику, обязательно придёт.

С тех пор недопонимание в дружбе поэта и художника ушло. Мареев стал страстным поклонником Александры, регулярно приобретал её картины-фантазии.

3. Вечер с певицей

Прилетело письмо в мессенджере. Немного слов: «Я бы хотела жить в одном городе с вами, чтобы чаще встречаться и общаться». О чём письмо? О творчестве и дружбе. От кого оно? От настоящего друга, от романтической и искренней души? К письму прилагались песни, в них звучали его мысли, словно он сам написал эти стихотворные тексты... Сильный женской голос заклинал:

Там, там, где строил мосты,
Там, где лелеял мечты,
Прорастают кресты,
Старой жизни кресты,
И полынь замерзает в снегу.
Прорастают кресты,
Старой жизни кресты,
И полынь замерзает в снегу.

Напоминание? Предсказание? Но вскоре тревожная мелодия с торжественно-грозными строками сменилась на лирический экскурс во времена давние, когда романтика захватывала и душу, и сердце. Вспомнилось море, штурманская рубка. Он — молодой и стройный капитан в красивой форме. И всё ещё было впереди:

Воздух пряный, ветер пьяный,
Ветер... Ветер вечных перемен.
На губах морская соль...

В этой песне почти вся его жизнь. Желание перемен поселилось в его сердце ещё в школьные годы. Откуда у него, сельского паренька, никогда не видевшего моря, любовь к водной стихии? Любовь — не проходящая, не улетевшая даже тогда, когда он был вынужден

сойти с капитанского мостика на берег... Но певица? Как она сумела услышать в словах стихотворения запрятанную тоску о несбывшемся? И кто музыку сочинил? А в песне правда его жизни: сбылось всё и... ничего не сбылось.

Я рву тельняшку на груди
И напеваю чушь собачью,
Ведь всё, что жду, всё — впереди,
Но почему ж я плачу?
В глазах туман...
На сердце мгла...

Вспомнилось, как поезд мчался на Восток. В купе Он и Она. Когда это было? И ночь была, и день был... И любовь была... А сейчас, далеко за полночь, он, Мареев, сидит на своей подмосковной даче и слушает будто историю своей жизни в песнях, слова которых не узнаёт. Он выключил освещение и подошёл к окну. В тёмном июльском небе звёзды точно такие же, какими они были в ту ночь. Жизнь меняется, судьбы ломаются, а небо остаётся прежним, звёзды такие же яркие и беспечные, как в пору его юности. Беспрерывным лаем заливается соседская собака. Маленький огонёк движется в небе на Восток. Самолёт? НЛО? Или... или тот самый поезд, летящий вне времени? А женский голос сожалеет и... укоряет:

...А ночь и день, как два крыла,
Чем глубже тьма, тем ярче свет.
А ночи жаль... Какая ночь...
Какая ночь у нас была!
И жизни жаль, тебя в ней нет...

И новая мелодия, и музыка, стреляющая в самое сердце, и голос певицы, в котором и тоска, и надежда, и призыв:

Ищу в огне камина следы сгоревших слов,
В заснеженной долине брожу одна среди цветов...

Чушь какая-то? Фигня? Фантазии из палаты номер 6?

В письме ещё слова: «Все эти ночи и дни живу вашими стихами в песнях...» Как такое возможно? В далёком южном городе не знакомая ему певица поёт песни о его жизни. А он в это время слушает её пение в Подмосковье. Время изменилось, будущее наступило — непредсказуемое в его молодые годы; возможности для общения на расстоянии стали фантастическими, но душа человеческая осталась такой же, тонкой и нежной, наполненной лирикой... В голосе певицы столько оттенков сопереживания, грусти и восторга, словно она рассказывает ему свою жизнь, в которой и радость, и боль, и счастье, замешанное на грусти. Почему она, молодая и красивая, судя по изображению на экране компьютера, поёт ему, Мареев, эти песни? И свои слова.... И эти строки:

Мечты посеяны за речкой на лугу,
Любовь осталась там, на дальнем берегу...
...В потоке времени по речке той плыву...

Закончился сеанс связи так же внезапно, как и начался. Тишина ночи. Даже соседская собака притихла, видимо, уснула. Мареев всматривался в звёздное небо и слушал песню в исполнении незнакомой певицы:

Иду туда, куда немногие дошли,
Иду без страха и без тревоги...
...Так притягателен далёкий огонёк,
Я вижу свет его сквозь тучи.

На какой-то миг ему почудилось в звёздном небе Её лицо из ночного поезда юности. Но видение так же внезапно исчезло, как и появилось.

Вечер с певицей. Незнакомой и близкой! Как такое может быть? На следующее утро Мареев тщетно искал в мессенджере следы вечернего концерта. Ничего — ни письма, ни песен! Возможно, этого общения и не было? Возможно, это был сон? Но песни-то он помнил. И в записи сохранил... Разве могут они присниться, никем не написанные и нигде ещё не звучавшие?

Через год эти песни будут исполнены на студии и прозвучат в концертах известной киевской певицы Ксении. Каких только чудес не бывает на белом свете!

Один осенний день...

Юбиляр позвонил мне накануне праздника и позвал в гости, он, считай, при жизни классик, ежегодно собирает друзей в осеннем саду. Но в этот раз, шутка ли, солидная и круглая дата! В прошлом году я был на его юбилее. И завтра надо обязательно поехать к нему в Немчиновку, ведь мы не так часто «пересекаемся» в московской жизни. Разве иногда — на посиделках в кабинете директора издательства Алины, где в углу столик, диван, пара кресел... Человек с десяток располагается за столиком со стеклянным верхом, с чудным прозванием «Кристальный». Разговоры о чём ещё, если не о стихах, рассказах, повестях и романах? Да и о жизни говорим, о том о сём... Как на лавочке при деревенском палисаде.

Тихомир! Этим древнерусским именем я прозвал приятеля давно, чуть ли не со времён нашего знакомства, этак лет... сколько же назад? Мужчина деликатного возраста, с бородкой и ярко-синими глазами, всем своим видом источает умиротворённость. Слова роняет скупо, будто взвешивая золотые песчинки, иногда с иронией над своим занятием, а то и подтрунивая над собой. Из горного инженера неожиданно для себя стал журналистом. А потом уже дальше покатило... Как всё случилось — всегда за пределами «кристального» столика... Бывает, кто-то на творческом вечере спросит: как?

— Сам не знаю, в школе у меня была твёрдая «троечка» по литературе, — признавался раньше классик. — А лет двадцать назад я подарил своему учителю полное собрание своих сочинений — стопку книг из двенадцати томов... — помолчав, добавляет: — Судьба? А может, случай? Влюбился, стихи стал сочинять, потом рассказики и... пошло-поехало.

— А как вы находите сюжеты для своих романов, — не унимается молодая почитательница мэтра.

— Да разве упомнишь всё, милочка! По-разному бывает! Жизнь подсказывает, — и Тихомир упоминает свою известную повесть, где в основу сюжета был взят случай из газеты: во времена «перестройки с ускорением» молодые подонки изнасиловали девчонку-сироту...

Классик перевёл событие чуть ли не в боевик, в котором негодяев настигла божья кара... Встречи с ним стали проходить с аншлагом.

И я люблю Тихомира за его скромность, порой даже излишнюю, за его обязательность в дружбе; его рассказы — умные, с ненавязчивой душевностью и философским подтекстом — связывают чувство благости в сердце, почти космическое мироощущение; люблю слушать воспоминания Тихомира о жизни в других мирах, многогранной и насыщенной. И вот я с радостью тащусь на такси к нему в посёлок Немчиновка, где у писателя в старом яблоневом саду вполне земной домик-храмина с книгами. «Эх, Немчиновка, село, яблоки осенние, даже ночью здесь светло!..» — как не вспомнить прошлогодний сбор в саду Тихомира! Огромные яблони были усеяны плодами, которые изредка шлёпались о землю с поднебесной высоты...

А вот и дом писателя, старые деревья без единого яблочка на ветках. Что ж, вместо писателя природа отдыхает после прошлогодних трудов. У Тихомира нет простоя, зимой написал повесть, за её издание боролись несколько издательств, но, как обычно, победила Алина.

Чем объяснить? Не большим же столом под яблонями, уставленным закусками? Он, юбиляр, тихо-приветливый, подобен костерку с казаном, вокруг которого колдует Марьяна, сестра Алины и её правая рука. Алина рядом — в кулинарном деле она советница и помощница. Расцеловавшись с Тихомиром, я присоединяюсь к сёстрам, хотя мог бы дров нарубить, но с этим справляется Саша, зять юбиляра, художник. Рубит дрова, словно картину пишет мастихином, уверенно и неторопливо: придерживая полено рукой, бухает по нему топориком, у меня аж сердце заходится, а вдруг промахнётся и по руке попадёт?

У костра хорошо, весёлый огонь обволакивает казан. Марьяна только что положила в него нарезанные куски курдюка; баранье сало шкворчит, растапливается... А у нас рядом на столике бутылка красного вина, и мы поднимаем бокалы за здоровье... Мы — Марьяна, Алина, Саша и я, а гости пускай за столом пьют вино и закусывают! Нет обязательного председателя-тамады. Каждый гость сам по себе, что хочет, то и делает. Вон, поэт Владимир, этот за стол не садится, а, выставив две бутылки знаменитого ликёра «Итальянский полдень», обходит всех и каждому предлагает непременно попробовать волшебного напитка из Рима. Одной рукой наливает из бутылки ликёр, а другой ухитряется снимать действо на камеру, разъясняя, что к чему и почём? Воображаю, из самой Италии вёз ликёр для Тихомира и думал о юбиляре и предстоящей встрече под сенью чуть ли не патриаршего сада в Немчиновке. За весь вечер, так и не присев за стол, он бродил-ходил со своей камерой по саду и вокруг стола, выискивая ракурс и ещё что-то, и снимал, снимал... а в перерывах читал свои стихи, требуя внимания балдеющих от итальянского ликёра гостей.

— А сейчас шкварки вынимаем, вынимаем, — комментирует своё кулинарное действо Марьяна, — вынимаем и... бросаем лук в растопленный курдючный жир.

— Шкварками, наверное, и закусывать можно? — встревает поэт-оператор.

— Не пробовала, — улыбается Марьяна.

Она вываливает громадную миску нарезанного колечками репчатого лука в кипящий жир и помешивает его ложкой кокетливо. Я наблюдаю, как лук румянится, чую его смачный запах. Запах детства! Боже, как мне хорошо! Эта непринуждённость в саду, так приятно под яблонями толстопятыми наблюдать за Марьяной, красивой и ладной девушкой... Я ловлю себя на том, что любуюсь её румянцем от жарких языков пламени, прядкой выпавших на лоб волос, но она не чует моих коротких взглядов и колдует, колдует... Ведь Марьяна — редкий случай славянской красавицы со статной фигурой, с еле заметными ямочками на тугих щеках... Какое упоение и любовь в действиях Марьяна! Глаза сверкают, с уст не сходит улыбка, особенно, когда достаёт из казана рис для пробы. А почему бы и нет?! Тем более, что это так завораживает...

А тут нате вам — новый гость, довольно крупный, улыбчиво-серьёзный мужчина. Раньше я думал, он из Ферганы, хотя знаком с ним лет пять, но теперь засомневался. Поэт! Мысленно называю его Величавым. Идёт ли он, стоит ли он, сидит ли в президиуме — от его фигуры веет величием облечённого и обречённого. Нет-нет... Он не горделивый, он даже простой, но всё-таки величавый! Меня он явно недолюбливает. Я это чувствую кожей, иногда — нутром...

Марьяна не видит нового гостя, не чувствует моего любопытствующего взгляда. Так приятно наблюдать за приготовлением женщиной пищи на костре, как это было принято в поселениях древних славян! Не то что банкет в ресторане или в городской квартире богача с вышколенными официантами... Мне вспоминается, как лет двадцать тому назад был в гостях в Брюсселе у одного еврея из Одессы, крупного рыбопромышлен-

ника. Он вёл бизнес в России, хотя компания зарегистрирована в Гонконге. Стол был уставлен нашими славянскими блюдами: украинское сало, селёдка под шубой, сельдь с луком под маслом, квашеная капуста, малосольные огурчики, маринованные грибочки, винегрет, разные колбасы, кулебяка и в центре казан с гречневой кашей со шкварками! Яств — много, а душевности никакой!

Марьяна выкладывает поверх подрумяненного лучка морковь, нарезанную соломкой. Сколько времени и терпения надо, чтобы вот так аккуратно нарезать морковь! Мне кажется, она подзывает меня зачем-то... Я достаю мобильник и начинаю снимать ярко-красное морковное крошево, объектив захватывает красные языки пламени из-под казана; это живое существо влечёт и дразнит меня... Так и хочется протянуть руку и коснуться его. Великая магия огня! Могу бесконечно долго смотреть и смотреть на костёр, с детства эта любовь! Но не дай бог, если этот податливый и ласковый зверь вырвется на волю, превращаясь в опасного монстра и уничтожая всё, что попадётся ему на пути! Я только пригубил «Итальянский полдень» из бокала, чуть-чуть, а сколько чувств, ассоциаций, воспоминаний... И среди их вала — огонь... и Марьяна...

Снова наполняются вином бокалы, звучит тост во здравие Марьяны и Алины... Одна без другой — никуда: и в тосте вместе, и на отдыхе, и на работе... Алина пробует варево, ведь всё-таки сама закупала на рынке мясо, рис — собственноручно перебрала-проверила почти каждое зёрнышко, и теперь тарелка с рисом матового отлива стоит в сторонке в ожидании своей очереди.

А вот и явление Марины народу! Романистка-оптимистка, почитательница всего итальянского, особенно известного ей со счастливых юных дней в городе Римини. Пока она исполняет пируэты поздравлений и приветствий, я думаю о её женских романах, написанных на

подмосковной даче, в грибном лесу. Но нет в её романах подмосковной жизни, там — море, солнце, итальянские песни и любовь... А для нас — польза от этого самого леса: Марина притащила к застолью несколько банок грибного жульена и большую бадью клюквенного сока! Царский подарок! А ещё она весёлая и добрая! Я люблю с ней фотографироваться, она украшает фотографию своей улыбкой. И сидеть с ней рядом за столом люблю, у нас даже есть маленькая тайна таких посиделок. Но об этом ни-ни... В общем, с Мариной не пропадёшь, скучно не будет и с голоду не умрёшь.

Постепенно содержимое казана начало булькать, словно лава в кратере вулкана или вода на камчатской Паратунке, в горячих источниках, где всё кипит и всхлипывает, призывая человека к осторожности: любуйся, человек, но не очень увлекайся! К моему удивлению, Марьяна так и поступила с пловом: потом, за столом она даже не притронулась к нему; это тот случай, когда процесс более важен и интересен, чем результат. Я не выдержал и спросил:

— Марьяна, плов получился на славу, но почему же сама не пробуешь?

Вместо ответа девушка улыбнулась и вдруг, подперев голову рукой и прикрыв глаза, печально запела украинскую народную песню:

А я Йванка так любую,
Де зустріну — там цілую.
Ой, Іванку, серце ж моє,
Де є такі, як ми двоє?

— Вот так! — прекратив пение, засмеялась Марьяна.

Раздался взрыв аплодисментов. Больше всех радовалась Марина: вскочила из-за стола, прокричав троекратно «браво!» И юбиляр удивил меня, декламируя концовку недопетой песни чисто по-украински:

Тече вода коло села,
А дівчина вже весела.
Любилися — кохалися,
Через рочок побралися.

И всё изменилось в саду.... Солнце скрылось за деревьями, Тихомир зажёг фонарь над столом. Сразу — россыпь шуток. Юбиляр, словно мальчишка, дурачась, фотографировался в обнимку то с Марьяной, то с Мариной. Один осенний день! И вечер... Какой вечер?! Что же так вдруг? Я догадался, что песня Марьяны имела какой-то конкретный смысл — кому-то понятный и совсем непонятный для меня. На секунду мне стало грустно...

Похолодало. Всё-таки двадцатое сентября! И гости, пара за парой, стали расходиться. Я подумал, что за последние годы этот день и вечер были самые лучшие у меня. Словно окунулся в другой мир, простой и понятный, в отличие от суеты улиц, от шума аэровокзалов, от перелётов-переездов, от каких-то мелких и докучливых дел, которые меня находили в последнее время. Или я сам их находил?

Одним из последних попрощался я с русским писателем и, уходя из осеннего сада, обернулся, ещё раз посмотрел на немолодого человека, сидящего под старой яблоней; у его ног свернулся калачиком приблудный чёрный щенок по имени Уильям Блейк, названный так Марьяной в честь знаменитого английского поэта. Не знаю, придётся ли свидеться с Блейком, ведь у щенка может найтись хозяин, а вот с Тихомиром мы встретимся, как обычно, за издательским столом, прозванным нами «Кристальный»! Говорят, что все дороги ведут в Рим, и это верно, как верно и то, что все дороги писательские ведут в издательство, к Алине и Марьяне. Но почему-то на обратном пути в электричке мне не хотелось смотреть, как раньше, на необустроенные задворки пригорода. Мне виделся немчиновский сад и казачьего типа казан... Вот морковь в казане уменьшилась от жарки и стала податливо ломаться от прикосновения ложки, потом всё пошло весело и споро: куски бараньего мяса с косточкой, потом без косточки, две головки чеснока с кожурой, два длинных красных перца, соль, травяные специи и рис...

Человек и пёс безродный

Памяти
Сергея Трофимовича Кожемякина

Рано весна наступила в Подмосковье. Весь апрель был солнечным, порой жарким. А для Сергея Трофимовича наконец-то сбылась давняя мечта об участке земли побольше, чтобы для дома с красной крышей в три этажа хватило, ну и для сарайчика с садовым инвентарём... И вот — земля есть, дом есть, остальное, как говорится, время по воде писало... Но будет! И он с радостью истосковавшейся крестьянской души принялся, что называется, «пахать». Да вот закавыка не даёт покоя: дом и участок принадлежат зятю. Тот — морской капитан, покамест просто Сашко, ничего в земле не смыслит, да и в основном находится на Сахалине, но наездами бывает... Если насовсем вернётся, поладит ли он с зятем? Не станет ли тот командовать — что и как выращивать на даче? Всё-таки морским начальником служит... Дочь Людмилу приучил к порядку — не вмешивается в огородные дела, а супруга Полина — безмолвна как осенние небеса. Бывает, бывает... поворчит иногда, но он никогда с ней в споры не вступает. А зачем? А зятю всё можно простить за то, что внука такого подарил... Шесть лет мальцу, а такой смышлёный, деда любит. Как-то зять сказал сыну:

— Уезжаю на год на Сахалин. Остаёшься за старшего, Серёжа! — при этом подмигнул Сергею Трофимовичу.

— Ага, папа, — подержал пацанёнок, понимая и принимая условия их с отцом игры.

Умный мальчик растёт. Нет, зять тестя уважает! И внука назвал в его честь. Так и сказал после рождения: «Серёжей будет! В честь деда назовём». Хотя зять Александр характером ещё тот гусь! Упрямый как осёл ферганский! Почему ферганский? А бог его знает. В его подчинении на военной службе был старшина из Ферганы. Ещё тот упрямец! Что не поручишь ему — всё сделает по-своему и приказа не нарушит! Вот и среди солдат его прозвали ослом ферганским. И зять... Набычится, мол, я сейчас задам тебе перцу, да куда там — отходчив! Из десяти партий в шахматы редко одну-две выиграет, вот и злится; чтобы сберечь эмоции, потом вовсе отказался играть в шахматы. На карты перешли. Втроём, а то и вчетвером играли. Пара на пару. Здесь силы тоже неравные, у него с Полиной — ох какой опыт картёжной игры, будто всю жизнь играли в подкидного с соседями или с сослуживцами. А вот дочь Людмила — из другого теста, где и когда было играть в карты? До замужества? Раньше трудилась в престижной клинике кардиологом — в Киеве, да вот пришёл этот обормот с Сахалина проверить сердце... Проверял, проверял и... вызвал дочь к себе на Сахалин. Она — возьми и согласись! К чёрту на кулички отправилась. Зачем? Пусть бы этот гусь долговязый оставался в Киеве. Однокомнатная квартира была для начала. Что ещё надо? Тесть и тёща по первому зову на помощь прискачут. И сам устроился бы на какую-нибудь баржу на Днепре. Так нет — море ему подавай!

Сергей Трофимович с прохладцей отнёсся к зятю. И так было бы навсегда, но скоро понял, что тот далеко не дурак! Поехали к молодожёнам на Сахалин с Полиной, когда внук родился. Помогали. Остров Сахалин понравился — и рыбное чудо, и ягодное и грибное раздолье! Разгулялась там его душа до того, что зять, пользуясь служебным положением в пароходстве, отправлял его в Японию на пароме, чтобы купить за бесценок подержанную машину. Желающих — хоть отбавляй, а удавалось в

основном работникам пароходства да их родственникам. И оказался он, военный пенсионер, дошедший в войну до Берлина, владельцем японской тойоты! Она исправно служила и служит ему до сих пор, несмотря на солидный свой возраст. Стоит сейчас в Киеве, всё ещё не старая рухлядь, Сергей Трофимович, случается, бывая на родине, ездит на своей «японке». Без гордости ездит, думал ли он на войне, что когда-то отправится в страну союзника врага и будет покупать там не старую, но рухлядь? Перетерпел! Не такое приходилось терпеть в жизни. А машина — что надо! И зять оказался что надо!

Мысли Сергея Трофимовича прервало залихватское пение скворцов. Ишь, заявились родимые! Домики разбирают. За зиму он их штук сорок смастерил и развесил высоко на берёзах в лесу. Шустрые птички! Огородные помощники. Потом, когда выведут птенцов, весь огород клювами перекопают в поисках червей. А пока надо распланировать огород, торф с песком завести, ведь земля — ни дать ни взять сплошной вязкий глинозём. Эх, зять, какой землицей меня, своего тестя, обеспечил, как наградил?! Чтобы тесть не ворчал, стишки-нескладушки сложил о скворцах:

Не шумите, бога ради,
Дед Сергей скворечник ладит.
Скоро явятся скворцы –
Певчей радости гонцы.

Как пёс Дик залаял, скворцы умолкли, соображая, что к чему. Странная фигура — пёс Дик, кое-чем похож на морского капитана... характером? Около трёх лет назад недалеко от дома, в московских гаражах, дворовая сучка щенят принесла. Выбрал среди них одного с чёрным нёбом и на дачу взял. Таким умным псом вырос, диво берёт. Но неудержимо свободолюбивый. При первой возможности сбегает со двора и гуляет где-то на стороне по не-

сколько дней, а потом приходит-приползает на коленях, вроде бы как прощения просит. Однажды исчез, казалось, насовсем. Неделя, вторая пошла, а Дика нет и нет. «Пропал бедолага...» — думалось. Как-то ехать собрался в Голицыно, вышел к автобусу, а из-за куста другой дороги выползает Дик, жалобно скуля. Оказалось, машина сбила, человек сердобольный отнёс псину в лес, а вдруг оклемается? Сколько он отлёживался в лесу без воды и пищи — кто знает? Очнулся. Но как почувствовал хозяина на расстоянии больше, чем в пятьдесят метров!?

* * *

Сергей Трофимович подошёл к будке. Пёс тут же выскочил и радостно залаял-заскулил, прыгая на грудь. Что скажешь? Ожил. Бока наел. Преданная животина. К чужим злой неимоверно. Кажись, сорвётся с цепи и разорвёт человека. И однажды сорвался. Мигом по-обезьяньи перелез через двухметровый забор с шипованным верхом, оказавшийся тут рабочий-строитель с соседнего участка пустился наутёк. Да разве убежишь от этого невысокого, но очень сильного чертёнка? Глаза сверкают... Хорошо, что зять Александр во дворе оказался, кинулся за ним с криком: «Дик, Дик, назад!» На рабочего столбняк напал, но разогнавшийся пёс мимо пулей пролетел и умчался куда-то вдаль!

— Свезу в питомник гада! — разозлился зять. — Мог порвать рабочего!

— Не порвал же... — виновато оправдывал Дика Сергей Трофимович.

— Не хватало ещё этого! Но какой стервец! В самоволку сбежал.

— А ты по молодости, Александр Иванович, никуда не бегал? На танцы, например? На свидание? А-а-а? Не бегал? Бегал, бегал...

Зять отмахнулся рукой:

— Делайте, что хотите... Вы — здесь хозяин! А что я? Наездами бываю.

А Дик, погуляв дня два, как ни в чём не бывало утром в будке отлёживался. Разве что сам себя на цепь не смог посадить!

Сергей Трофимович — один-единственный хозяин, признаваемый Диком, хотя ласкался ко всем, наверное, подлизывался, демонстрируя свою собачью преданность. Хотя с хозяином пёс вёл себя как бы наравне, но и уважение выказывал — беспрекословно слушался. Из Москвы привезли приблудного котёнка. Так тот даже в конуру лазал к собаке! Тот, правда, не разрешал косточку трогать. Лапой мог наподдать только за попытку покуситься на свою собственность, а в остальном даже опекал малыша. Подрос кот и без страха ходил мимо будки.

Ещё был в хозяйстве абрикосовый пудель по имени Маркиз, намного старше Дика. Собаки не враждовали, но и не дружили, просто игнорировали друг дружку. Из разных сообществ псины... Маркиз в парадную дверь входил-выходил хозяином, спал там на мягком диване, а Дик только завистливым взглядом за ним наблюдал. Видимо, ему было очень любопытно, что там, за парадной дверью? Однажды, когда ему разрешили побегать по двору, улучил минутку и забежал в дверь, но тотчас пулей оттуда выскочил. Видимо, забоялся, что оставят его там взаперти, без свежего воздуха и без возможности вырваться на волю и погулять всласть.

Пёс безродный и человек.... Друзья неподдельные. Сергей Трофимович с утра приходил к псу, здоровался с ним:

— Привет, Дик! Ночью не было слышно тебя. Дрыхнул, наверно, без задних ног? А кто дом будет сторожить?

— Да я всего-то в пол-уха спал, — отвечал пёс, виновато глядя хозяину в глаза.

Отвечать не отвечал, но именно так Сергей Трофимович понимал его поскуливание.

Шли годы, наконец человек и пёс постарели. Человек был военным, имел ранения, ему труднее было, чем псу, выживать. Да и работу он чтил не меньше, чем пёс любил свободу. В огороде появился и сарай, и теплица большая. Но сам огород какой!.. Это, можно сказать, произведение огородного искусства. Аккуратные грядки с лесным чернозёмом возвышались чуть ли не на аршин, обитые тесинами. Между грядок — дорожки, посыпанные белым гравием, есть ирригационная система, так что вода отводится в лес, а оттуда — в поселковый водоём. А на грядках всё, что твоей душе угодно! Картофель, капуста, свёкла, морковь... Да разве всё перечислишь!? Пряные травы! И сад — яблони, вишни, черешни, сливы, боярышник, кусты сортовой малины, смородины, крыжовника, голубики... На отдельной грядке — клубника, вокруг теплицы — земляника особенная — такая, что с весны до поздней осени родит. А в лесу — собственных рук искусственное озерцо с карасями и карпами. И грибы! Правда, когда их пора подходит. Вокруг дома и у сарайчика — цветы в невиданном разнообразии, но здесь главнее Сергея Трофимовича супруга Полина да дочь Людмила!

Хозяин спускал пса с привязи и разрешал ему бегать свободно, строго-настрого наказывая:

— В саду гуляй, Дик, и в лесу! А в огород ни-ни, не смей. Нельзя! Понял?

И пёс отвечал хозяину:

— Есть, командир! — так Сергей Трофимович переводил на человеческий язык весёлый лай друга.

Со всеми находил общий язык старый солдат. С внуком Сергеем дружил по-мужски, по-настоящему. Они понимали друг друга без слов. Тот огородом не интересовался, но все просьбы-приказания деда выполнял. Сосед, отставной адмирал, по праздникам приглашал ста-

рика на рюмку-другую, да и сам любил к нему заглянуть. Что ещё пенсионеру надо? Зять Александр не забывал напомнить своему другу-коммерсанту Паше доставить к празднику пару ящиков крепкого янтарного напитка.

Как-то в середине лета, вечером, после работы в огороде Сергей Трофимович присел с зятем на приступке, недалеко от собачьей конуры. Тишина. В небе звёзды яркие. И среди них огонёк плывёт. Засмотрелся Сергей Трофимович на огонёк, а потом и говорит:

— Самолёт. Примерно на высоте в пять тысяч метров. После войны и до ухода на пенсию в войсках ПВО служил, знаю, как сбивать.

— А на войне?

— Артиллерия — бог войны. Больше по танкам приходилось бить... Наводчиком был! Понимаешь, ответственность какая на тебе? Промазать нельзя.

Ежегодно в день победы Сергей Трофимович надевал пиджак с орденской планкой, чисто выбритый, торжественно занимал место за общим столом, принимая поздравления. Но никогда никаких подробностей о войне не рассказывал. А тут вдруг заговорил, и, конечно, зять Александр слушал, затаив дыхание, а пёс, определённо понимая важность момента, — ноль внимания на шум с улицы, где на велосипедах гоняют пацаны.

Вскоре Александр с Людмилой улетели в Карловы Вары на отдых. Был солнечный, жаркий август. Сергей Трофимович взялся косить траву в лесу. Сено складывал в большую копну, хотел порадовать зятя родом из украинского села, часто вспоминавшего, как в детстве с ребятами засыпали в копне сена. Старик перегрелся, не следя за солнцем, случился апоплексический удар, внук вызвал военную скорую помощь, и подмосковный госпиталь принял ветерана-артиллериста.

О чём говорить и что скажешь? Уже на следующий день Александр говорил с ним по телефону. Слабым голосом Сергей Трофимович просил не прерывать от-

пуск, мол, всё обойдётся. Но не обошлось, дочь с зятем срочно вернулись в Москву... Спустя две недели старый солдат умер.

Пока Сергей Трофимович лежал в госпитале, пёс Дик беззвучно сидел на крыше будки и с печалью неизбежного смотрел на калитку, не лаял. На следующий день после похорон хозяина пёс сорвался с цепи ночью, каким-то невообразимым образом освободился от кожаного ошейника, и больше его никто и никогда из домочадцев не видел.

Сколько огромнейших кладбищ в Подмосковье, вряд ли кому известно! Но чёрный мраморный памятник на одном из них с фотографией Сергея Трофимовича, в чёрном костюме с орденской планкой, строг и серьёзен. На плите крупные буквы — имя, скупые цифры о времени бытия на земле уроженца курской губернии, гражданина и офицера; за низким заборчиком — скамейка, столик, с весны до поздней осени — полевые цветы, любимые им.

На следующий год после похорон, весной, в день поминовения усопших, женщина у соседней могилы обратилась к Людмиле:

— Отец ваш? Я раньше хотела сказать. В прошлом году по утрам я часто видела у могилы чёрного пса... Небольшая собака... Потом она пропала, больше не видела её.

— Дик! Любимый папин пёс. После похорон исчез со двора. Как же он разыскал могилу хозяина?

Где и как закончил свой жизненный путь скромный дворовый пёс по имени Дик? Кто знает? Одно ясно, что есть вещи, которые человеческим разумом не понять. Разве что — сердцем? Здесь тоже промазать нельзя, и старик не промазал в дружбе с Диком.

ПРЕДНОВОГОДНИЙ КАЗУС

Недавно это было. Купил я к новогоднему столу бутылку «Советского шампанского», бутылку трёхзвёздочного армянского коньяка, бутылку сухого красного французского вина для тёщи и большую коробку итальянского мороженого. Традиционный набор, за него я ответственен в нашей семье. А всякие там салаты, холодец, запечённое мясо, рыбные блюда — дело рук супруги нашей и тёщи моей. И вот я, счастливый и довольный, тащу домой добычу в белом пакете с зелёной надписью «Перекрёсток». Благо магазин находится в двух шагах от дома. Дорога ледяная, скользкая, но я настороже. Иду не спеша, ноги ставлю аккуратно. Но, видимо, дьявол караулил меня, внезапно на перекрёстке двух дорог нога скользнула с обледенелой кочки, и полетел я вверх тормашками... Падая, пытался уберечь бутылки. Да куда там! Удар о землю, треск стекла, а дальше темень. Бездна темени.

Потом посветлело в голове, и я увидел сам себя, лежащим на дороге, точнее, тело своё увидел с лицом бледным до неузнаваемости.

— Вставай, — кричу я в ужасе, — замёрзнешь!

И слышу чей-то сиплый голос:

— Не встревай!

Кто мне отвечает, незримый и недобрый? Внизу, вокруг тела, уже человек десять собралось. Лица все мне

знакомые, людей знаю, а вот кого и как зовут, никак не вспомнить. Почему люди стоят и смотрят, не спасают меня? Что-то не то происходит. Но, слава богу, вижу, как от толпы отделяется женщина средних лет в старомодной синей шляпке с трагичным выражением лица. Подходит женщина ко мне, через силу улыбается, мелко крестится, приговаривая: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» И добавляет негромко: «Отдыхайте с миром, дорогой Александр Иванович!»

— Дура! — кричу ей. — Пульс проверь!

Ан нет! Она бочком, бочком, да и засеменила прочь, без оглядки.

Хоть плачь. Но не все же в толпе дураки? Вижу мужичка в белой куртке и в застиранных до белизны цветастых сатиновых трусах. Знаю, что он друг мне, а как зовут его, Сатинового, хоть убей, не припомню! Может, я в такой реальности оказался, что имена никакого значения не имеют? Да что мне имена, когда пропадаю! Но друг есть друг, этот откачает меня, спасёт... Недавно он клялся, что присоединится ко мне, если я с монахами буду церковь защищать от поругания. Был такой разговор, а какая церковь, какое поругание — опять не ясно. И вдруг Сатиновый достаёт миску варенников в сметане — и давай наворачивать их прямо на морозе, рукой запихивая в рот вареник за вареником. И до меня ему, оказывается, никакого дела нет, хотя, может, он не видит меня на дороге? А не видит, так зачем стоит и пялится? Или старается вареники прикончить, не хочет ждать, когда воскресну?

Вот так обстановочка! Хуже некуда для гражданина, потерявшего сознание ... Не могу же я сам себя спасти, находясь в бессознательном состоянии?

Рядом с Сатиновым стоит дама-поэтесса и стихи читает. Лицо покрасневшее, сосредоточенное и неулыбчивое. Стихи читает, словно дрова рубит, а другая, белокурая, ей в рот заглядывает и своё тараторит:

— Целый год я хорошо себя вела! Вот св. Николай и посодействовал, чтоб мне грамоту с гербовой печатью дали. Тебя стихами наградили, а меня грамотой!

— Надоела, — взрывается поэтесса, хватает вареник с тарелки Сатинового и запихивает в рот даме с грамотой, заверенной гербовой печатью.

«Люди, — кричу я отчаянно. — Да вы с ума сошли, что ли? Замерзаю я, погибаю я, а вы о гербовой печати печётесь! Подраться готовы. Одумайтесь! Спасите!»

Не слышат. Ничего не делают. Не спасают. Глазеют без толку на меня безжизненного.

Но вот она, кто точно мне поможет! Снегурочка новогодняя, стоит в сторонке от всех остальных в белом пуховике с капюшоном, стоит и рыдает горючими слезами. А ко мне не подходит. Видно, что ей жаль меня, хочет помочь, да не может. Почему не может? Непонятно. Запретили, что ли, ей? Кто запретил? Заколдовал? Незримый с сиплым голосом? И я стал больше переживать за неё, чем за себя. «Надо вставать, как бы плохо Снегурочке не стало, слезами вся изойдёт...» — подумал я. Но тут раздался истошный крик красивой дамы в красном платье с распущенными волнистыми волосами:

— Что стоите истуканами? Делайте что-нибудь! А я скорую помощь вызову!

Дама в красном куда-то побежала. А толпа зевак зашевелилась. Галдёж и суматоха, как на птичьем базаре.

Но тут маленький и шустрый человек стал командовать:

— Нашатырю поднесите Александру Ивановичу, он и задышит!

— Нет-нет... Нельзя нашатырю! Надо снега, пропитанного коньяком из разбитой бутылки, ему в рот насыпать! Опохмелится — и сам, как миленький, пойдёт! — степенно, со знанием дела комментировал плечистый мужчина.

— Сам пойдёт! — раздался сиплый голос Незримого.

— Подсобите мне его на спину взвалить. Себе заберу. Дома отогрею, поцелуями оживлю, — подскочила дама в белой блузке, расшитой красным орнаментом.

Но её тут же оттолкнула в сторону Снегурочка. И откуда смелость у неё взялась? Хотя бюст у неё такой, что кого угодно сшибёт с дороги!

Суета сует. Я уже всю надежду на спасение потерял. И вдруг, откуда ни возьмись, седой старичок надо мной наклонился. Глаза под кустистыми бровями добрые-предобрые. И молвил старичок ласково и тихо:

— Вставай, сын мой! Вставай и иди домой. Рано тебе ещё.

— Кто ты, дедушка? — спросил я старичка почтительно.

— Зови меня Николаем.

Мне показалось, что мы со старичком слышим друг дружку, а остальные ничего не слышат, хуже того — не видят; опять в истуканов превратились? «Так это же св. Николай! — внезапно осенило меня. — Сколько раз он спасал меня в штормовом море!» Подумал правильно, а спросил неправильно, глупость сморозил:

— Это ты, дедушка, сейчас у нас вместо деда Мороза? Белокурихе грамоту с гербовой печатью ты преподнёс?

— Спаси и помилуй, Господи, тебя неразумного. Я Бога молю о вас всех грешных. А новогодние подарки разносят Дед Мороз и Санта-Клаус. Детишкам в радость. Не богохульствуй! И так уже много чего наворотил. Носитесь с грамотами разными-несуразными. Бога в душе нет. Бумажками гербовыми не спасётесь, вся сила — в правде, а защита ваша в молитве.

Дедушка вдруг исчез. И все разошлись, забыв обо мне, лежащем на ледяной дороге. Мне показалось, что слова дедушки люди услышали... Хватит ли ума воспользоваться советом?

Не помню, как я очнулся и домой вернулся. Только на другое утро я проснулся с головой ясной и светлой. На кухонном столе красовался новогодний набор: бутылка

«Советского шампанского», бутылка трёхзвёздочного армянского коньяка, бутылка сухого красного французского вина и большая коробка итальянского мороженого. Мороженое ничуточки не подтаяло за ночь.

Потом я пошёл на тот перекрёсток и в грязном снежном месиве увидел осколки разбитых бутылок; пропитанный коньяком кусочек льда даже пососал. Невкусно, хотя запах трёхзвёздочного сохранился.

Верь не верь, но всё, что я рассказал, чистая правда, и случился сей казус со мной в День святителя Николая Чудотворца, 19 декабря 2018 года. Радостно мне и горько. Радостно, потому что явился Николай Угодник, направил меня, развеял мои сомнения. Понял я, что жить надо так, как жили мои богобоязненные деды и прадеды! Горько — не смог я встать с ледяной дороги, подойти к людям... И стыдно мне за то, что лежал себе и лежал, друзей осуждал. Сам-то не без греха.

Как оно теперь дальше будет? Не знаю. Одна надежда, что друзья мои вспомнят слова старика, одумаются и переменятся, станут такими, как прежде... И я научусь любить и прощать.

А казус предновогодний не забуду никогда, да и как забудешь, если метка на теле осталась — большой палец на правой ноге посинел от стыда!

Живые картинки воспоминаний

очерки

Две стороны медали

На многотрудном жизненном пути мне встречались разные люди — было всякое: и хорошее, и плохое. В молодости меня окружали товарищи-моряки, настоящие профессионалы, готовые прийти на выручку, не задумываясь ни на секунду; подлецов было мало, и они как-то быстро отскакивали от меня и растворялись в туманной дымке ушедших дней, не оставляя следа в душе. Но когда людей подпускаешь к себе очень близко, а они тебя предают, то это очень больно, такое не забывается, остаётся в чисто-светлых далях вечной души, временами выплывает, тревожит сердце и мысли ночами.

Это было в Охотском море. Мой теплоход с трудом продвигался среди льдов, двое суток без сна я находился на капитанском мостике. Солнце вставало над пустынной ледяной равниной, а мне вдруг почудился запах полыни... И нахлынуло:

Полынь душе моей милей
Земных цветов всех вместе взятых.
В ней запах родины моей
И чувство горькое утраты.

Я никогда не забывал мою малую родину... Иногда были тяжёлые житейские ситуации, были штормы и

опасности, спутники морской романтики, и в такие минуты я спасался тем, что вспоминал своё село Долочье. Я вспоминал дедушку («это — дед, по тропинке идущий»); вспоминал «смех молодой моей мамы»; бабушку вспоминал с её сказками, односельчан...

Прожив большую часть жизни на Дальнем Востоке, я чувствовал всегда непреодолимую тягу к моей Украине, особенно к моему маленькому селу Долочье, что в Хмельницкой области, где я родился, учился в школе, откуда уехал «учиться на моряка».

Есть заветное слово Долочье,
Это — вечный в душе моей трепет,
Это — детства родной уголочек,
Журавлей улетающий клекот.

Волна поэзии захлестнула меня и понесла на своём гребне в море житейское, грубое и жестокое. Ведь то были 90-е годы, когда явилась необузданная свобода, которую так долго ждали, а с ней пришли и разные пороки, захлестнувшие общество. Мир поэзии давал возможность отстраниться от суровой прозы «горбачёвской перестройки». Со временем кризис и пепелище смывались и отступали, словно волна с палубы парохода, я выпустил несколько книжек поэзии, на мои стихи стали писать песни известные композиторы, я познакомился с замечательными певцами. В Москве у меня появились новые друзья в литературной среде, друзья сродни моим товарищам-морякам. А море и морская жизнь остались и в моём сердце, и в мыслях моих навеки.

О море! Будь вечно таинственной песней,
Моим откровеньем в тоске и в печали.
Взлетаю, как птица, с тобой в поднебесье,
Стою пред тобою один на причале.

Звучала песня, и перед глазами вставало село, расположенное среди живописной долины, тёплая летняя ночь и тишина, прерываемая стрекотом сверчков. Во время последнего приезда я лежал на спине за селом среди трав и смотрел в звёздное небо, поражался зарницам, вспыхивающим в его западной части.

Так безмятежно и знакомо
Поют беспечные сверчки.
Привет, мой край! Я снова дома,
На берегу ночной реки.

Иногда, когда не спалось ночами, я мысленно перечислял по памяти имена сельчан, начиная с крайней хаты у шоссе. И часто мои воспоминания превращались в стихи, а потом в песни. Некоторые песни я готов сам бесконечно слушать, как будто это не мои слова, а кто-то другой рассказывает мне истории моего детства, вызывающие слёзы в глазах.

Мать затопит печку утром,
В стылый дом придёт тепло.
Засверкает перламутром
Леденистое стекло.

Растоплю своим дыханьем
Ледяное озерцо,
У ворот увижу сани,
Деда доброе лицо.

...Это я, мальчик лет шести, в белой полотняной сорочке до пяток, соскакиваю с печки и по холодному глиняному полу подбегаю к окну. Остерегаясь бабушки, я торопливо фукаю на наросший на стекле лёд на оконном стекле, чтобы через него увидеть во дворе пришедшего из леса дедушку. А вдруг он мне принёс гостинец от

зайчика? И дедушка всегда что-то приносил: то горстку лесных орехов, то замёрзшие «кислицы» — дикие яблочки, которые казались мне такими сочными и сладкими.

И новое воспоминание. Я в морской курсантской форме... Окончил Одесское мореходное училище и приехал зимой в село перед тем, как отправиться на далёкий Сахалин, чтобы начать морскую карьеру штурмана. Холодным январским днём хоронили дедушку, и не забыть мне, как шёл за гробом деда Фёдора, как на его лицо слетело с небес несколько снежинок, хотя небо было безоблачное... Царство небесное тебе, дедушка!

...С проходящей мимо села республиканской дороги-шоссе видно золотистый крест над синим куполом белой церквушки. Как моя бабушка мечтала, чтобы в нашем селе церковь была! И, может быть, там, на небесах, она радуется тому, что её мечты сбылись. Тянутся люди к этой церквушке по праздникам. И, кто его знает, может быть, с этой церкви начнётся возрождаться моё украинское село, моя малая родина, и я, ещё при своей жизни, увижу его другим, весёлым, наполненным детскими голосами и новыми надеждами детей и внуков. А пока — какое это счастье видеть лица своих сельчан, повторяющих молитву вслед за отцом Богданом, молодым священником, который приезжает из соседнего села Кунив и с радостью правит службу.

Родные сердцу вижу лица...
Храм Божий на краю села
Взлетает в небо белой птицей.
Тот чистый колокольный звон,
Иконостас и свет икон –
В Москве мне сон ночами снится.

Мы с братом Владимиром восстановили наш родительский дом, и, кто знает, может, из наших потомков когда-нибудь кто-то вернётся в село и останется там на-

всегда. Течёт река моего детства Вилия, а наперегонки с ней бежит тракт, построенный ещё при царе, потом перестроенный в асфальтовую дорогу. От дороги тянутся к реке белые хатки Долочья:

Украинских сёл примета –
Хатки белые стоят.
Белизна белее света,
Божьей радости парад.

Очень хотелось бы, чтобы продолжился род моего деда Фёдора в нашем селе, но, к сожалению, вопрос о переезде в Долочье наследников и сородичей повисает в воздухе, как паутинка в припозднившуюся осень.

Есть ещё люди другой веры, чем Эсхил или мои предки. Поживший мужчина, назовём его Владимир Яковлевич из Тернополя, неоднократно женатый, и довольно молодая женщина Лидия из Острога, подруга его. Парочка оказалась мошенниками и очень ловко втёрлась мне в доверие; увели деньги, которые можно было направить на благие дела. Было обидно, что я доверял этим людям безоговорочно, а в ответ получил то, что получил.

Белая белизна, доброта, благородство господствуют на земле не всегда и не везде. Есть такая расхожая присказка — не делай добра, не получишь и зла. И что же теперь, жить с оглядкой? Античный трагик Эсхил, предупреждая, что за неблаговидные поступки придётся ответить ещё в земной жизни, сказал: «Что посеял — пожал; потерпел, что содеял, — не боле». Но тех, кто предаёт, кто зло творит, ничего не пугает: предают, воруют, обманывают... Вечный вопрос — откуда зло? Дьявол совращает? А человек? Не тварь же безмолвная? Почему его обуял дух стяжательства, почему чёрные душой люди одной рукой крестятся, а вторую запускают в карман ближнего?

Я пытался и так, и этак подойти в своём повествовании к этим героям, назвать их настоящие имена и фамилии, рассказать о неблаговидных делах этой парочки. Но нет, не поднимается у меня рука изобличать их! А разве сам я не виноват в том, что случилось? Разве я не видел, что ловкая молодая женщина уводит из семьи мужа и отца? Разве я не видел, что этот человек поступает плохо со своими соседями или партнёрами по делам? Почему я доверял им? Как же не доверять художнику и бандуристке, мастерам культуры? А с другой стороны, разве тот, кто предаёт семью, не предаст своих друзей? Предаст, обязательно предаст! Кто отдаёт себе отчёт, дошёл он до края бездны или нет? И сможет ли отступить от бездны? Ведь на чужом несчастье своего счастья не построишь. Возможно, сужу по морскому уставу, но, по-моему, жизнь крестьянина и жизнь моряка — две стороны одной медали, на одной стороне выбито «труд», на другой — «честь. Но всё-таки:

Который раз я ошибаюсь.
Опять обманут подлецом?
На ровном месте спотыкаюсь,
Иду с разбитым в кровь лицом?
Мороз и ветер режут щёки,
Как будто острые ножи.
Доколе мне терпеть уроки
Обмана, подлости и лжи?

Уходят предательство и подлость, а я остаюсь. И остаюсь не один, а с моими замечательными украинскими друзьями: поэтами, писателями, композиторами, артистами, исполняющими песни на мои слова и на слова моих друзей. Я горжусь тем, что после возвращения на родину судьба послала мне радость встреч с моими земляками и новых друзей. На смену морскому братству юности пришла моя творческая «родына»: Галина

Менжерес, Владлен Ковтун, Павло Дворский, Светлана Мирвода, Александр Балабко, Ирина Персанова, Олег Дзюба, Лариса Петрова, Наталка Поклад, Ольга Дубовик, Ксения Никольская, Ирина Руденко, Любовь Лавриненко, Вера Кульова, Станислава Лясота и многие другие. Я рад, что мои земляки имеют возможность иногда видеть замечательных украинских артистов на сцене клуба в селе Кунив и слышать их песни. Мне никогда не забыть восторг и радость людей в зале, когда Павло Дворский исполнял песню об Украине. В моём сердце живут воспоминания о моих поездках на Хмельниччину и ожидания новых встреч с моими земляками и друзьями.

И ветками ива приветливо машет,
И вишни бегут в белых платьях навстречу.
Здесь всё по-другому, и всё здесь как прежде,
Я слышу неслышные старые речи,
Что сын я желанный, хоть сын я заблудший:
В морях мне всегда этих слов не хватало.
Домой возвращаюсь, душой возвращаюсь.
Как много мне надо и надо так мало!

14.08.2014
Киев-Долочье-Москва

В родном краю

1. Старая школа

«Вновь к тебе возвращаюсь, Долочье...» — название поэтического сборника стало пророческим. Я опять в родном краю — Изяславский район, Хмельниччина, где родился, где прошло детство, где пошёл в первый класс начальной долочанской школы. Здание школы было построено ещё до революции, в позапрошлом веке, но стоит до сих пор и украшает своим великолепным видом село: белый фасад, большие окна, красная черепичная крыша, уже потемневшая от старости. В школе всего два учебных класса, где малышня училась, а рядом, за стенкой, жилые помещения для семьи учителя. Когда-то звучали весёлые детские голоса, но уже несколько десятков лет детей здесь не учат; обветшало здание, требует ремонта, но всё же стоит и радует небезразличных к прошлому и к настоящему, пользу приносит — сельский медпункт в нём расположился. Век с четвертью минул с тех пор как подарил селянам школу царедворец Георг Рейн, имевший свою летнюю усадьбу на берегу реки Вилии. Революция, гражданская война, немецкая оккупация, расстрел фашистами сотен местных евреев за селом в Куниве, послевоенные трудные годы, политические бури и штормы — всё видела старая школа, всё перенесла... Стоит себе и стоит. На века раньше строили, по совести, а не тяп-ляп... Здания фермы бывшего колхоза — полуразрушенные. Деревянный клуб, в котором в послевоенные

годы кипела бурная жизнь с танцами и песнями, врос в землю, крыша провалилась, кое-где стропила остались, по которым летом воробьи шастают, чирикая. Птичкам лишь бы солнышко светило да чтоб корм был: семена бурьянов, дождевые черви, мушки, мурашки-букашки... Воробьиная жизнь!

Недалеко от школы стоит каменный клуб, зияя разбитыми пустыми окнами, в колхозные времена его строили, но клуб сейчас не при деле — молодёжи почти не стало. Обезлюдело село, вон сколько хат пустует, старики покинули сей грешный мир, молодые подались в другие страны — «заробитчане», одним словом. Вспоминаю рассказ киевского таксиста: сын его друга-односельчанина приехал из-за границы навестить семью да отпраздновать рождение четвёртого ребёнка — дочери. Таксист спросил его:

— Откуда приехал, Толик?

— Из Польши.

— Работаешь там? Кем

— У пана. Дрова рубаю, за скотыной хожу. Что скажет, то и делаю. Добрый пан.

Конечно, добрый пан. Работу дал, есть где спать, кормит. Рабочий день двенадцать часов, зато Толик имеет в месяц около тридцати тысяч гривен. Немыслимо большие деньги для села. Толик сильный, почему же ему не потрудиться? Семью надо кормить; в своём хозяйстве жена пока справляется, да и родители помогают. А Толик наездами дома бывает, от этих наездов прибавление в семействе. И хозяйство в выигрыше: мини-косилка появилась, лошадь, телега, пара коров, свиньи и всякая другая живность.

Услышав эту историю, я вспомнил песню на проникновенные стихи Александра Балабко, поэта из Киева. У нас с ним крепкая мужская дружба, мы не раз обменивались мнениями о жизни непростой. До «щему в серці» вслушиваюсь каждый раз в слова мужчины, обращённые

к жене, которая «заробітчанкой» скитается в далёкой Италии, а дома осталась маленькая дочь:

...То з Франческою ти, то з Віченцо.
Може, прийде колись і той час,
Коли діти отих іноземцев
Кращу долю шукатимуть в нас...

Придёт этот час, обязательно придёт... Наряду с пустыми хатами в нашем селе Долочье поднялись добротные дома, и чувствуется, что крепкие хозяева в них, на века строят жильё, со всеми удобствами: туалеты, ванные, отопление от котла на газе из баллонов. Стараниями сельского председателя Ярослава Качура село получило свой водопровод, воду берут из скважины на ферме. Ярослав Мыколаевич с гордостью рассказывает, как утверждали проект на сельском сходе, как строили, но с печалью говорит, что давление в магистрали недостаточное и вода не доходит до дальних хат. Но лиха беда начало, со временем и эту проблему порешают.

Хочется верить, что наступят времена, и никому не надо будет ездить на заработки в чужие страны, молодёжь станет трудиться на своей земле, а дети подрастут и пойдут в свою школу, не надо будет им добираться за три километра в соседнее село Кунив. Там лет тридцать назад построили из кирпича новую школу, построили на том самом месте, где до Второй мировой войны стояла большая и красивая старая, но немцы её разбомбили. Одни строили, другие бомбили! Кто знает, может быть, царедворец Георг Рейн смотрит с небес и радуется тому, что село возрождается? Говорят, что во время войны солдат Василий чудесным образом спасся из плена и вернулся в село живым и невредимым. Немецкий офицер, потомок того самого Георга Рейна, узнав, что пленный из Долочья, выправил ему документы и отправил домой. Может быть, всё и не так было, может быть, народная молва

приукрасила события лет, давно минувших, но старая школа ведь стоит до сих пор и свидетельствует о том, что были в этих краях богатые люди, которые делали добрые дела. Добросердечие и меценатство славили человеческий род во все времена. Может быть, современные богачи станут следовать благородной традиции, будут строит школы, библиотеки, клубы, больницы, церкви? И будут инвестировать свои капиталы не только в торговлю, но и в реальное производство, например, построят в Долочье новую ферму, благо пастбищ хватает, вырастят новый сад у леса за дорогой, ведь старый сад своими яблоками славился на всю округу! А каскад прудов, которые раньше тянулись из сада и до самой речки, а сейчас обмелели и заросли камышом?

...Из двора материнской хаты смотрю на восходящее солнце над лесом, на красавицу-церковь, выросшую несколько лет назад рядом с сельским погостом и названную в честь покровителя нашего села Святого Луки, и мечтаю. О чём мечтаю? О новой жизни старой школы... Почему бы не помечтать, ведь в селе чаще стали рождаться дети, а значит, появилась надежда...

2. Аисты возвращаются

Три дня провёл я в краю своего детства, в селе Долочье на Хмельниччине. А сколько впечатлений, сколько радости в душе! Прекрасные виды! На краю села стоит церквушка. Куколка! Белостенная, с синим куполом и с золотой маковкой, над которой сверкает крест в лучах летнего солнышка. В праздники отец Богдан приезжает из соседнего Кунива и проводит богослужение. Добросердечный молодой батюшка пользуется уважением у прихожан. О церкви заботится, а ведь он ещё служит в просторной церкви в Куниве, в селе, которое намного больше, чем Долочье. Затеял ремонт церкви на средства,

собранные прихожанами; не так давно построили её всем миром, но что-то не учли в проекте, и стены зимой промерзают. Утепляет батюшка их по новой технологии, обкладывает пенопластом, сам придумал, как разукрасить белизну стен вертикальными золотистыми полосками. Лицо у батюшки доброжелательное, улыбчивое... Когда любовь в сердце к Богу, к людям, к окружающему миру, то лицо светлеет и всем вокруг это заметно.

Не пришлось мне в этот раз побывать на службе в церкви, а в прошлые приезды бывал и всегда радовался тому, что прихожан много. Но даже тогда, когда нет службы, как радостно просто постоять рядом с церковью, посмотреть на образ Почаевской Божьей Матери над входом и тихо помолиться!

Из окна хаты, где мама жила, виден лес, гора Пуща, так в моём детстве её называли! Какая там гора, так себе — холм метров сто высотой, но для нас, детворы, он казался горой, любили мы подниматься по тенистой тропинке наверх и оттуда смотреть на сёла, разбросанные за рекой Вилией, петляющей среди долины. И сейчас смотрю на лес и вспоминаю слова своего же стихотворения, переведённого на украинский язык моим большим другом, киевской поэтессой Ларисой Петровой:

Слово є заповітне — Долоччя,
В ній душі неприхований трепіт.
Це — дитинства щасливий куточок,
Журавлів відлітаючий клекіт.

Що було, пам'ятаю донині:
Пагорб Пуща, туман над ярами,
Он дідусь мій іде по стежині,
Й молода усміхається мама.

Когда-то давно, написал я эти строчки, будучи в дальнем плавании. Пришлось стихотворение по душе ком-

позитору Николаю Шершню, и появилась песня. Хотя «пагорб» Пуща уже не тот, зарос молодым лесом, и ничего уже оттуда не видать: ни сёл, разбросанных по живописной долине, ни речки Вилии, впадающей в Горынь... В детстве мы, детвора, пускали бумажные кораблики и фантазировали: поплывут они по реке Горынь, затем по реке Припять, спустятся в широкий и просторный Днепр, а там выйдут и в Чёрное море... О море, море! Мечты сбудутся, в моей жизни потом будут моря и океаны, а сейчас я радуюсь тому, что лес поднялся, но меня поправляет Митя Лещенко, сосед и дальний родственник. Мой дед Фёдор и Стах, дед Мити, были родными братьями, а мы с Митей уже и сами деды. Так вот сосед мне говорит:

— Чему радоваться? Вырубили лес! Над Пущей ещё сохранился, а чуть в стороне, где мы с тобой, Сашко, в детстве бегали, где шумели дубравы, да и сосны вековые стояли, теперь одни пни торчат, а подлесок так и прёт. Всё изменилось, не узнать лес, заблудиться можно.

— А кто вырубил? Промышленная заготовка? Так ведь на месте вырубки саженцы должны высадить?

— Кто вырубил... Всякое говорят. Может быть, незаконная вырубка? А саженцев не видно.

Что сказать в ответ Дмитрию Ананьевичу? Я не знаю, да и ему откуда знать правду? Что-то видит сам, что-то слышит от людей.

На следующий день просыпаюсь в полшестого утра. Слышу какой-то шум. Выглядываю в окно и вижу на материнском огороде соседа Юрия Косика, на мини-тракторе дискует стерню после скошенного овса. Брат Владимир отдал огород соседу в пользование. Брат живёт и работает под Киевом, в Ирпене, зачем же огороду пустовать? Сердце радуется, когда смотрю на ухоженные грядки: картофель, лук, чеснок, фасоль, капуста, помидоры, чего там только нет! Может быть, наша мама Лиза, бабушка Марта, дед Фёдор тоже смотрят с Небес и радуются... Веками обрабатываемая предками по линии деда

Фёдора Лещенко земля и сейчас служит людям, хотя мы, его наследники, уехали из села. Кто знает, возможно, наши с братом внуки или правнуки вернутся на эту благодатную землю? Ведь Юра Косик, говорят, приехал в село из Тернопольщины и, женившись на местной красавице, остался здесь, как верится, на всю жизнь. Дом у него — полна чаша, трое детей в семье. Дети разумные да приветливые...

Вижу аиста на огороде, гордая птица величественно и без боязни вышагивает за трактором, зорко посматривая вокруг, и время от времени что-то склёвывает со свежевспаханной земли. Я насчитал несколько гнёзд в нашем селе, и в других украинских сёлах тоже видел гнёзда аистов. Своеобразная визитная карточка Украины — фотография гнезда на высоком столбе, в гнезде — аист, по-украински «лелека», стоящий на одной ноге. По весне возвращаются «лелеки» в родные края, и с каждым годом их становится всё больше и больше. Эти красивые птицы всегда гнездятся возле жилья человека. Значит, жизнь продолжается, и есть надежда, что село восстановится после многих лет запустения, новые поколения селян будут жить и радоваться жизни и прославлять своими делами эту прекрасную землю.

3. Моя хата с краю

Бежит асфальтовая дорога, по ней мы с братом едем из Долочья в село Кунив. Вдоль дороги — обильная растительность, а возле ставка, где почва влажная, ядовитый бурьян разросся выше человеческого роста; борщевиком называется. Густое и сочное растение очень ядовитое, коснёшься его нечаянно, и кожа покрывается ожогами и долго незаживающими струпьями. Брат, сидя за рулём машины, возмущается:

— Не могут покосить, видишь ли! Раньше такого не было. Дорожная бригада из Мазярни всё успевала, хоть дорога была выложена булыжником и требовала постоянного ухода: песка подсыпать, булыжники заменить. Латали рытвины да выбоины оперативно. И бурьян вдоль дороги косили. И за деревьями присматривали.

— Раньше и деревья были выше, — шучу я.

Мазярня — маленькое село в одну улицу, располагается между сёлами Долочье и Кунив. Помню бригадира дорожных ремонтников, его все звали Бронько, я всегда здоровался с ним, а он меня, идущего в школу или из школы, останавливал и рассказывал мне о моём отце Иване Матвееве:

— Ты, Сашко, в батька пошёл. Высоким он был и очень сильным. Ловко мешок с зерном забрасывал себе на плечи, как-то коленом поддаст — и мешок наверху! Эх, война... Сын отца не видел... Но мамка тебе о нём рассказывает?

— Да. И бабка много рассказывала, и дед.

Сколько лет прошло, нет уже на этом свете Бронислава Озимковского, а беседы с ним в памяти остались... Всё меняется, но не всегда — в худшую сторону. Ядовитый бурьян, конечно, плохо и небезопасно, хотя асфальт на дороге — очень даже хорошо! Не то что в детстве в школу ездили на старом, допотопном автобусе, громыхающем по дороге, зато дёшево было, а мы, школьники, и вовсе ничего не платили даже на рейсовом автобусе. Все понимали — откуда у сельских детей деньги? Но когда это было?! Сейчас другие времена: конкуренция, частный бизнес; вложит бизнесмен свои кровные денежки в немецкий автобус и жаждет как можно скорее отбить их, поэтому бесплатно никого не повезут: ни школьника, ни солдата, ни старушку.

Перед Кунивом, где дорога идёт под уклон, мы останавливаемся пообедать в кафе «Моя хата с краю», что стоит рядом у леса. Красивый деревянный домик, вымощенный плиткой дворик. Собственная кухня, часть продуктов из огорода хозяев кафе. Несколько гостиничных номеров. Своеобразный постоялый двор — на ночь приютят и накормят, и проезжающий на машинах люд пообедать имеет возможность. Цветов обилие. Не так много посетителей бывает, а всё же есть. Украинцы, поляки, немцы, да и другие иностранцы из бывших земляков приезжают в родные места посмотреть, подышать воздухом Родины... А некоторые свои даже из отдалённых городов и сёл специально приезжают, чтобы расслабиться вдали от соседских глаз...

Хозяин этого заведения бывший лесничий Михаил Кондратюк. Помню его с тех пор как в Долочье строили церковь. Узнал он от моего брата Владимира о богоугодном деле и привёз в подарок для озеленения территории 200 саженцев туи, да и так, чем мог, тем и помогал. А сейчас у него свой семейный бизнес! Молодая жена Людмила в кафе посетителей обслуживает, и в своём доме работы хватает. У пары на двоих шестеро детей. У Михаила своих трое от первого брака, старший сын уже в Киеве учится, у Людмилы свой сын от первого брака, а двое общих детей. По-всякому жизнь складывается... Михаил потерял первую жену, а Людмилу я не стал ни о чём спрашивать. Люди нашли друг друга и трудятся, не покладая рук, кроме кафе и гостиницы — своё хозяйство догляду требует: корова, свиньи, куры, огород...

— Рабочих рук не хватает, — говорит Людмила. — У нас ещё и питомник саженцев имеется.

— А что же местные, из Кунива? — спрашиваю я.

— Кто работящий, у того своё хозяйство. А кто выпивает, какие из них работники?! Попросила как-то одну в питомнике прополоть, так половину саженцев извела.

Вот так и получается, что семейный бизнес держится на собственном труде хозяев и их родственников. На кухне мама Людмилы заправляет, а за стойкой у компьютера иногда может и младшенький посидеть. Если

что, мигом мамку позовёт. Пока мы ужинали, Михаил поливал цветы.

«Моя хата с краю...» — символичное название. Как будто владельцам этого маленького отеля и кафе и дела нет до всего, что происходит в окружающем мире. Но я другой смысл в этом названии усмотрел: на краю леса, у самой дороги стоит красивый дом, и его хозяева готовы пригреть и накормить любого желающего. «Наша хата с краю, но мы всегда вам рады, дорогие гости!» — как бы говорит всем едущим и идущим по дороге охотник Мыхайло — вырезанная из дерева статуя деда с берданкой.

Заедем к вам, Михаил и Людмила, обязательно заедем в следующий раз, когда опять заявимся с братом в родные края. И друзьям своим будем рекомендовать посетить уютное заведение, расположенное рядом с трассой Острог-Кременец, сразу у леса за селом Кунив.

4. Дорога из Долочья в Изяслав

Потерялось моё свидетельство о рождении, которое после школы я получал в тогдашнем районом центре — селе Плужное. Копия сохранилась, а оригинала нет. Навели с братом справки: надо ехать в город Изяслав, в нынешний районный центр. И вот мы с утра отправляемся на машине в путь. Когда-то, после окончания средней школы семнадцатилетним пареньком ходил я пешком в Плужное, чтобы выправить необходимые документы для поступления в Одесское мореходное училище. Радостно мне тогда было идти сельскими дорогами, проложенными по лесам и полям. Начиналась новая жизнь, я твёрдо верил, что стану моряком и мир повидаю. Дед Фёдор рассказывал мне, как в первую мировую войну служил и воевал, как самого генерала Брусилова видел ночью, когда тот со своей свитой внезапно на передовую нагрянул. С немцами воевал дед. Мой

отец Иван Матвеев тоже с немцами воевал в Великую Отечественную и погиб в той войне, не видел меня, родившегося, и я его никогда не видел, разве что только на фотографиях.

Помнится, как шёл я по лесной дороге, слушал пение птиц и мечтал. Мечтал о разном. Была наивная детская мечта, что, став моряком, где-нибудь в заграничном порту встречу своего отца, ведь он мог остаться живым на той страшной войне. И не возвращается домой, потому что... Много было этих «потому» в моих юношеских размышлениях, ведь к тому времени стали приходить письма из далёкой Америки, от оказавшихся там после войны родственников сельчан. А вдруг и мой отец где-то скитается и не знает, что я, его сын, уже школу окончил и вступаю в свою взрослую жизнь?

За селом Каменка дорога свернула вправо, вместо асфальта пошла грунтовка. И поехали мы по колдобинам да рытвинам. Владимир вначале с оптимизмом реагировал на такое «шоссе», ловко лавируя между ямами и приговаривая: «Танки грязи не боятся!» Но потом его настроение испортилось, и он начал ворчать, мол, не могут за столько лет нормальную дорогу сделать, тем более, что на некоторых участках она всё же была покрыта асфальтом. Легко и быстро проехали Плужное, а там вскоре Изяслав показался, старинный город; в летописи много интересных сведений можно об этом поселении найти. Но такой ракурс в историю не является моей задачей как автора. Мне сейчас интересно то, что слышу и вижу, да и документ нужно восстанавливать. Как всё сложится? Сохранились ли записи в книгах? И как встретят в районе земляка, по сути, иностранца? Хочешь не хочешь, но я, родившийся в этом краю, стал для своей Родины иностранцем. Хотя я никогда не забывал Украину, своё село Долочье, село Кунив, где в средней школе учился. В долгих морских рейсах я не раз вспоминал, восстанавливая в памяти виды села, представлял лица земляков,

повторяя их имена. Часто вспоминал учителей, особенно Мирославу Петровну, учительницу украинского языка и литературы, моего классного руководителя. Недавно Аня Фидык, моя однокашница, говорила, что наша учительница вышла на пенсию и поселилась в своём селе на Тернопольщине. Как называется село? Кто видел Мирославу Петровну в последний раз? Ничего больше Аня не сказала. Помнится, когда-то Мирослава Петровна моё сочинение похвалила. Возможно, благодаря доброму слову молодой учительницы, стал я поэтом и писателем, после того, как осуществил свою заветную мечту — выучился на моряка. Не только выучился и матросом работал, но и капитаном океанского сухогруза служил, в пароходстве на далёком Сахалине. Эх, встретить бы любимую мной в школьные годы Мирославу Петровну! Подарил бы я ей свои поэтические сборники, книги прозы, да и музыкальные диски подарил бы с песнями на мои стихи в исполнении известных украинских артистов. В прошлом году на Троицу концерт был в Кунивском доме культуры, артисты из Киева приезжали и пели для сельчан; сам Павло Дворский выступил в клубе — легенда украинской эстрады. Жаль, что на том концерте не было Мирославы Петровны. Может быть, я осмелился бы сказать ей, что в 2012 году решением Кунивской сельской рады мне было присвоено звание «Почётного гражданина»! Нет, наверное, постеснялся бы хвастаться.

Мои размышления прервал брат Владимир:

— Просыпайся, приехали!

— Да не спал я, так, только прикрыл глаза. Вспоминал.

И вот мы в кабинете Татьяны Владимировны Патратий, руководителя государственного органа регистрации актов гражданского состояния, который народ продолжает называть ЗАГСом. Не верю глазам своим, за столом — молодая улыбчивая красавица! Да такой на сцене блистать! Безупречно вежливая манера разговора: такт, внимание к собеседнику, профессионализм... А с другой

стороны, кому, как не такой красавице, вручать молодожёнам документы о бракосочетании!

Моё заявление с просьбой восстановить свидетельство о рождении было принято и меньше, чем через два часа, я держал в руках новенький дубликат. Вот так-то... Получил документ, без обычных в таких случаях «приходите завтра»! Мелькнула мысль, что если каждый из нас будет надлежащим образом выполнять свою работу, как это делает Татьяна Владимировна, как делал Бронько из Мазярни, то ядовитого бурьяна вдоль дороги не будет, сама дорога другой станет, да и вообще жизнь наша изменится в лучшую сторону.

В тот же день мы с братом встречались с главным редактором районной газеты «Зоря Надгориння» Сергеем Охремчуком. Журналист с большой буквы, любая столичная газета за честь посчитала бы иметь в своём штате такого профессионала! Я читал раньше газету, Сергей присылал мне несколько выпусков в электронном виде. Признаюсь, читал и перечитывал от корки до корки. По моему мнению, именно такая и должна быть газета, в ней — как в зеркале — вся жизнь района с его проблемами и достижениями. Похоже на то, что у издания начинаются свои собственные финансовые проблемы: надо учиться самим зарабатывать деньги, то есть существовать на «своих хлебах». Рынок! Но, может быть, появится какой-то крепкий хозяйственник или бизнесмен, который захочет разместить рекламу? Или просто поможет? Мы с братом Владимиром подписались на газету с адресом доставки «Кунівська сільска рада».

Возвращались из Изяслава в Долочье по той же дороге. Уверен, что будет новая дорога, будет новая жизнь! Главное, чтобы рытвин и колдобин не было в наших душах и в головах.

Июнь 2017 года

В любви вся правда и сила...

Понимаю ли я, родитель, своих детей? И не важно — в коляске ли они, преодолевают ли дистанцию за какой-либо приз или карабкаются на обледенелую вершину Эвереста. Проблема взаимопонимания родителей и детей вечная и, наверное, бесконечная, как этот мир вечен и бесконечен. В каких-то семьях взаимоотношения становятся критическими, и противоречия переходят в конфликты, где-то складываются легко и незаметно для нас и окружающей Ойкумены. Не всякий из нас признает, что конфликты есть, но родители умеют в своё время разрешать их, не задумываясь, откуда, что, к чему или зачем. Можно рассматривать многообразие факторов: пример родителей, их характеры, обстановка в семье и в школе, личность первой учительницы, состояние общества, религия и много чего ещё. Мой друг написал на эту тему огромный трактат! Но я не преследую цели исследовать «про» и «контра» родителей и детей. Сейчас мне интересно порассуждать на тему, почему в одних случаях дети и родители ладят между собой, а в других конфликтуют и страдают всю отпущенную им жизнь!

Вена! Еду в машине с водителем поляком Веславом. Знаю его уже лет двадцать, с тех пор как приехал сюда впервые, в командировку и на всю жизнь полюбил этот город — зелёный, со старинными зданиями, великолепными парками и скверами... Моцарт, Шуберт, Штраус,

Лист... Во всём и везде здесь музыка. И Вена дышит, живёт историей. История на каждом углу, в улицах, площадях. Лица венцев всегда приветливы и доброжелательны. И дети... Я удивлялся всегда, до чего же открытые и добрые здесь дети! Может, это оттого, что им многое позволяется? Даже совсем малые чувствуют себя вольными! Помню, мы сидели в лобби гостиницы «Интерконтиненталь» с моей знакомой Даниэллой и её маленьким сыном лет пяти и пили чай. Ники, сверхактивный сорванец, бегал меж столами и диванами, взбирался на диваны с ногами, трогал вазы с цветами, а Даниэлла — ноль внимания. Я ожидал, что служащие гостиницы сделают замечание, но нет; девушка из бара подарила Ники большого, с его рост, дельфина и с улыбкой, по-взрослому с ним побеседовала. Сейчас Ники уже лет восемнадцать, его болезненная гиперактивность прошла, он учится в университете и ничем особо не отличается от своих сверстников.

— И у меня не всё просто с детьми складывается, — продолжил начавшийся разговор о детях Веслав. — Приехал в город, устроился водителем, хотя по профессии инженер, радиоэлектроник. Надо было завоёвывать место под солнцем; вскоре жена появилась, ребёнок родился. Крутился как мог. И дочь воспитывали как могли, как нас с женой родители воспитывали... А дочь впитывала венскую жизнь в детском садике, в школе, и улица, конечно, влияла.

— Разве Вена могла чему-то дурному научить?

— Дурному не дурному, а здесь всё-таки другой уклад жизни, не тот, при котором наши предки в Польше жили. Есть плюсы, а есть и минусы в этой новой жизни.

— Например?

— Сколько угодно. Меня родители шлёпали по попе за провинности, и я мог дочь нашлёпать. Как-то мы были с ней на службе в церкви. У нас в Польше дети стоят рядом с родителями и чинно молятся. Здесь ходят по

церкви, играют, и никто на них не обращает внимания. В тот раз Мария стояла рядом со мной и вертела монетку в руках. Монетка упала со звоном. Указал Марии: «Так нельзя!» Но она продолжала играть с монеткой. Та опять упала. Я сказал малышке, что, если ещё раз повторится, нашлёпаю по попе. Но всё повторилось. Пришли домой — и я попытался нашлёпать её.

— И что? В чём трагедия? Обычное дело.

— Необычное. Маленькая девочка заявила: «А полиция?!» Пришлось ограничиться внушением. А она, уже взрослой, вспоминала со слезами на глазах и говорила, что я в детстве обижал её. В чём дело? Где и какой педагогический нюанс, упущенный в суете чужого города?

— Есть примеры, когда дети росли в скандальных семьях, а выросли внимательными, заботливыми. Получив хорошее образование, состоялись в профессии, любят и поддерживают родителей, — заметил я.

Веслав помолчал, а потом сказал печально:

— В этой западной жизни есть много нюансов, непонятных и даже неприемлемых для нас, людей старшего поколения. Вот расскажу ещё один случай. Мария заканчивает университет, психолог, уже сейчас имеет небольшую практику, работает с известным в Вене врачом. Конечно, я оплачиваю её учёбу, перевёл довольно крупную сумму сразу на её счёт, она сама распоряжается деньгами. Я играю на рынке «Форекс», где, впрочем, заработал все свои капиталы. Несколько лет назад случился кризис, и мне срочно понадобилась небольшая сумма, чтобы сделать новые инвестиции на благоприятном рынке. Я попросил Марию одолжить денег. И что вы думаете? Мария пошла к своему учителю-психологу посоветоваться — давать мне деньги или нет?

— Ну, ведь это обычная практика на Западе, в сложных и ответственных ситуациях советуются с психологом прежде, чем принять решение.

— Интересно то, что психолог сказала. Она сказала,

если Мария даст мне деньги, то сама не имеет права быть психологом. Ведь я могу проиграть эти деньги. А то, что я зарабатываю на рынке, значения не имеет. Важно поступать правильно с точки зрения психолога, в данном случае чужого для нас с Марией человека.

— И как вы, Веслав, восприняли такой ответ?

— Постарался понять дочь.

— Понять? Это значит лишить себя собственных детей, согласившись с бездушной технологией государства. Суперказёнщина! Я бы сказал такому государству: «Духовно-нравственный террор разрушит тебя, болван!»

Но всегда ли мы, родители, принимаем и стараемся понять позицию своих взрослых или не взрослых детей? Я вспоминаю семью своего младшего брата: Он — учитель, жена — воспитатель в детском садике. Обе дочери с образованием — высшим. В семье особого достатка не было, жили как все, но проблемы были. После Чернобыля семье пришлось жизнь начинать сначала, да ещё при двух маленьких дочерях. Лето дети проводили в родном украинском селе, на природе среди таких же, как они, сверстников. Две бабушки: наша с братом мама и мама его супруги, девочек любили все. На их глазах всё было — повседневная сельская жизнь в труде, простой быт, надо и воды из колодца принести, и на огороде поработать. Да и под Киевом, где семья жила после Чернобыля, тоже физически трудиться надо было всем, дети в семье имели обязанности: в магазин сходить, картошку почистить и т.д. Когда мама заболела, то последние годы жила в квартире брата. Девочки любили бабушку, ухаживали за ней: помыть, переодеть, накормить. Давно уже обеих бабушек нет на этом свете, брат с женой — пенсионеры, у девчат растут два парня, но до чего же вся семья дружная, я не нарадуюсь! И в праздник, и в горе все вместе. И внуки такими же растут. Каждый день все звонят друг другу или встречаются за одним столом. А когда случилось несчастье — один из внуков заболел, то все

кинулись помогать... И помогли Тимофею. А теперь этот красавец, под два метра ростом, успешно в университете учится. Да и второй меньший внук Миша преуспел в учёбе, знает английский в совершенстве. И, главное, оба внука любят дедушку и бабушку. Любят и уважают. А ты, Веслав, говоришь «полиция»; соглашался...

Веслав удивлённо посмотрел на меня:

— И хорошо, что я согласился и не стал наказывать дочь за такую мелкую провинность! И хорошо, что с детства дочь стремилась своё мнение отстаивать. И что, в жизни твоего брата и его семьи так всё было бесконфликтно?

— Нет, конечно. Жизнь — не конфетка, и в семье не может быть всё благостно и чинно. Конфликты? Да, бывают. Когда детям хочется поступить, как твоя Мария, с детства отстаивая независимость от родителей, то их место займёт государство со своей заинтересованностью в роботах безродных... Отсюда свободный секс, обезличивание пола и расы... Дети зависимы от родителей. А как же иначе? Без строгой дисциплины и без авторитета ничего хорошего в семье не будет. Иерархия!

Веслав прижался к обочине, остановил машину и повернулся ко мне:

— Александр? Ты прямо речь держишь как проповедник...

— И в этом ты прав, Веслав! Мои слова формальные, но верные...

Веслав засмеялся:

— Вот в этом и есть наша проблема, Александр...

— В этом? В чём?

— В том, что мы пытаемся строить взаимоотношения со своими детьми, опираясь на своё понимание жизни, на свою правду...

И меня словно осенило: истинно так! О, как Веслав прав! Птицы не учат птенцов летать, те просто однажды вываливаются из гнезда, расправляют крылья и неуверенно планируют к земле. Возможно, какой-то птенец разобьётся насмерть, но наступает время — обновлённая птичья стая взлетает в небо... Закон биологический! У человека по-другому, нужно помогать своим детям «вставать на крыло»... Хотя мы, люди, и много ещё чем можем помочь своим детям! Но не мешать им надо в главном: иметь своё собственное мнение и делать свой выбор в этом непростом мире.

В аэропорт меня отвозила на машине Мария, дочь Веслава. В пути разговорились. Мария рассказала мне, что, когда в подростковые годы отец ругал её за неправильные с его точки зрения поступки, она обезоруживала его улыбкой и одной фразой: «Я тоже люблю тебя, папа!»

В любви вся правда и сила. Как бы моё утверждение не звучало банально, но ведь это правда, правда... И с этим не поспоришь.

18.04.18, Вена

«НЕ ВІДЛІТАЙ...»

(воспоминания о поэтессе Галине Калюжной)

В 2004 году, осенью, я стоял на Крещатике в ожидании встречи с Галиной Калюжной, ещё не знакомой мне. Возможно, прославленный композитор и исполнитель Павло Дворский предложил мне встретиться с Галиной Михайловной. Или Мария Свистунова, в то время продюсер Павла Ананьевича. Помню, что мы с поэтессой прогуливались в парке, под крутояром, на осеннем солнце светились воды Днепра, в закатном багрянце полыхали деревья... Было радостно, прочувствованно. Галина Михайловна читала мне стихи из своей книги «Забута икона», а я подарил ей свою первую книгу морской лирики.

...Прошли годы. Как-то вечером звякнул айфон. Послание пришло от Татьяны Михалёвой, редактора киевского издательства «Наукова думка». Татьяна училась в школе у Галины Калюжной, безвременно ушедшей тому несколько лет в мир иной. Сообщалось, что друзья, коллеги, поэты, бывшие ученики готовят книгу воспоминаний о Галине Михайловне. И на меня нахлынуло: прошло уж без малого почти пятнадцать лет с той первой беседы с поэтессой, а кажется, что это было вчера. Тогда, прощаясь, Галина Михайловна подарила мне ангелочка, и этот её подарок долгое время согревал меня в скитаниях по белому свету... И сейчас ангелочек стоит у меня на прикроватной тумбочке, там же и книга «Забытая икона».

И потом, когда я приезжал в Киев, мы садились в какой-нибудь кафешке, пили чай, говорили о жизни, о поэзии, о песнях. Регулярно общались по телефону: Галина Михайловна читала мне свои новые стихи и всякий раз просила в замечаниях не стесняться. Теперь думается, что, скорее всего, мне были нужны её советы.

В 2005 году ушёл из жизни муж Галины Михайловны, известный поэт Олег Орач, и поэтесса, очень тяжело переживала утрату, писала стихи — приношения любимому человеку. А у меня в том же году умерла моя мама в Долочье на Хмельниччине, и эта вереница утрат ещё больше сблизила нас. Я в долгих морских странствованиях отлучился от Украины, и мне было важно возвращаться домой, слышать украинскую речь, ощущать связь с родиной; в стихах стала превалировать украинская тема, ведь редко тогда приезжал я в своё Долочье. Однако же возвратился, стал бывать в Киеве и в селе по несколько раз в году:

Я вернувся, вернувсь в рідний дім –
Щастя й радість у серці моїм.

Однажды я читал ей по телефону новое стихотворение, посвящённое маме воспоминание, как она ждала моих приездов из одесской мореходки, ждала и как-то вычисляла, в каком автобусе я окажусь. Мимо проходит трасса Острог-Кременец. Выходишь, бывало, из автобуса, а на остановке уже стоит мама и тихо улыбается. Мне представлялось, как она высматривает меня утром, когда в воздухе ещё холодок и дымка. И были такие строки:

Мать с надеждой у порога
Смотрит в сумрачную даль.

Галина Михайловна, дослушав до конца стихотворение, очень мягко сказала: «Нехорошо, Александр Ива-

нович... Не нужно маме смотреть в сумрачную даль...» И после этого строка заиграла: «...Смотрит в утреннюю даль».

Тоска об Олеге Ораче выливалась у Галины Калюжной в такие лирически-пронзительные строки, что невозможно было без сердечного трепета читать их:

Не відлітай, бо залишаюсь я,
Ми ще удвох не налітались вволю,
Ще пахне літним дождиком земля,
Цвіте любисток на любов и долю.
Не відлітай, почуй мои слова...

Не відлітай, не відлюбили ми...

И песню невозможно без «щему» в сердце слушать, когда она звучат в исполнении Павла Дворского.

Меня так поразило это лирическое стихотворение Галины Михайловны, что я перевёл его на русский язык, и песню-монолог осиротевшей любви запели в Москве.

Спустя шесть лет Галина Михайловна, видимо, поспешила свидеться с любимым мужем, ушла молодой и полной творческих сил. Через какое-то время я опять вернулся к теме прощания поэтессы в стихах со своим мужем, и уже в моём стихотворение героиня обращается к ушедшему навсегда другу. Может быть, эти строки мне приснились? Или были надиктованы самой Галиной Михайловной с Небес? Или так судьбе было угодно, чтобы я дописал за неё какие-то слова?

Оберегом твоим
Стану,
Для тебя покорю
Горы.
Излечу без лекарств

Раны.
Отведу от тебя
Горе.

Стихотворение было посвящено памяти Галины Калюжной и стало песней. В Москве музыку написал композитор Сергей Светлов. А певица и композитор из Киева Светлана Потера написала песню на свой же перевод на украинский язык.

Мне очень нравилось мастерство Галины Михайловны передавать настроение в стихах, и я много переводил их на русский язык, они публиковались в моих книгах и в литературных альманахах:

И радость, и стыдобушка,
И сладость... ой... ой... ой!
На острове, на солнышке,
На холмике с тобой.

И мы одни на веточке,
На веточке одни.
Томленье в каждой клеточке,
Ой, только не спугни...

И Галина Михайловна переводила мои стихи на украинский язык. Романс «Спогад» (музыка и исполнение Павла Дворского) до сих пор звучит с эстрады в переводе Галины Калюжной:

Я згадую потяг, вечірнє купе,
Там наша любов починалась.
Там був разом з нами чарівний Шопен,
І музика в серці звучала...

Не могу не рассказать одну замечательную историю. В 2009 году мы отправились на автобусе из Киева

на Хмельниччину, чтобы принять участие в церемонии закладки камня на месте строительства церкви в моём родном Долочье. Мы — это группа украинских артистов, общественных деятелей, поэтов. Из Москвы прибыл в Киев прославленный диктор ЦТ Виктор Балашов и присоединился к нашей делегации. Дорога долгая, около шести часов пути, поэтому пару раз останавливались выпить чаю и перекусить в придорожных кафе. Галина Михайловна не притрагивалась ни к еде, ни к напиткам. Она прогуливалась возле автобуса, смотрела в небо, на деревья, на цветы и что-тот шептала. А потом, после закладки камня и молебна, вечером на концерте в сельском клубе вышла на сцену и прочитала по памяти написанное в дороге стихотворение «Блаженство» (по случаю закладки строительства церкви апостола Луки в селе Долочье Хмельницькой області 30.10. 2009):

Яке блаженство — сотворяти Храм,
Красу ліпити з космосу і глини
І знати, що у світі — не єдиний
Ти молишся вознесеним богам!

Яке блаженство — йти під образи,
Ввіходить у високе, мов купелю,
І знати, що під чашею містерій
Ти справді і очистився, й прозрів!

Яке блаженство — голову схилить
І преклонить коліна і долоні
І знать, що в сокровенному полоні
Ти можеш бути вічним вічну мить!

Яке блаженство — музику відчуть
Рясним дощем з небесного амвону
І знати, що з небес стосилі дзвони
Потоками могутніми течуть!

Яке блажество — вірити в Христа
І довіряти голосу Любові,
І знати, що в евангельскому Слові
Твое Призначення, і Щастя, і мета!

В последней год, когда Галина Михайловна находилась в больнице, я посвятил ей стихотворение, в котором были такие слова, сказанные от имени друзей поэтессы:

А нам лететь, ещё лететь,
К звезде далёкой на пути мы.
Уйдёт метелей круговерть –
Вы Божьей милостью хранимы.
И песни юности вам петь,
И подпевать вам будут птицы,
Огнём поэзии гореть
И озарять вновь песней лица...

К сожалению, её полёт был прерван так незаслуженно и так рано. Остались стихи. Остались песни. Осталась память о талантливой, яркой личности. Старанием друзей и родных вышел в свет последний сборник стихов «Літо метелика», в который включили стихотворение «Блаженство».

Вспоминая Галину Калюжную, испытываю счастье и радость от того, что повезло в жизни встретиться с поэтессой редкостного дара, её дух был наполнен любовью к ближнему, к близкому человеку и к человечеству; эта её преданность в дружбе и искренность в поэзии были настояны на глубинной украинской культуре и народных традициях.

Предо мной книга «Забута икона»... Мне иногда кажется, что с фотографии древней иконы на обложке смотрит всё понимающим взором мой друг, творческая сестра Галина Михайловна Калюжная.

Я слушаю её песни и стихи, представляя, как где-то там, в нашем одном для всех доме, на Небесах, поэтическая пара Галина Калюжная и Олег Орач смотрят друг другу в глаза и слышат из Киева доносящиеся до них песенные земные слова Галины Михайловны о вечной любви: «Не відлітай, не відлюбили ми...»

12.06.2018, Киев

МИШКА

Очень нравится пацанёнок Мишка, шести лет, внук дачного соседа. На каникулы к дедушке приехал аж из Португалии! Родители не так давно «ввинтились» туда, паспортами европейскими обзавелись. И Миша — европеец. И старшая сестра Лиза двенадцати лет — тоже, но уже имеет «мнение» на жизнь заграничную.

— Вырастишь, Лизунчик, за португальца, наверное, замуж выйдешь? — подшучивает дед Абрам.

— Я — патриотка! Вырасту и в Россию вернусь! И за русского выйду замуж!

А Мишка так далеко, как сестра, не загадывает. Словно губка, он впитывает в себя окружающий мир, кажущийся ему округлым и бесконечным по этой причине. Очень добрый и сговорчивый мальчик. И что бы в руках Мишка не держал, он легко отдаст, если попросить у него.

— Бабуля, дай мне чего-нибудь вкусненького, — просит Мишка у бабы Лиды.

— Что же тебе дать, мой сладенький? Пойдём на кухню, я тебе бутерброд сделаю, — предлагает бабушка.

Радостно и по-взрослому всплеснув руками, Мишка бежит за бабушкой. Спустя несколько минут он возвращается, держа в каждой руке по маленькому бутерброду с маслом и сыром. Усаживается чинно за стол на веранде и с удовольствием кушает, посматривая по сторонам и всё замечая.

— Я тоже хочу кушать! — тоскливо произносит дед Абрам.

Внук тут же протягивает ему бутерброд:

— Свой отдам. Бери, дедушка! Бери — их два у меня.

И лицо у Мишки особенное — живое, может, даже животворное. На нём все эмоции: радость, огорчение, удивление, восхищение... Маленький артист! Непроизвольно играет какую-то роль, хотя вряд ли играет, скорее всего, он просто родился таким артистичным. Видя, что на него обращают внимание, ещё больше старается — что-то рассказывает, гримасничает по поводу и без повода и... никогда не капризничает. Если взрослые перестают обращать внимание, заняты беседой, Мишка тут же переключается на что-нибудь своё, а то задумается: у него где-то там, внутри, есть своя жизнь, свои мысли; он что-то прикидывает, решает...

— Миша, ты дедушку любишь? — спрашивает дед Абрам.

— Да! Люблю! — подбегает и целует деда в щёку.

Иногда его вопросы удивляют своей неожиданностью:

— Дедушка, ты этот дом для меня построил? Да?

— И для тебя, и для Лизы, и для Моти, и для Ани, — перечисляет всех внуков дед.

Мотя — сводный брат Мишки, от раннего брака Кости, а Аня — двоюродная сестра, отец её Женя — младший сын деда Абрама, высокий и красивый. Аня лицом в отца пошла, а своей музыкальностью уже и не определить — в кого? Может, в маму Марину, русскую гречанку? Аня на флейте играет, поёт, танцует... Красивая девушка тринадцати лет. Все дружны, видимо, поэтому Мишка с радостью забирается к деду Абраму на коленки, заявляя:

— Хорошо! Вместе все будем жить!

Я дружу с Мишей. Когда прихожу в гости на веранду, он по-взрослому со мной здоровается за руку. Мы обни-

маемся. И называет он меня Александр Иванович. И его иногда по отчеству величаю.

— Как настроение, Михаил Константинович? Где был? — спрашиваю я Мишку вечером, после его возвращения с прогулки с мамой Машей и Лизой.

— А мы были на детской площадке... А знаете... — Миша начинает мне рассказывать о своём каком-то маленьком приключении.

Я его слушаю внимательно, уточняя детали.

Скоро Мишка улетит в Португалию вместе с мамой, сестрой Лизой и пучеглазой собачонкой по имени Бэтмен. Собачка чем-то напоминает не знаменитого киногероя, а летучую мышь с подрезанными крыльями. Тихо шелестит и шелестит у стола. Мой друг улетит, а мне останется фотография, на которой мы с ним в обнимку. Здесь особенно Мишка хорош: пытливые тёмно-карие, слегка раскосые глаза; взгляд улыбчивый с хитреньким прищуром! Я опубликовал фотографию на своей странице в фейсбуке, и публикация получила много отзывов. «Какой прищур!» — восторженно написала Ольга, известная оперная певица из Бурятии.

Артистка распознала артиста! Очень хотелось бы сфотографироваться с Мишкой этак лет через двадцать. Но так далеко, к сожалению, загадывать мне не приходится.

Рамушкин бор Петра Редькина

В моём книжном шкафу, за стеклянной дверцей выстроились в ряд книги друзей-литераторов. На отдельной полке книги Петра Редькина, и все — авторские экземпляры с дарственными надписями. Историк, публицист, драматург, прозаик и... поэт! Любовная и философская лирика! Не раз бывал я на творческих вечерах поэта и восторгался романсами, написанными на его стихи. Пели его друзья, композиторы Владимир Тверской, Владимир Воронцов, Николай Сахаров и многие неизвестные мне артисты, с которыми я потом подружился. Помнится, как-то на концерте услышал я песню на стихи Петра Редькина, по стилю и исполнению словно народную. И тема народная — о любви и подаренном девушке бирюзовом колечке...

...В колечке страсть закована,
Не вырвется из сил;
Над нами птицы-вороны,
Да мир, что Бог судил.
...Не вспомню, не придумаю:
Мне жаль или не жаль?
Прощу себе мечту мою,
Прощу тебя, мой враль!

(муз. А. Миловидова)

Молодая красотка пела с такой страстью, сверкая чёрными глазами, что я влюбился и в песню, и в певицу. Увы! встретиться с ней не удалось...

Случай или поэт виноват? Но магия слова имеет свойство длиться! По душе пришлась мне ранняя проза Редькина Петра. Предо мной книжица — «В Рамушкином Бору (старинная бывальщина)», М., 1993. Читал я и перечитывал повесть несколько раз. Незамысловатый сюжет из жизни русской деревни в Мордовии, время дореволюционное. Редькин-то сам выходец из Сибири. Родился на опушке бескрайней тайги, которая от реки Томь тянется аж до берегов дальневосточных морей... Писатель знает и любит сибирскую природу, уклад жизни деревенских людей, которые испокон веков живут своим трудом; возможно, он рассказал о своём детстве, хотя перенёс почему-то своих героев в мордовские леса. Кто знает почему? А что, если его далёкие предки жили когда-то в Рамушкином Бору? Герои повести — дед Парамон, баба Марфа, барин Рамушкин, барынька — придуманные ли герои или настоящие далёкие родственники автора? А пацаны Мотя и Ганька с верным пёсиком Волчком? Возможно, в том же Моте дотошный читатель угадает черты Пети Редькина лет этак шести-семи?! Смышлёные и не по возрасту рассудительные ребята — Мотя и Ганька... Каждый летний день приносит что-то новое, ведь рядом с селом большой и непознанный мир: стена соснового бора, а дальше и река, и пойма с озёрами! Я читаю и словно слышу их голоса, звонкие и чистые, короткие фразы — точные и ясные, слова ядрёные, некоторые из них мне и вовсе неизвестные, и я заглядываю в словарь Даля, чтобы насладиться их смыслом и значением. А сколько удивления и восторга в детских разговорах, даже страха ребячьего — ведь рядом огромный лесной мир... всякое может случиться. И случается: на острове посреди Чёрного озера ребята набрели на разбойничью пещеру с ещё тёплым чайником и пропавшим одеялом бабы Марфы.

Но у пацанов с собой старое ружьишко... Вот как описывает автор поход ребят на кордон:

«Баба Марфа кружилась возле скота, никого в доме не было. Мотя... перекинул тятькину “тулку” через плечо, и братья пустились в дальний путь.

Сосняк зеленел с вороньим отливом, золотая и красная листва кустарников и разнотравья окаймляла его снизу, подкатываясь к голубой краюшке неба. Гомон птичьей молоди переполнял Рамушкин Бор. Это была предотлётная радость: в тёплые края, на тёплые заводи, за моря, невозможно помыслить, куда они собрались.

Солнышко согревало затылок, и Мотя с Ганькой шли и шли на Чёрное озеро».

Я читаю эти строчки и вслед за Мотей и Ганькой отправляюсь на кордон, всматриваясь в окружающий мир, мир такой знакомо-незнакомый... Лето подходит к концу, впереди учёба в школе, впереди вся жизнь и... новые приключения.

Вот такая старинная бывальщина. А вот и современная — на пороге сам Редькин, пришёл и чуть всё не испортил: сказал в своей угрюмой манере, что Рамушкин Бор уже не тот и всё не так. Чувствуя моё изумление, тихо произнёс: «Зато сибирская тайга — вечнозелёная. Мой дед Матвей там похоронен».

10.09.18, Москва

МОИ ДОРОГИЕ ЯПОНЦЫ...

1. Морская форма с галунами…

Есть много увлекательного в морской профессии, но есть и суровые будни. Главное — она даёт возможность встречи с людьми из неведомых стран, культур и мироздаций, так представлялось и мне, выросшему в украинском селе, что было чуть больше хутора. Мог ли я с детства полюбить море, невиданное никогда, но столь желанное?! Меня особенно увлекали морские приключения, а потом, что немаловажно, в село стал приезжать на каникулы Серёжа Соколюк, курсант Рижского мореходного училища... Было это в дни учёбы, когда дни отрочества отшумели, настала юность, но что ей могла дать Кунивская средняя школа?!

О, эта морская форма!
Морская форма с галунами
И золотых нашивок блеск...

Завистливые взгляды сельских ребят сопровождали нашего земляка Сергея повсюду: на улице, на танцах, на речке летом. И я был среди тех, кто тайно завидовал и мечтал, мечтал, мечтал... О сельских девчонках и говорить нечего! Они так и вились вокруг моряка. В присутствии Сергея нам, простым пацанам, ничего не светило.

Мечта! Она сопровождает тебя повсюду и неуклонно ведёт к намеченной цели. После выпускного вечера — в

ближайшую одесскую мореходку, но... судьба преподала урок: не пойму, как и почему загулял с ребятнёй из шахтёрского городка, прозевал экзамен, пришлось вместе с шахтёрами махнуть на Донбасс! Что возьмёшь, компанейский парень, но в поезде одумался и поехал к дяде-шахтостроителю, в Красноармейск. Дядя Роман Лищенко меня, семнадцати лет паренька, без знаний строительного дела, принял в свою бригаду арматурщиков-бетонщиков. Вязали арматурные конструкции, устанавливали их и заливали бетоном. Строили Краснолиманскую обогатительную фабрику. Я приобрёл сноровку, ловко набрасывал мягкую проволочку на стальную арматуру и пассатижами аккуратно скручивал её, скрепляя конструкцию. А бетон бросать — умения особенного не нужно было: бери лопатой побольше и бросай почаще. Силой меня Бог не обидел, и я делал работу споро и с удовольствием. Не забуду бригадира Слачека: с виду похож на невысокого подростка, а ума и такта у него было премного... Уважали Слачека рабочие. Он заочно учился в институте, умел выбивать для бригады хорошую работу и наряды, умел закрывать их с пользой для нас всех; по тем временам мы имели приличный заработок. Так как Слачек за моё старание и сноровку добился присвоения мне пятого рабочего разряда, уже через два месяца я получал такую же зарплату, как и мой дядя! Всё шло хорошо. Шахтёрский посёлок Доброполье, товарищи из бригады Слачека, сам Слачек — до сих пор в памяти моей, и вспоминаю год работы в шахтостроительной бригаде — как светлую страницу житья-бытья на очень важном этапе.

Мог ли я поступить в строительный институт? Запросто, даже без характеристики Слачека. Но морская мечта звала и звала меня, точила и пилила вдоль и поперёк; я повторял школьную программу, после работы — ни к коем случае на танцы, вечером и по выходным я штудировал свой спецкурс и победил его,

поступил в одесскую мореходку на отделение судоводителей — капитанов. Годы учёбы и занятия спортом в мореходке пропущу; пропущу танцплощадку в парке им. Т. Г. Шевченко, практику на судах Черноморского пароходства и на знаменитом учебном пароходе «Экватор». Эти события достойны отдельного рассказа. И вот позади выпускные экзамены, вызов на заседание государственной комиссии по распределению... и как обухом по голове: меня — в Сахалинское морское пароходство! А так хотелось остаться на Чёрном море, возвращаться из рейсов в любимую Одессу! В Одессе оставались те, кто имел прописку, — «женатики», как мы их называли, независимые от результата выпускных государственных экзаменов. У моего дружка из Москвы Мишки Свирского — золотой балл и у меня — рядом, так мы сошлись с ним и вместе выслушали приказ — на Сахалин, и... после положенного учебного отпуска мы с Мишкой отправились к месту первой в нашей жизни морской службы; сначала поездом до Хабаровска, потом самолётом в Южно-Сахалинск. Почти неделя в плацкартном вагоне; влюбился в студентку из Улан-Удэ, чуть не женился... Затем была служба матросом, помощником капитана, капитаном на судах пароходства.... Боже, как я был рад, что Судьба подарила мне возможность жить и работать на Сахалине, посещать Камчатку, Магадан, Курильские острова. Никогда, никогда я не жалел, что оказался в этом достаточно суровом, но очень интересном крае! А потом была вожделенная «загранка» — рейсы в Японию. И я влюбился... в страну, в людей, в культуру, да что там говорить — Япония стала «второй» после Одессы любовью на всю жизнь! Смолоду встречался и дружил со многими японцами. И пусть я уже давно не бывал в Японии, но память о моих друзьях осталась навек. Со многими из них я продолжал дружить и после того, как закончил морскую карьеру и перешёл на работу

в управление пароходства, и когда уехал в Москву. И сейчас дружим, по крайней мере, не теряемся из виду.

Как позабудешь хотя бы некоторых из моих японских друзей? Их роль в моей судьбе мог бы сравнить с ролью бригадира Слачека — как не рассказать о них моим читателям и не выразить восхищение им за то, что они были в моей судьбе, да и сейчас есть те, кто не покинул эту грешную землю.

2. Бизнесмен, политик, друг

Лет шесть тому назад в нашем московском офисе раздался телефонный звонок. Сердце ёкнуло! С первых слов я узнал голос моего старинного японского приятеля Котаро Тачибаны. В молодости, когда я был грузовым помощником капитана на теплоходе «Киренск», Тачибана-сан работал менеджером в отцовской стивидорной компании «Фусики Кайрику», и мне приходилось часто с ним встречаться по вопросам выгрузки круглого леса в порту Фусики, погрузки на судно труб большого диаметра и разных генеральных грузов. Тогда Советский Союз строил газопровод «Дружба»; из Японии мы доставляли разные товары в обмен на поставку угля, леса.

— Тачибана-сан, — ответил я другу по-английски после первых слов взаимных приветствий. — Где вы?

— В Москве...

Лет пять я не виделся с ним. И вот он почти рядом. Договорились вместе поужинать. Сразу всё вспомнилось. Когда я был назначен капитаном судна, наши встречи стали более частыми; вскоре господин Тачибана сменил отца на посту президента стивидорной компании «Фусики Кайрику». Отца избрали членом парламента. Мы встречались в капитанской каюте, в офисе фирмы или в японских ресторанчиках с популярным в те времена караоке, я всегда брал с собой одного-двух помощников, а после, в

перестроечные годы это правило перестало работать, поэтому в наших встречах стало больше открытости и душевности: японцы выходили к микрофону и пели наши песни («Катюша», «Огонёк», «Тройка», «Подмосковные вечера» и другие). Но о делах не говорили — для этого были всё-таки служебные переговоры. Я знал, что за глаза японцы называют меня капитан «Да»! Чего греха таить, при погрузке часто возникают различные рабочие вопросы, порой перерастают в проблемы, бывают и споры: что грузить, что не грузить на судно? И как располагать груз — в трюмах или на палубе судна? Помнится, господин Тачибана, уже будучи президентом фирмы, появился в моей каюте в сопровождении своих помощников.

— Господин капитан, нам очень нужно отправить в этом рейсе трубы, которые боятся морской воды. Но...

Я напрягся — нет ли тут какого-то подвоха. Иначе вопрос решился бы легко на уровне японского бригадира стивидоров и грузового помощника. После паузы господин Тачибана продолжил, виновато улыбаясь:

— Но через грузовые люки в трюм не загрузить трубы из-за их длины, а на палубе нельзя перевозить, согласно технологии.

— Чтобы не подмочить морской водой?

— Очень деликатный и дорогостоящий груз. Да и на крышках люков по плану погрузки будут располагаться бочки с химией. Что будем делать?

— Давайте подумаем вместе, как решить эту задачу, — ответил я по своему обыкновению.

Трубы окутали водонепроницаемой плёнкой и погрузили поверх бочек с химикатами, стоящих на крышках люков. Конечно, без соответствующих расчётов и согласований (как и без взаимного доверия) вряд ли бы решились. Таких контактов в нашей совместной работе было много, особенно число их возросло после того, как я из капитана превратился в начальника коммерческого управления пароходства.

Впоследствии Тачибана-сан ушёл с поста президента фирмы, по стопам отца избрался в парламент, где курировал межпарламентские связи Японии и России целых два созыва.

И вот в Москве вечером мы ужинаем с Котаро Тачибана в ресторане «Дома актёра», в отдельном зале, где, кроме нас с ним, никого больше не видать. Вспомнили молодость, затем — старость: отец моего друга умер в возрасте под сто лет, но Котаро надеялся перейти столетний рубеж. Водку и вино не пил в интересах здоровья. Даже отказался от рисовой водки (саке), заблаговременно купленной мной в японском магазине. Пил чай с ликёром полынного вкуса, с большим трудом отысканным где-то официантом. Говорили о российско-японских отношениях. Мой друг приехал для участия в Международном бизнес-форуме, будучи уже почётным президентом фирмы. Я радовался судьбе сотрудников фирмы, которых лично знал: почти все из них оказались при деле.

Мой друг Котаро Тачибана ещё раз приезжал в Россию и опять звонил мне, да вот вступила в дело наша судьба: я оказался за границей. Вернулся и позвонил ему, услышал незнакомый молодой голос. Вежливо попросил соединить меня с Тачибаной-саном! Последовала пауза, потом мне тихо ответили:

— Извините, это невозможно.

— Почему?

— Он умер.

Такая судьба, говорят в России. Котаро Тачибана не дожил совсем немного до восьмидесяти лет, не выполнив обещания перешагнуть столетний рубеж. Это было единственное обещание в наших отношениях, которое мой друг из Японии не выполнил. Судьба! Нет, она не играла с ним. Царство твоё — небесное, Тачибана-сан, достойный сын своего народа!

3. Сердце, скреплённое любовью

В разгар «перестройки» все кинулись создавать совместные предприятия с иностранным капиталом. Инвестиции, новые технологии, иностранный рынок... Помнится, мы с президентом Сахалинского пароходства Михаилом Романовским даже образцы торфа, гранита и песка возили в Японию, хотели заинтересовать японские фирмы заняться совместным бизнесом. Правда, основной нашей целью был поиск грузовой базы для наших морских судов. Узнали, что в Сибири, в Иркутской области, создано первое совместное советско-японское предприятие по производству пиломатериалов, и намеревались туда отправиться, чтобы на месте пощупать и понюхать, что это такое. Но японцы пришли к нам сами и предложили сотрудничество с этим предприятием, которое называлось СП «Игирма-Тайрику». В течение нескольких месяцев японская фирма «Тайрику Трейдинг Лтд.» направляла нам запросы на предмет доставки пиломатериалов из порта Ванино в разные японские порты. Эти запросы ложились на мой стол, и я всегда давал подробные ответы, предлагая своё видение организации перевозок. В частности, я предложил закрепить за СП два судна, с регулярными отходами из порта Ванино. От японской фирмы требовалось обеспечить концентрацию судовой партии древесины к приходу судна в порт. Непростой вопрос по тем временам, с учётом огромного расстояния между СП в Сибири и портом Ванино. Нужно было согласовать работу с железной дорогой. Наконец в пароходство прибыл представитель фирмы Йода-сан! Заходит в мой кабинет улыбающийся японец средних лет и говорит по-русски безо всякого акцента:

— Здравствуйте! Вы помните меня?

Ба! Как же не вспомнить! Давно это было, но не забылось. Судно швартовалось в Иокогаме. Я находился на баке (штатном месте третьего штурмана во время

швартовки). Подходим к причалу, бросаем выброску, а швартовной береговой команды, чтобы принять трос, нет. Ничего себе! Правда, стоит один человечек в белой каске и безразлично смотрит на валяющуюся выброску на причале. Я возьми и попроси его, с улыбкой на лице, помочь, показывая жестами, что надо тянуть судовой трос на берег, но при этом не стеснял себя в выражениях по-русски:

— Эй, ты! Хрен собачий, что стоишь руки в боки! Хватай выброску и тяни трос!

А в ответ тоже крепкое выражение и предложение:

— Тебе надо, прыгай на причал и тащи сам!

Это и был Йода, сахалинский кореец с японскими корнями, уехавший в своё время на родину предков. И вот теперь, спустя годы, он в моём кабинете. Обнялись и чуть ли не расцеловались. Быстро обсудили предложение японской стороны, согласовали основные условия и пошли к президенту Михаилу Романовскому. Проект был утверждён. Йода передал личное послание господина Ивата, президента японской фирмы «Тайрику Трэйдинг», в то время активного партнёра советских внешнеторговых организаций. Всё у нас получилось. Два сахалинских судна были выкрашены в бордовый цвет, на бортах написали белыми буквами SASCO — IGIRMA-TAIRIKU; суда работали как часы, регулярно, в зафиксированную дату, принимая груз и отправляясь в Японию. Дальше-больше: было учреждено многоотраслевое совместное предприятие «Сахалин-Тайрику», где пароходство и японская фирма были главными учредителями. В парковой зоне Южно-Сахалинска была построена первая на Дальнем Востоке гостиница «Санта» с участием японского капитала. Эта гостиница до сих пор является одной из лучших в дальневосточном регионе, но, к сожалению, новые хозяева пароходства продали её в 2018 году! А жаль! Одни создавали — другие растранжирили. Собственно, и от пароходства осталось не более

четвёртой части того, что когда-то составляло гордость Сахалина, да и в Министерстве морского флота пароходство было на хорошем счету в своё время. Грянула ваучерная приватизация, поменялись хозяева, руководство пароходства, да что там говорить!? Всё поменялось: страна, люди, отношения между людьми, отношения с партнёрами стали куда сложнее, чем раньше: японскую фирму вытеснили из бизнеса, да и сам совместный бизнес приказал долго жить, но красавица-гостиница «Санта» стоит себе в парковой зоне и стоит. И неважно, что она принадлежит уже другим хозяевам, главное, что она есть и пользуется успехом у гостей Сахалина — иностранцев и наших, россиян.

А мне хочется помянуть добрым словом господина Ивата, стоявшего у истоков строительства гостиницы «Санта», так же, как и нескольких других совместных предприятий на территории России. Солдат японской армии, он в конце войны попал в плен, работал в шахте, приобрёл болезнь лёгких, от неё впоследствии и скончался. Но я не знаю другого японца, который относился бы так доброжелательно и с любовью к России, как Ивата-сан. По этому же принципу он принимал молодых людей на работу. Владение русским языком было непременным его условием. Обычно на одну и ту же должность было несколько претендентов, выпускников японских вузов. Заседала комиссия, задавались вопросы. И каждого специалиста Ивата-сан спрашивал, как он относится к Советскому Союзу? А время было очень непростое, у советского посольства в Токио постоянно проходили митинги с требованием возврата Курильских островов. Если оказывалось, что претендент на должность не любит или ненавидит Советский Союз, то рассчитывать на место в фирме он не мог. В чём истоки такой любви к победившей в войне стране и к его народу? Не знаю... Возможно, человек так устроен, что плохое быстро забывается, а хорошее помнится долго и даже значение хоро-

шего преувеличивается? Возможно, это рациональный подход к ведению бизнеса? Хотя вряд ли, ведь притворяться всю жизнь невозможно даже в бизнесе.

Помнится, мы долго обсуждали, в каком месте на Сахалине строить гостиницу. Выбрали ровную поляну на берегу Татарского пролива в Холмском районе недалеко от посёлка Пионеры. В сопровождении своих помощников Ивата-сан лично приехал, чтобы увидеть желаемое место своими глазами. Был осенний день, солнечный и безветренный. Мы стояли на холме, внизу гладь Татарского пролива, на ней наш красавец-паром с высокими бортами следует на Север, а навстречу ему другой такой же направляется в порт Холмск. В пароходстве было десять морских паромов, они работали по расписанию на линии Ванино-Холмск — перевозили грузы в железнодорожных вагонах и пассажиров. Ивата-сан повернулся к президенту пароходства Михаилу Романовскому:

— Романовский-сан, это хорошее место для гостиницы. Но... асфальтовая дорога будет проходить мимо гостиницы?

— Конечно, она уже строится. Дорога свяжет Холмск с Южно-Сахалинском и аэропортом. Деньги на строительство запланированы в бюджете области.

Ивата-сан повернулся к своему заместителю Судзуки и что-то долго обсуждал с ним.

Японцы выделили кредиты совместному предприятию. Сделали проектную документацию, привязанную к выбранному месту. И случился конфуз: внезапно узнаём, что правительство области внесло изменения в строительство дороги и что она пройдёт через перевал, далеко в стороне от будущей гостиницы. Катастрофа! Но не бывает худа без добра. Мэр Южно-Сахалинска, впоследствии губернатор области Игорь Фарахутдинов разрешил построить гостиницу в парковой зоне города! Как было сказать японцам, что потраченные деньги на проект около одного миллиона долларов ушли, как говорится, коту под хвост? К нашей радости и даже удивлению Ивата-сан обрадовался и сказал:

— Миллион долларов ничто по сравнению с теми выгодами, которые нам сулит новое месторасположение гостиницы. Близость аэропорта, город, парк. Думаю, что туристы и бизнесмены будут приезжать в гостиницу.

Чутьё бизнесмена его не подвело.

Прошло время, давно нет на этом свете солдата японской армии, бывшего военнопленного, удачливого бизнесмена, друга Советского Союза и просто хорошего человека Иваты-сана. Но есть гостиница «Санта», в сокращённом названии которой присутствует название острова Сахалин и японской фирмы «Тайрику Трейдинг».

В нашем парке красавица «Санта». Пять скреплённых любовью колец.

Царство тебе небесное, Ивата-сан!

4. Ничто не проходит бесследно…

Дорогая Нина-сан! Не знаю, где она, как она и что с ней сейчас. Но навсегда осталась в моём сердце память об этой немолодой, но красивой женщине. Она отлично говорила по-русски. Часто появлялась на судах под советским флагом, заходящих в порт Цуруга, что на западном побережье острова Хонсю. Мягкая, доброжелательная, тактичная японка. Собственно, эти качества характера свойственны любой японской женщине, но Нина-сан — особый случай. Сколько она сделала для наших моряков, одному богу известно! Мы просто привыкли, что в порту Цуруга нас будет встречать Нину-сан. Будут экскурсии, будет чаепитие с пирогами, будут исполняться русские песни, особенно «Катюша»! И ещё Нина-сан ухитрялась дарить нашим судовым женщинам подарки: кому отрез на платье, кому куклу, кому японские сладости... Пом-

нится, пришла ко мне дневальная Таня и, смущаясь, сказала:

— Александр Иванович, скажите Нине-сан, чтобы не дарила нам подарки. Зачем? Ведь помполит заставляет их сдавать. А Нина-сан зря тратится на нас.

Мне стало стыдно. И правда, о дорогих подарках надо было сообщать в таможенную службу. И Дмитрия Даниловича, помощника капитана по политической части, можно было понять, ведь он строго следовал инструкциям. Но я решил мягко приструнить его, хотя это слово было неприемлемым по отношению к нему. Старый коммунист военных лет, он верой и правдой служил и делал свою работу. Ушёл в прошлое институт помполитов на торговых судах, а чувство осталось двоякое. Конечно, это была ненужная должность с точки зрения здравого смысла, но, с другой стороны (не здравого смысла), многие из них старались всерьёз организовать досуг экипажа. Сколько всякого рода мероприятий Дмитрий Данилович придумал совместно с Ниной-сан! Угощали японскую делегацию на судне, ездили к японцам в гости. В общем, дружили. А Дмитрия Даниловича, пришлось попросить, чтобы иногда закрывал глаза на обмен подарками членов экипажа и японки.

Вспоминается, как мы ездили в деревню, где посетили фабрику по производству рисовой японской бумаги. С какой любовью Нина-сан рассказывала нам, что японцы стараются сохранять старинные ремесла. Бумага была цветной и очень красивой. Я представил себе, как японские поэты писали свои танка на такой бумаге? Вот такое стихотворение, например:

Я соберу и спрячу жемчуг белый,
Что рассыпает шумный водопад:
В минуту грусти
В этом бренном мире
Заменит он потоки светлых слёз.

Или:

Взмахи крыльев –
Будто письмена прощальные
На белых облаках.
О подруге, оставленной в поле,
Тоскует гусь одинокий.

Мне казалось, что особенно красивыми иероглифы выглядят именно на толстой цветной рисовой бумаге, и, главное, запрятанное поэтами в скупых словах, быстрее открывается. А потом — такие чувственные стихи требуют красивого обрамления. «О подруге, оставленной в поле, тоскует гусь одинокий...» Моряки слушали и молчали, ведь всё понятно, слов не нужно.

В другой раз мы были на кустарной фаянсовой фабрике. До сих пор на полке среди книг у меня стоит изящная ваза, подаренная автором, художником из Киото. Нина-сан прокомментировала подарок:

— Очень талантливый парень! Со временем он станет знаменитым!

А бородатый молодой художник, словно понимая, что о нём говорят по-русски, благодарил меня поклоном за принятие его подарка:

— Аригато, Сэнчо-сан! (Спасибо, капитан!)

Потом, в 80-е годы прошлого столетия я пригласил Нину-сан приехать на Сахалин. Мы её встречали как самого дорого гостя, показали сахалинские пейзажи. Помнится, глядя из окна машины на просторы с редкими сёлами, она повернулась ко мне и с грустью произнесла:

— Сколько необработанной земли! А у нас каждый клочок земли на вес золота.

— Оставайтесь, Нина-сан! Я вам подарю свою дачу и пятнадцать соток земли.

— А что? И останусь... — залихватски засмеялась Нина-сан.

А я действительно подарил дачу и землю знакомому, когда навсегда уезжал из Сахалина в Москву.

Бывает, что на меня что-то находит, вероятно, грусть, которой не хочется сказать: «Прощай!» Я открываю старые альбомы и рассматриваю фотографии. И обязательно нахожу на снимках Нину-сан и других японских друзей, всматриваюсь в их лица, повторяя про себя строку из известной песни: «Ничто на земле не проходит бесследно...»

5. Необъяснимая японская душа

Нет, никогда европейскому человеку до конца не понять японца. Другой мир, другие мироощущение, другая культура... Всё не так, как мы привыкли видеть и понимать. Главное прячется во второстепенном, настоящие чувства не выставляются напоказ, молчание многозначительно. В маленьком видно большое: в цветке сакуры, в хризантеме, в шуме камыша, в маленьком облачке на небе, в ветре, прилетевшем с родины... Кажется, что я уже должен привыкнуть к некой особенности японской натуры после многих лет работы и дружбы с японцами, но всегда появлялся повод поражаться неординарным поступкам друга или делового партнёра. Работник судовой агентской компании из Токио Акира Сайто меня однажды удивил.

Было ему лет под сорок, когда мы встретились в первый раз. Мой друг родом из интеллигентной, музыкально и творчески одарённой японской семьи: отец Киоши Сайто — всемирно известный японский художник, долго жил в Париже, где написал немало картин. Его осенние пейзажи отличаются особой поэтичностью....

Институт судовых агентов древний, как и само судоходство. Агент — посредник между судовладельцем и многочисленными местными компаниями, которые об-

служивают судно: организуют выгрузку-погрузку товаров, доставляют продукты питания, свежую воду, бункер, краски, техническое оборудование по заказу капитана судна, организуют лечение заболевших членов экипажа и много всяких других дел... Сайто-сан добросовестно, с японским старанием делал свою работу судового агента. Будучи одним из руководителей пароходства, я приезжал в командировку в Токио и часто встречался с ним, а потом и он стал приезжать на Сахалин, спустя время мы подружились.

Мне казалось, что я всё знаю о своём друге. Ему нравилась работа судового агента, и он посвятил ей свою жизнь, но он был и есть тонкий знаток искусства и истории. Последние годы жизни его отец, художник Киоши Сайто провёл в Токио. Помнится, мы даже обсуждали приезд отца в Москву, но не состоялось, в 1997 году в возрасте девяноста лет художник отошёл в мир иной, и на моего друга свалились заботы о наследстве. Я имею в виду творческое наследие: картины, коллекции фарфоровых и фаянсовых изделий и много чего ещё. В семье были ещё младший брат — менеджер известного автомобильного гиганта и сестра — музыкант.

Нужно было заботиться и о матери. Вся ответственность за творческое наследие отца перешла к Сайто-сану. Какие это огромные ценности, можно только представить! Мне казалось, что мой друг оставит рутинную работу в офисе, будет жить за счёт полученного огромного наследства, но я ошибался. Не тут-то было: он продолжал работать на прежнем месте, только стал чаще ездить в Париж, организовывать выставки работ своего отца. Как-то я спросил его:

— Сайто-сан, вы продаёте картины отца?

— Я не могу этого делать. Картины не принадлежат мне.

— Как? Разве ваша семья не вступила в наследство?

— Да. Вступили. На семейном совете было принято решение, что я являюсь главным распорядителем иму-

щества. Но картины — результат труда моего отца, они ему принадлежат, и я не имею морального права их продавать. Моя обязанность заботиться о картинах, а не торговать ими.

Я был удивлён несказанно. Сколько таких историй происходило в нашей стране и на Западе, когда после смерти известных людей начинался делёж и распродажа наследства. Я знал, что мой друг живёт на небольшую зарплату и что он даже не женат. В горах есть старинный дом, построенный когда-то далёкими предками — самураями, и о нём тоже надо заботиться.

— Но ведь на содержание картин отца требуются деньги? — продолжал интересоваться я.

— Я и брат стараемся это делать за счёт своих собственных средств. Но, к сожалению, их недостаточно на организацию выставок, и мне приходится продавать какие-то мелочи из наследства отца. Придётся избавиться от каких-то вещей, например, от коллекции старинного китайского фарфора.

— Дорогая коллекция?

— Я не думал об этом. Предполагаю, что она стоит больших денег.

— Вот и решение.

Мой друг посмотрел на меня внимательно, помолчал и сказал то, что меня поразило до самих глубин души:

— Коллекция должна принадлежать китайскому народу, и я верну её Китаю. Бесплатно верну. Я не вкладывал свой труд в фарфор и не имею права её продавать!

Что можно было сказать ещё? Необъяснимое устройство японской души. Как мне было приятно узнать моего друга с такой стороны! Это выглядело так необычно и странно в наше практичное и циничное время, что вне религиозных и нравственных чувств невообразимо.

Несколько лет назад, кажется, в 2012 году, я собрался поехать в моё родное украинское село Долочье, где намечалось освящение вновь построенной церкви. Я

позвонил Сайто-сану и пригласил его поехать со мной на Украину, не особо надеясь, что он примет моё приглашение. А он принял. И прилетел в Киев из Токио. И мы, большая делегация моих друзей, киевских поэтов и артистов, отправилась на автобусе и на машинах на мою малую родину. Но, к моему великому сожалению, нам не дали даже выехать из Киева под предлогом карантина в связи с эпидемией птичьего гриппа. В автобусе с нами был один из чиновников, по-моему, просто он хотел перестраховаться, настоял на том, что предписания правительства надо выполнять и ехать нельзя! Однако, освящение церкви всё равно состоялось, хотя и без нас. Его проводил епископ Володимир из Изяславской епархии Украинской канонической православной церкви. До сих пор сожалею, что мой японский друг не увидел это таинство, не побывал на службе в церкви... Впрочем, морально-этический пиетет он подтвердил, совершив такой большой перелёт с Востока на Запад.

Наша дружба с Сайто-саном продолжается, несмотря на огромные расстояния между Москвой и Токио, несмотря на большую разницу во времени. Я не забываю своего японского друга, и изредка мы переговариваемся с ним по телефону. Передал ли он коллекцию фарфора китайскому народу? Не сомневаюсь...

6. О любви на замёрзшей земле….

На стене картина с японским пейзажем — горы в туманной дымке, в небе птица. Это работа президента небольшой японской фирмы господина Ятагава. Фирма торговала с нашими дальневосточными предприятиями; покупали рыбу, лес, уголь; поставляла разного рода технику и оборудование. Началась «перестройка» — и для советских предприятий и организаций наступила свобода. Можно было напрямую, без министерства, всту-

пать в торговые отношения с зарубежными партнёрами. Тогда-то я познакомился с господином Ятагава и его помощником Масами Йонедой. Мы, помнится, покупали бывшую в употреблении строительную технику для строительного управления пароходства и одноразовые шприцы для нашей бассейновой больницы. В тяжёлых случаях через Ятагава-сана направляли на лечение в Японию наших людей. Мне казалось, что большую часть времени японский бизнесмен тратил на организацию лечения представителей своих российских партнёров, он часто делал это безвозмездно. Нам было очень легко общаться, мы понимали друг друга. Как-то я спросил его помощника, владеющего русским языком:

— Йонеда-сан, твой президент врач?

Помолчав немного, тот ответил:

— Мой босс очень сердобольный человек. Большая часть прибыли фирмы уходит на милосердие.

И только потом, когда Ятагава-сан внезапно скончался, я узнал, что он был неизлечимо болен; себе помочь уже не мог, но и не мог отказать в помощи другим нуждающимся.

Вот и на картине — одинокая птица в небе... А мне кажется, что это душа сердобольного японца парит над землёй. Я даже написал стихотворение, и уже несколько вариантов романса существует на эти слова.

Одинокая птица летает,
Словно призрак в заснеженной мгле.
Одинокое сердце мечтало
О любви на замёрзшей земле.

А с Масами мы продолжали сотрудничать и дружить и после смерти его президента. Со временем он сам стал президентом собственной торговой фирмы «Мост Корпорейшн». Название символичное для дружбы между Японией и Россией. Когда я переехал на жительство в

Москву, мы уже меньше общались. Иногда позванивали друг другу. Но лет десять назад встретились с ним в Москве. Йонеда-сан прилетел в столицу по своим делам, нашёл время и для меня. Помнится, мы с певицей и композитором Еленой Спас организовали благотворительный концерт в Захарове, подмосковном музее-заповеднике А.С. Пушкина. Звучал романс «Одинокая птица». Йонеда-сан был со мной на концерте. Я наклонился к нему и тихо сказал: «В память о Ятагава-сане!» Он молча притронулся к моей руке.

Потом случилось несчастье в Японии — трагедия с разрушением атомной станции в Фукусиме. Я знал, что Йонеда-сан иногда выезжал в этот регион по делам. Хотя, возможно, у него там были родственники? И если последнее допущение верно, то он мог сразу же поехать к ним для оказания помощи. Я тогда же позвонил другу на работу, на мобильный телефон, на домашний. Тишина. Первые годы я звонил очень часто, но было ясно, что телефоны заблокированы. Я и сейчас звоню время от времени, надеясь, а вдруг телефон ответит и раздастся спокойный и степенный голос Масами. Нет, никто не отвечает. А на картине в моей московской квартире парит в небе одинокая птица...

07.10. 18, Вена

Живые картинки воспоминаний

(триптих)

1. Самые первые…

Помню, бабушка, радуясь, причитает:

— Ой, тепер будемо жити, на недилю хватыть.

— Сашко, беры, беры йиж, йиж, — ласково говорит мне дедуля, отдирая сосульки с окладистой седой бороды, — от зайчика подарок.

И я хватаю кусочек пахнущего тмином житного. Этот запах вкуснотищи остался на всю жизнь. Никогда не оставляю на столе недоеденный кусочек хлеба. Никогда и нигде не выбрасываю хлеб. Случается, что привожу чёрствую горбушку даже из-за границы. Не выбрасывать же её перед отлётом?! Жена смотрит на мои чудачества снисходительно, а я всё ещё помню: зима и холодно.

Сколько тогда мне было лет — не припомню. Но отчётливо вижу пацанёнка, сидящего на топчане у тёплой стенки... Голодно. Затопили «грубку», так в нашем селе по-украински называли печку-душегрейку. Дедушка Фёдор вошёл в хату с торбой, а в ней — куски хлеба, несколько картофелин, кулёк с пшеном... даже кусочек сала там оказался. Всё это выложили на топчан. Мама и бабушка, раскладывают продукты по кучкам и пересчитывают вслух. Дед принёс добычу с заработков, несколько дней ходил по сёлам и предлагал свою помощь по хозяйству... Какая работа? А разная: дров нарубить, навоз в поле вывезти, скотину покормить... После войны это было, голод — везде, а за речкой Вилией жили получше...

* * *

Ранняя осень. Пригревает тёплое солнышко. Взрослые убирают огород: мама Лиза, бабушка Марта, дядя Роман и дедушка Фёдор. Дед тщательно перебирает картофель, отбраковывая битые или поточенные жуком клубни. Рядом в земле выкопанная дедушкой яма, устланная сухой соломой... Подвала у нас нет, а как сохранить картофель? Отобранные клубни складывают в яму, сверху закрывают соломой, ставя высокий сноп стоймя, и засыпают землёй. И вот перед окнами дома — бурт земли с торчащим из него соломенным снопом, естественным каналом вентиляции. В этой самой яме наше спасение от голодной зимы. В морозный ясный день потом приходит чувство праздника: дедушка раскапывает яму, выбирает оттуда клубни, а дядя Рома быстро переносит их в хату, где бабушка с мамой опять перебирают и отбраковывают подгнившие... А после картошка хранится в прохладной кладовке в мешках. Картошка, наверное, единственное блюдо в нашей семье, да и в селе тоже. Жареная, варёная, печёная... А я её очень любил, до сих пор люблю, особенно толчёную, смешанную с холодной квашеной капустой да приправленную подсолнечным пахучим маслом — «олией», как у нас в селе называли его, вспоминая язык древних славян.

* * *

Воспоминание о первой книге? Оно не забывается. Сколько же мне было лет? Как тот Иванушка-дурачок из сказки — зиму я отсиживался на печке. Мал был, обувки никакой, а пол глиняный, холодный. С печки по нужде — на ржавое ведро в углу. А на печке тепло, я так сидел там и сидел, посматривая в заснеженное поле за окном, а за ним — лес, дававший летом грибы, орехи, ягоду, особенно

пахучую землянику — «суныци». Мать с утра собирала ягоду, ухитрялась поехать на попутке на базар в Острог, продать и купить пару «кирпичей» кислого хлеба. «Вот был бы твой батько, разве так бы жили?» — жалела меня баба Марта. Но беда — сгинул он на войне.

А ещё лес давал дрова! Дядя Роман и дедушка Фёдор приносили по вязанке хвороста на своих плечах, иногда попадалось и бревно. Дядя Роман ставил в лесу силки на зайцев, но то было зимой, когда я сидел на печке. Под вечер ставил, а утром проверял. На лыжах ходил дядя в лес. Даже как-то принёс трёх живых зайцев! С каким восторгом и страхом я смотрел, как зайцы прыгали по комнате...

Это было моё счастье. Многое стёрлось из памяти, а вот ту первую книгу никогда мне не забыть! Не вспоминается её название, да и откуда — я ведь читать не умел. Книгу мне дал подержать в руках племянник бабушки из соседнего села Кунив — Толя Демянчук. Он шёл с братом к нам в гости и книгу принёс, нашёл её по дороге — на лугу. Кто её там бросил или уронил? Бог знает! Но с каким трепетным интересом я рассматривал картинки в книге и буквы под ними. Как мне хотелось, чтобы Толя оставил книгу мне! Но об этом я даже заикнуться не смел. Молчал и ждал чуда. Чуда не случилось. Книгу унесли в Кунив, а я ещё долго вспоминал её и мечтал, что научусь читать и у меня будет своя книга. Канючил маму научить меня читать. Она, видимо, не верила, что в таком малом возрасте что-то пойму, но показала мне буквы, нарисовав на бумаге. А потом и букварь купила мне. И я сам всё освоил и полюбил книги на всю жизнь. Сколько себя помню, столько в руках моих книга. Эта любовь к шелестящим, пахнущим краской белым листам бумаги с чёрными рядками букв начиналась в детстве. Долгой зимой я и читал, и мечтал...

* * *

По осени я с завистью смотрел, как мимо нашей хаты шли дети в школу. В первый класс гордо шли вчерашние мои дружки, ребята постарше меня. Я стал им уже и не ровня, они — школьники! Школа была рядом, за огромными тополями, высотой до неба, стволы в обхват — и десяти мужиков мало. Так мне казалось. Кто их посадил? Когда? Может, по приказу царедворца Георга Рейна? В конце села, на берегу речку Вилии у него до революции был дворец. И начальную школу, конечно, он подарил сельской общине. Деревянная, но так добротно сделанная, что до сих пор стоит, только на крышу шифер новый положили.

Вот мимо меня, грустного, прошёл Гриша Гарьйонив. Даже не посмотрел в мою сторону, хотя я уже мог читать, а он — не умел. Отец его Гарьйон, поэтому Гришку звали так, по имени отца. Меня звали Сашко Лизын. Или — Мартохин «онук», то бишь внук. Бабушка Марта, для всех в селе Мартоха, везде с собой меня таскала, даже в соседнее село брала и большую часть дороги несла на спине. Как это так? Не пойму до сих пор. Неужели я был так мал когда-то?

Всё проходит, и тёплые дни осени сменились холодными и нудными затяжными дождями, а затем и зима подоспела. Боже, как я ждал лета, за которым наступит первое сентября — меня наконец-то примут в школу! Как дождался? Не знаю. В кирзовых сапогах, в чьей-то косоворотке с полотняной торбой для книг и чернильницы я переступил порог первого класса. Почему не уходит из памяти? Первая учительница Галина Иосифовна! Класс с огромными окнами. Тёплая стена печки, покрашенной известью. Да ещё радость от учёбы! Четыре года — это одна стрела, выпущенная кем-то, да ещё и улетела — не заметишь куда. В пятый класс — пешком четыре километра в Кунивскую среднюю школу, маленькую и деревян-

ную, рядом с остовом разбомблённой в войну немцами великолепной каменной школы. Нашу школу в Долочье построил русский немец Рейн, сановник царя, а Кунивскую разбомбил тоже немец — посланец фашистского ирода. Школ прошёл я не меньше трёх, но не забыть мне первую школу и первую учительницу Галину Иосифовну, каждое утро добиравшуюся к нам за четыре километра из села Кунив.

Недавно моя племянница Ирина прислала мне по интернету видеоролик «Долочье с высоты птичьего полёта». Дроном снимали. Осень. Убранные поля. Речка. Школа от Рейна. Материнская хата. На окраине села, рядом с погостом красавица-церковь с голубой крышей, золотые купола отсвечивают на солнце, словно призывая к себе. Мне очень захотелось вернуться в детство, в юность и исправить какие-то свои ошибки.

Приезжая в Долочье, каждый раз останавливаюсь возле своей первой школы и любуюсь ею, постаревшей, но до сих пор красивой своей благородной статью. Она пережила и мецената Рейна, и бомбёжки, и голод, и холод. Возможно, немец Рейн и порадовался бы, видя, что в село пришли телефон и интернет, телевидение и прочие блага цивилизации. А возможно, и опечалился бы, видя, как молодые парни и девушки ищут лучшей доли за границей...

2. Ничего не вернуть и не исправить…

Ничего уже не вернётся, ничего уже не исправить. Почему я не записал рассказы деда Фёдора о его детстве и молодости? Служил в пехоте, принимал участие в Галицийской битве против австро-венгерских войск. В 1914 году, по рассказам деда, когда он ночью стоял на посту, внезапно появился генерал Брусилов со свитой, дед отдал, как положено, честь и отвечал на вопросы командующего фронтом. Какие это были вопросы? Известно, что генерал Брусилов заботился о солдатах, интересовался — обеспечены ли они питанием? Впоследствии он принял революцию, в 1919 году даже вступил в Красную армию, служил при Реввоенсовете. Полководец пользовался уважением у Советов, после смерти в 1924 году был похоронен с почестями на Новодевичьем кладбище. А вот мой дед Фёдор похоронен в 1964 году в селе Долочье, на своей и моей Родине. Как раз я приехал на побывку после Одесского мореходного училища. Помню, дед лежал на кровати, хворал. Я не так часто, как сейчас представляется мне, сидел с больным дедом. Ожидалась поездка на Сахалин, и я в мечтах уже видел себя этаким бравым штурманом на мостике красавца-парохода. Бегал в клуб на танцы, встречался с ребятами, а к деду изредка забегал поговорить, посмотреть на него, на свои черты в нём. Недавно брат рассказал мне, что он хорошо помнит деда, как дедушка, уже болея, подзывал его, пацанёнка, к кровати и пел ему старинные песни. И я помню, что любимой песней дедушки была народная «Когда б имел златые горы...» Хоронили дедушку за несколько дней до моего отъезда на Сахалин. Пройдёт более сорока лет, и я напишу строки-воспоминания об этом зимнем дне моей печали:

Было стылое небо огромно,
Растворялось в безоблачной сини,
И ползли бесконечные дровни,
На ресницах нетающий иней,
И безмолвные чёрные птицы...
Невозможность раскисшей дороги,
И сельчан моих скорбные лица
В единенье с собою и с Богом...

Не забуду я плачущей сини –
Дед в гробу и нетающий иней.

На сельском погосте стоит обелиск-памятник деду. Я запоздало шепчу ему какие-то слова. Рядом лежит бабушка. Чуть поодаль — мама, Елизавета Фёдоровна, смотрит на меня, как мне кажется, с укором. Нет, вряд ли с укором. Она всегда была открытой, справедливой, всегда смотрела на брата и на меня с любовью. Но почему, с какого бы края я не подходил к могилке, взгляд мамы устремлялся в мою сторону? Иллюзия фотографии? Но я сам себя корю за то, что был недорослем с бабушкой, а к деду, к маме — невнимателен... Эх, если бы вернуть всё назад!? Но ничего уже не исправить.

* * *

Я знал, что мой отец Иван Матвеев, уроженец деревни Сутчево из Чувашии, служил пограничником на заставе, что находилась на берегу реки Вилии, за нашим селом Долочье. Вместе с погранотрядом сгинул солдат Иван Матвеев в той мясорубке. Я тайно мечтал, что отец вернётся с фронта. Ведь у моего дружка Бориса Пелыха батько вернулся, вернулся без ноги, ну и что? Он есть — и всё тут! А вдруг и мой где-то за границей мается и тоже мечтает приехать домой и увидеть меня, своего сына? Когда мне было двенадцать лет, к нам приехал в гости младший брат отца — дядя Зиновий, он тогда, после смерти Сталина демобилизовался из армии; приехал посмотреть на меня, племянника, задержался да вдруг женился на моей матери, остался на всю жизнь в селе и в моей жизни. Неординарная личность. Замечательный музыкальный слух, тенор. Как он пел! За это умение душевно петь его любили в нашем селе и во многих окрестных сёлах. И женщины его любили. Как в нём уживалось столько хорошего и ещё сверх «хорошего», что я до сих пор не могу понять. Мог вспылить и накричать. Но мог и последнюю рубаху снять и нуждающемуся отдать. Когда

я уезжал поступать в мореходку, дядя вручил мне свой единственный, почти новый костюм! Хотя зачем мне костюм в мореходке, где курсанты были на полном государственном довольствии?

Ушёл из жизни Зиновий Матвеевич через год после своей жены, моей матери. Жил противоречиво и ушёл в мир иной как-то загадочно... В застолье не раз заявлял, что «старость его дома не застанет». И правда, он исколесил на велосипеде не только нашу Хмельницкую область, но и соседние — Ровенскую, Тернопольскую. После падения социализма что-то покупал, что-то продавал, может, к кому-то в гости ездил. После похорон мамы, стоя у её могилы, вдруг он возьми и скажи:

— Через год Лиза меня к себе заберёт. Похороните меня справа от могилы.

— Тебя в селе не один молодой не догонит! Зачем такое говоришь, Тарасов? — неодобрительно покачал головой его друг Степан.

— Так и будет! Спойте, мужики, над моей могилой песню «Вечер на рейде»!

Примерно через год он зачем-то полез на чердак, когда в хате были гости. Говорят, вспомнил, что луковицы у него там сушатся, поворошить их надо. Свалился с высоты головой вниз на бетонный пол. Как? Почему? Кто мог подумать?

Похоронили Матвеевича во второй половине августовского дня. Помянули. А через девять дней сельские мужики встали у могилы и спели:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море,
И ранней порой мелькнёт за кормой
Знакомый платок голубой.

Как этот эпизод лёг мне на душу! Брат Владимир мне рассказал эту историю. Я часто воображаю себе, как му-

жики из села, далеко не сентиментальные, собрались на кладбище, чтобы исполнить последнюю волю покойного. Представляю, как они пели нестройными голосами. Не раз Зиновий Матвеевич при жизни пел эту песню, да так пел, что все разговоры за столом мигом смолкали. Вижу не повидавших моря ни разу мужиков, нескладно поющих в свете закатного солнца, и думаю, что всегда ли мы справедливы к своим родным и близким, к товарищам своим?

Но ничего нельзя вернуть, ничего нельзя исправить.

3. Брат родился

В память о Матвеевиче ещё досказать хочется: 1956 год, уже не бедствовали, но и денег особых не было, хотя Зиновий Матвеевич получал небольшую пенсию за потерю здоровья в армии. Летом питались с огорода, одежду носили старую, ходили босиком. Да и зачем нам, пацанам, обувь? Разве не радостно по зелёной травке пробежаться к речке, на ходу сбрасывая штаны и рубашку? Место, где любили купаться мы, и девчата, и ребята, называлось Яма на Пильци. Пильце — боковая улица, тянущаяся к речке. И вторая боковая улица называлась Выгон — тоже к реке вела. Что значит слово «Пильце», до сих пор не разгадаю. А Выгон понятен: большой луг, куда выгоняют скотину на пастбище; главная улица от шоссе к реке никак не называлась, но зато условно состояла из двух частей: Песок и Село. На Песке — наша хата. Когда по улице гнали стадо коров, пыль столбом стояла, после дождика по утоптанной скотом дороге было мягко и очень приятно идти, не то что ближе к речке — «на селе», где всегда влажно и грязновато.

Помню, как с пацанами 1-го мая я, впервые после зимы, иду к речке купаться. Мой дружок Боря спрашивает меня:

— Кого ожидаете? Мальчика или девочку?

И я степенно отвечаю:

— Кого Бог пошлёт.

— А ты кого хотел бы?

— Братика, конечно.

Бог послал братика. Мне четырнадцать лет и у меня есть брат! Помню, как я стоял под окнами Кунивской больницы и, стесняясь, ждал и надеялся, а вдруг мама меня увидит?! И мама выглянула в окно и показала мне белый свёрток. Жизнь изменилась. Мама отправлялась в поле на колхозную работу, а мне наказывала смотреть за малышом в люльке. Если брат начинал кричать и требовать соску, то я мог его покормить. Даже обидно было, что надо сидеть дома и присматривать за ним в то время, когда пацаны в волейбол играют либо на речке купаются. Всё изменилось, когда малыш стал ходить и говорить. Через год, когда я возвращался со школы, он выскакивал из-за калитки и бежал мне навстречу. Я отделялся от ребят, подхватывал его на руки и нёс домой. И это было счастье!

Потом у меня родились свои дети — вначале дочь, за ней с разницей в семнадцать лет родился сын. И это тоже было огромное счастье! Оглядываясь назад, я думаю, что мало уделял детям внимания. Когда дочь росла, я в морях был. Сына маленького тоже мало видел, так как много времени проводил на работе, по командировкам мотался. Капитаном семейной жизни стала Людмила, супруга во втором браке. Оставила ради меня Киев, престижную работу врача в клинике академика Амосова, прилетела на Сахалин и делила со мной и радости, и тяготы островной жизни. Там у нас сын родился, и жена трепетно заботилась о нём. Но для мальчика очень нужно отцовское внимание. И сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю, как это важно с самого детства дружить со своими детьми. Понимаю и сожалею, что не всё мне удалось. Но они, сын и дочь, выросли умными и самостоятельными,

честными и ответственными. Получили хорошее образование, состоялись в профессии. А всё-таки я чувствую свою вину перед ними, особенно перед сыном. Эх, если бы время можно было повернуть назад! Но увы...

Тяга к воспоминаниям о прошлом всё сильней и сильней с годами.

И в мечтах я снова еду
В позабытое село,
Чтоб опять увидеть деда
Сквозь промёрзшее стекло.

Скоро-скоро я встречусь с братом Владимиром и его семьёй: невесткой Сашей, их взрослыми дочерями и внуками и... со своим детством в селе Долочье на Хмельниччине.

«Каков поп — таков и приход...»

(частная клиника «Дёблинг», Вена)

Жёлто-бордовая осень подкралась незаметно: вроде бы ещё недавно деревья зеленели, цветы благоухали, земля поливалась и светом, и жаром, но вот уже люди надели куртки и лёгкие пальто, а под ногами шелестит палая листва. А где же бабье лето? «В предгорьях Альп — погода изменчива, но лето всё равно ненадолго вернётся», — улыбается Инна, показывая мою палату. Она — медсестра отделения «Календула» в частной клинике «Дёблинг», что находится в одном из самых зелёных районов Вены. Парки, парки, парки... Ухоженные, чистые, просторные, с аккуратными зелёными газонами... Скульптуры, дорожки грунтовые, каждому дереву или кусту уделяется внимание, словно в детском садике. Воздух чистый, воздух пряный, как в лесу моего деревенского детства на Украине. Вот и Инна — украинка из южного Прикарпатья, она заговорила со мной сперва по-немецки, потом — по-английски, пока не поняла, что я из Москвы. После мы хорошо балакали и по-украински.

Есть народная мудрость: «каков поп, таков и приход...» Для меня «приход» — медицинский персонал клиники! А началось всё со встречи с доктором, профессором Людвигом Чиком! Высокий седовласый мужчина со спортивной фигурой, голубыми глазами и с какой-то полудетской улыбкой! В Австрии такова медицина, что пациент сам решает, где, у кого ему лечиться. Ничего ни-

кому не платит, главное — социальная страховка в кармане. А ещё лучше, если и частная страховка имеется. Клиника сама, без участия пациента, выставит счёт страховой компании. Кстати, если есть рецепт от доктора, с пометкой SVA, то лекарство в аптеке выдают тоже за счёт социальной страховки. Аптека получит компенсацию от органов соцобеспечения. Даже мне, моряку и бывалому путешественнику, не раз приходилось удивляться — как чётко обустроен быт в Австрии: всё для людей и во имя людей! Профессор Чик, заполнив какой-то бланк, решил вопрос моей госпитализации прямо на моих глазах и... лично сопроводил меня на нулевой этаж к менеджеру. Как такое возможно!?

Мы шли по коридору, спускались в лифте, разговаривали... Встречные люди улыбались, здоровались, о чём-то говорили по-немецки... Меня не удивляет, что незнакомые люди улыбаются друг другу. В моём маленьком украинском селе так было всегда, с детства помню! Вена похожа на село моего детства?! Невероятно, но это так! Конечно, речь не об архитектуре барокко и классицизма. Вот мужчина арабской внешности навстречу нам катит тележку с газетами и журналами, и профессор приветствует его, обращаясь по имени. Человечность! Вот чего нам, бывает, не хватает в больших мегаполисах! Людей вроде доктора Чика. Почётный профессор, но прост, доброжелателен, доступен... Отсюда и почтение, даже любовь пациентов! Важная девица из службы сервиса, увидев его, заулыбалась и помахала рукой! Она-то мне и нужна: покажу зелёную карточку страховки, распишусь — и...никакой бюрократии больше.

В тот же день, как меня разместили в госпитале, доктор Чик сделал нужную мне операцию. Бог ты мой! Кто мог предположить, что я задержусь в госпитале аж на пять суток? Никаких непредвиденных случаев — просто схема лечения такая. Я не предполагал, что профессор сам каждый день будет навещать в палатах

прооперированных... более того — будет лично делать перевязки, а медсёстры только подают ему перевязочный материал. Нет-нет... Я знаю, что любое вторжение в живую ткань человека является серьёзной операцией, даже удаление фурункула! Но столько внимания врача к пациенту оказалось для меня почти невероятным потрясением. И всё же... Так ли работают все врачи в Австрии, как доктор Чик? Человеческие качества раскрылись в профессии, вызывая восхищение: настоящий доктор! Серьёзный, строгий и участливый, хотя и пошутить в охотку любит. Мне удавалось иногда включиться в игру шуток, и после ухода доктора из палаты я ещё долго улыбался! Назавтра, прямо с утра профессор Чик перешёл на русский язык в разговоре со мной. При мне по телефону отвечал пациенту по-румынски. Про немецкий, словацкий, английский, итальянский языки нечего и говорить — владеет, знает и любит, а как же? Европейский доктор!

— Вы почти всегда в клинике, доктор. Даже в выходные! Как вам удаётся такую хорошую спортивную форму поддерживать? — спросил я как-то мимоходом.

— Если Бог дал нам какие-то способности, мы должны их использовать, — и добавил: — Отдыхать надо. Скоро уеду в горы, на неделю. Вот и отдохну!

Делая перевязку, внимательно осмотрел швы и похвалил, словно рассуждая вслух:

— Всё красиво, очень красиво...

— Благодаря вам, профессор.

— Благодарить надо Его, — поднял глаза вверх профессор и... перекрестился.

Есть «приход» — команда врачей и медсестёр — женщин из разных стран, рано или поздно госпиталь становится родным домом и для тех, кто приехал из Сербии, Словакии, Боснии, Чехии, Польши, России, Украины, не перечислить всех стран; есть и австрийки — доброжелательные, заботливые, внимательные... и улыбчивые. Что

это? Профессиональная выучка или стиль жизни? Думается, и то, и другое, и третье...

Кто в России помнит, что 26 октября — Национальный день Австрийской республики? 1955 год, оттуда берёт начало праздник, объявленный в память о провозглашении постоянного нейтралитета республики и вывода с её территории иностранных войск! Официальный выходной, но доктор Чик заходит ко мне в палату с утра, делает перевязку и даёт напутствия, как вести себя после операции.

В субботу покидаю госпиталь, моросит мелкий холодный дождь, но на душе светло и как-то празднично.

Такси катит вдоль Дунайского канала, за стёклами осенние пейзажи: голые деревья, бледно-серая вода, убегающая к большой реке, у стенки причала пассажирские суда, на улицах немногочисленные прохожие с разноцветными зонтами... Осень в Вене — то солнечная, то пасмурная, но всегда беззаботная и прекрасная.

27 октября 2018, Вена.

Послевкусие радости и бодрости...

путевые зарисовки

ПРЕКРАСНЫЙ МИР ХУДОЖНИКА МИХАЭЛА ОУЭНА

Архитектура кипрских горных селений — это комплекс вымощенных камнем извилистых улочек и добротных каменных зданий с ограждением из того же камня. Старинная деревня Лания, находящаяся в предгорьях гряды Тродос, в 20 км от Лимассола, имеет свои особенности. В ней — Церковь Богородицы Хрисалиниотисса, где хранится чудотворная икона Божией матери. Музеи народных промыслов. Настенные панно на домах с фотографиями жителей деревни из прошлых веков. Такое не встречалось мне нигде. Кроме того, здесь, в горах, с середины 60-х годов прошлого века селятся английские художники.

Мы, я и моя дочь Маргарита, приехали в Ланию, чтобы посетить галерею мастера, хорошо известного на Кипре. В первой же таверне нам указали дорогу к его дому. И вот перед нами домик, невелик и немал, на калитке табличка Michael Owen. Нас встретили художник и его жена, известная балерина Jackie (Jacqueline); в своё время она открыла на Кипре балетную школу и преподавала. Как здесь уютно! Тихий дворик с видом на горы, под навесами — выставка живописи с фантастичной палитрой: акварели, картины маслом. Яркие краски, необычные ракурсы знакомых мне кипрских мест, наполненное воздухом пространство, горы, море. Кажется, что ощущаешь терпкий запах предгорья, пение волн, хрустальный морской простор! Вот вьётся грунтовая дорога среди холмов с виноградниками, оливковыми деревьями; слева горная гряда. Выжженная солнцем земля. Но даже среди суши из камней и песка ухитрились какие-то мелкие цветочки поселиться, радуя глаз. Эта картина сейчас в моей московской квартире; пасмурной и морозной зимой она возвращает меня на остров, наполняя душу светом и радостью. А летом весь в мечтах бегу по горной дороге к синеющему вдали морю, а потом наяву покупаю билет на самолёт, бросаю в чемодан ласты с плавательной маской, и... какое-то время спустя перед мной открывается чувственно прекрасный подводный мир, с чудесами, словно нарочно устроенными для меня одного? А вдруг? А вдруг Афродита ещё раз выйдет из моря?

Спасибо, Michael! Спасибо, Jackie! Я к вам обязательно вернусь.

Октябрь, 2015, Лания, Кипр

В жаркое летнее утро...

Однажды побывал я со знакомой в кафе Pralina Confectionery, что находится в Лимассоле на острове Кипр, а потом зачастил в это уютное местечко. В кафе — два зала: большой для некурящих, другой поменьше для любителей расслабиться с сигаретой. Есть ещё веранда. Внутри работает кондиционер. Из жарко-липкого утра словно на берег оазиса попадаешь — с нежной прохладой, с красивыми девушками-официантками и... приятными посетителями, знающими толк в хорошем кофе... А сладости, разнообразные кондитерские изделия от самых маленьких пирожных до великолепных, на любителя оформленных тортов! И вино можно выпить, например, итальянское Prosecco, хотя для изысканного любителя найдутся на выбор марочные вина или хороший ликёр... Но вино — это особый случай, а мы с моими друзьями любим за чашечкой кофе посидеть... А кофе действительно здесь хороший, на любой вкус, как говорится. И сладости... Моя очаровательная собеседница не позволяет себе расслабляться при виде даже самых вкусных пирожных. Фигуру бережёт. А здесь не вытерпела!

Кафе Pralina Confectionery — очень приятное место во всех отношениях: для романтических свиданий, для встреч с друзьями. Но я люблю в одиночестве посидеть за столиком с чашечкой кипрского кофе, люблю понаблюдать за окружающим миром. Вон, например, две

женщины деликатного возраста увлечённо беседуют, а справа от меня за столиком молодая пара, смотрят друг на друга влюблённо, забыв о кофе. А я иногда не прочь поболтать с улыбчивой официанткой, на весь день заряжаюсь хорошим настроением! Всё-таки хорошо, что есть места, где нам хочется побывать, а побывав один раз, с радостью туда возвращаемся.

Оставляю чаевые миловидной официантке Марии и... ныряю в жаркое утро. Но я вернусь, обязательно вернусь! Тем более, что Мария с улыбкой посылает мне воздушный поцелуй. Хотя... не буду расслабляться и поддаваться иллюзиям: не персональный этот поцелуй, а профессиональный. Но как это чертовски приятно, когда тебе шлёт воздушный поцелуй красивая женщина!

25.07.18, Лимассол, Кипр

«И быстрой ножкой ножку бьёт...»

Увы! настала пора возвращаться... Настала пора покинуть прекрасный остров Афродиты...

Я в самолёте, отправляюсь из аэропорта Ларнака, Кипр в Домодедово, Москва аэролинией S-7. Позади месяц безмятежного отдыха: ласковое море, доброжелательные киприоты, старые друзья, новые друзья. Новый друг Александра; у неё чудесная графика — иллюзорный мир, который становится явью под пером художника, работающего в технике графики. На картине — кипрская сиеста в деревне, где кошки, рыбы, голуби, похожие на павлинов, мирно соседствуют... В проёме выходящей во двор двери видна спальня с высокой кроватью. А на кровати нагие Он и Она... На него я не обратил особого внимания, а она поразила меня своими формами, не выдержал и обратился к Ней рифмованными строками:

И вдруг... Отбросив шляпу прочь,
Тряхнув изысканной причёской,
Рванула ты с картины в ночь...
Любви и страсти отголоски
Услышал сердцем. Сотни молний
Мозги пронзили: «Упустил!»
...У изголовья ангел горний
Меня терпеть и ждать учил.

Спасибо, Александра! Твой иллюзорный мир на картинах привнёс в мою жизнь новые ощущения и новые стихи... Но остров неожиданностей и контрастов позади, я в самолёте и... поглядываю с удовольствием на миловидную и приветливую стюардессу. Она мне улыбается, и радость общения, фантазий продолжается. Вот что значит провести отпуск на берегу моря!

Ба! опять неожиданность... Впереди, среди мужских лысин и женских головок, в креслах салона мелькнуло что-то необычное. Присматриваюсь. Пара стройных и загорелых женских ножек под потолком, на перегородке, отделяющей эконом-класс от бизнес-класса!

И вспомнились слова Поэта:

Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совьёт, то разовьёт
И быстрой ножкой ножку бьёт.

«И быстрой ножкой ножку бьёт!» — пропел я вполголоса и засмеялся от радости и от вкусности строчки Поэта.

— «Слова и взор волшебниц сих обманчивы... как ножки их!» — произнесла соседка — седовласая, худенькая старушка интеллигентного вида.

— Браво, мадам! — сделал я реверанс в её сторону, а сам подумал: «Небось учительница... Сейчас начнёт утомлять „Евгением Онегиным“».

— О да... — начала соседка.

— Извините... Пойду плед попрошу у стюардессы. Вам нужно?

— Нет-нет, спасибо. Я простуды не боюсь, закаляюсь, знаете ли...

Но не стал я слушать её речь о пользе закаливания и отправился к стюардессам. Проходя мимо ножек, посмо-

трел на их владелицу. Миловидная. В шортах. Худенькая, с небольшим бюстом. «Не красавица из картины Кустодиева, — подумалось. — Хотя ножки той красавицы могли бы завалить перегородку и свести с ума большую часть мужчин в салоне». Я представил себе крупные белоснежные икры кустодиевской женщины и непроизвольно улыбнулся спешащей навстречу стюардессе.

Потом, накрывшись пледом, я не удержался и украдкой сфотографировал явление чуда на высоте в десять тысяч метров. К счастью, старушка уже дремала в кресле, подперев голову худеньким кулачком с почти прозрачной кожей, и я избежал её комментариев

А ножки продолжали покоиться на стенке под потолком салона. Видимо, устали бродить по пляжам Кипра! А почему бы и не расслабиться?! Тем более, что они симпатичные, загорелые, с ярко-красным педикюром. Спустя какое-то время чудо исчезло, осталась серая перегородка без украшения. Я не удержался и ещё раз прошёлся по коридору салона. Дама спала в кресле, свернувшись калачиком.

В пункте выдачи багажа аэропорта Домодедово я её опять увидел. Маленького роста, с прямой спиной, высокая шея... «Не иначе как балерина...» — пришло на ум, и, видимо, так оно и было. Дама семенила к выходу, ступая вперёд не носками кроссовок, а внутренней стороной стопы. Мне очень захотелось с ней заговорить, но её встречал огромного роста и необъятной толщины мужчина. Красавец, довольно известный оперный артист!

«Какой пассаж, какой контраст!» — подумал я весело, ничуть не жалея о несостоявшемся знакомстве с обладательницей стройных ножек. Потом я ещё долго вспоминал этот полёт, радуясь, что взял билет в эконом-класс, где всегда есть шанс на знакомство с красивой женщиной и даже — на невинное приключение.

28.07.18, борт самолёта Ларнака-Москва

Послевкусие радости и бодрости

Люблю отель «Империал», что располагается в Карловых Варах, в Чехии. Величественное здание, как будто перенесённое в наш современный мир из средневековья. Красивое и гордо стоящее на возвышенности. Его видишь уже с дороги в горах, когда подъезжаешь к Карловым Варам со стороны Праги. Машина выскакивает из-за поворота, и на фоне зелёного горного ландшафта показывается белостенный замок с красной черепичной крышей, увенчанной по углам башнями. Не меньше восхищения испытываешь, когда заходишь внутрь, попадая в просторный холл со скульптурой обнажённой девушки, рядом с ней всегда свежие букеты. Цветы, цветы, цветы... Кажется, что сотрудники соревнуются между собой — у кого самые красивые цветы. Живые и в букетах. Они везде: вдоль дорожек в парке, перед входом в здание, в коридорах, в процедурных кабинетах, в кабинетах врачей, в комнатах гостей. Внутри много простора: комнаты большие и с высокими потолками, широкие коридоры, музыкальный салон...

Карловы Вары славятся минеральной водой, прямо в центре города несколько открытых источников, вода из основного источника подаётся к главному бювету в центре города. В здании отеля есть свой источник минеральной воды. В общем, санаторий как санаторий, но... больше всего нас впечатлила атмосфера праздниц-

ного отдыха: улыбчивые лица персонала, отзывчивые люди — сотрудники регистратуры, многих из них известны мне давно и по именам: пани Вероника, Моника, Влада, Михаэла, Дана; пан Роман и пан Иржи. Любезно и приветливо нам помогала пани Виолетта, оформляла регистрацию на самолёт. Менеджер по бронированию Лада Калманова всегда внимательная, с ней очень приятно общаться. Врач Цвета Брунцликова — опытная и доброжелательная! Почти каждый год я с ней встречаюсь в течение двадцати лет! В ресторане замечательные девушки-официантки: Анастасия, Вера, Рената, Дениса, Кристина и молодой человек Павел. Встречают и провожают улыбками, доброе слово скажут, на шутку ответят шуткой! Повара радовали разнообразными и вкусными блюдами — шедеврами «шведского стола». О, не могу не выразить слова благодарности всем медсёстрам в процедурных кабинетах, а также тем милым женщинам, которые заботились о чистоте и уюте нашего номера. Спасибо садовнику — парк его стараниями прекрасен.

Две недели отдыха пролетели как один день! Осталось послевкусие радости и бодрости. Лечение — минеральная вода, массажи, углекислые ванны, кислородные коктейли, грязевые процедуры, ингаляции, чистейший воздух творят чудеса! Послевкусие радости и бодрости остаётся надолго.

В иллюминаторе самолёта — лазурное майское небо и редкие белые облака. Где-то далеко на земле остался красивый замок с красной крышей и с башенками-колонками, стоящими по углам. Я представил в уме дорогу, по которой спускался вниз к бювету 2-3 раза в день, огромные кусты рододендрона, обильно покрытые цветами — белыми, красными, фиолетовыми, бордовыми... В разные времена года бывал я в этих местах и находил свою красоту, свои прелести. Осенью меня встречала знакомая белочка, она прыгала с ветки на ветку орехового дерева, видимо, собирая орехи на зиму. Разодетые в

осенние наряды деревья и... запах грибов. Летом игра духового оркестра около галереи в центре города. Помните? «В городском саду играет духовой оркестр...» — в московских парках не играет, к сожалению, и уже давно не играет. Может, стоит приезжать в Карловы Вары, чтобы в толпе людей стоять и слушать классическую музыку в исполнении духового оркестра? Слушать и смотреть на празднично одетых музыкантов, на сверкающие в лучах закатного солнца медные трубы. Слушать и думать о своём...

И зимой я бывал в Карловых Варах: не холодно, но на улицах малолюдно. Мне очень нравится прогулка по ночным улицам, когда вокруг никого. Иллюзия: один я и старинный город... Но нет, не один — навстречу катит коляска, запряжённая парой вороных, я поднимаю руку и... продолжаю прогулку в коляске с девушкой-кучером.

Четыре времени года, четыре ощущения радости и счастья... Улетая, мечтаю, что на следующий год я обязательно вернусь в Карловы Вары. Вернусь, обязательно вернусь и прокачусь по знакомому маршруту с кучером Кристиной!

Удаляемся от города по серпантину горной дороги, и за очередным поворотом внезапно встанет внизу такой знакомый и родной силуэт замка с красной черепичной крышей... С этой мыслю я засыпаю в уютном кресле самолёта.

03.06.18, борт самолёта Прага-Москва

К юбилею односельчанина

В живописной долине украинского Полесья располагается маленькое украинское село Долочье... Там Хмельниччина граничит с ровенской землёй. Тянутся белые хатки между речушкой Вилией и бегущим наперегонки с ней каменным трактом, проложенным ещё при царе и потом перестроенным в асфальтовую дорогу. Красивые места!

Это — холм под названием Пуща,
И село, что стоит пред глазами.
Это — дед по тропинке идущий,
Это смех молодой моей мамы.

Это — радуги мост через речку
И травы свежескошенной запах,
Сказки бабушки Марты при свечке
И мечты о придуманных странах...

Вот в этом селе и родился наш юбиляр этак лет... с полсотни назад, если судить по его молодцеватому виду. Собственно, возраст не так важен! Борис Андреевич после окончания средней школы по осени вслед за журавлями улетел на... комсомольскую стройку. А дальше жизнь понесла его по разным дорогам, но в верном направлении: к морю. И откуда у нас, сельских пацанов,

появилась эта тяга к морской романтике? Борис служил, учился, трудился и стал морским офицером высокого ранга... Его службой и призванием стали защита общей родины, в то время Советского Союза! А я служил в морском торговом флоте! И никогда наши пути-дорожки не пересекались ни на суше, ни на море. А вот вчера пересеклись, мы впервые за долгие годы встретились в городе Петра Великого, северной жемчужине России. Старые друзья, новые друзья... Вчера Борис Андреевич познакомил меня со своим другом Григорием Чергазией. Встретились в первый раз, а кажется, что я знаю Гию всю жизнь! Два украинца и грузин, провели замечательный вечер! Словно в старые добрые времена, когда у моих друзей-моряков грузин, украинцев, белорусов, армян, россиян была одна родина на всех! Но и сейчас у нас много общего — и это, прежде всего, православная вера!

На юбилейном вечере звучали слова о дружбе и чести и об ответственности... Умеет мой земляк и дружить, и дело делать. И я подумал, что именно на таких людях держится земля наша, о таких поют песни, с такими можно идти в разведку.

«В разведку с ним бы я пошёл», –
Мы часто слышим в обиходе.
Так настоящих мужиков
Без лишних слов зовут в народе.

И слово русское «мужик»
Иметь не может двух стандартов.
Я понимать его привык,
Как эталон, как признак марки.

«За даму голову сложить» –
Девиз мужской и небанальный.
России преданно служить
Мужчина призван изначально.

На следующий день, вечером, гуляли мы с Борисом по Невскому. Шли не спеша и вспоминали. Вспоминали свою родину — маленькое село Долочье. Школу вспоминали, учителей, соседей, друзей... Многих уже нет на этом свете, а мы помнили и говорили о них как о живых.

— А помнишь, Боря, праздник — день Купала,
Как разгорался за селом костёр?
Судьба, мой друг, тебя поцеловала,
Иль шёл по жизни ей наперекор?

— А Катю помнишь?
— Катю? После школы
Красавица исчезла насовсем...
— Нет, Катя замуж вышла за монгола
И родила детишек ровно семь.

Небо над Невским было безоблачное, тёмно-голубое. Тёплый и радостный вечер, праздничное настроение. Удивительное дело — первая встреча двух товарищей, земляков, спустя полвека после окончания школы... Казалось, что мы вернулись в юность, на нашу малую родину — село Долочье, что располагается на Хмельниччине, в живописной долине украинского Полесья. Обещали друг другу, что обязательно встретимся в родном селе, где покоятся наши родители и где живут близкие нам земляки-односельчане.

13.08.18, Санкт-Петербург

ВЕНА. БОТАНИЧЕСКИЙ САД. БЕЛЬВЕДЕР

Тихая венская улица Райзнерштрассе. Иду в сторону Ботанического сада. Слева от меня комплекс посольства России, чуть подальше, на параллельной улице — величественный православный храм с позолоченными куполами. Впереди, метров через сто пятьдесят — довольно оживлённая улица, пересекаю её — и через три минуты я в Ботаническом саду. Боже мой, какая красота! Царство деревьев, кустарников, цветов, собранных со всего мира. Серединный октябрь — благодатная пора. Большинство деревьев ещё зелёные, но их уже тронул багрянец. А вот виноградная лоза обвила ствол ивы какой-то диковинной породы, и кажется, что как будто прекрасная дама пришла на запоздалое свидание в светло-бордовом платье. С кем же? Может, с великаном-дубом, стоящим поодаль? Нет-нет, он слишком стар для дамы! Ему, наверное, лет за сто?! Вон какой огромный ствол, рукастые ветви раскинул на поляне, он — король, к нему не подступиться, да он и не потерпит рядом других соседей. Дуб есть дуб. Все деревья в саду, цветы и кустарники — большая семья, соседствуют мирно, но дуб — единственный и неповторимый, словно царь-государь.

А здесь выразительные, сухие кустистые травы, не знаю их имён, но любуюсь их соседством с ватагой крупных и мелких цветов, ярких и скромных. Что высыпали, дорогие мои, на поляну? Пока ещё за двадцать гра-

дусов тепла, хотя ночами довольно прохладно, но вам ли опасаться ночей? Цветам — всё нипочём! Последние октябрьские денёчки гуляют... Вон высокий куст с крупными колокольчиками стоит на солнечном пригорке, словно только что заявился из заморского края. У каждого цветка — своя судьба с описанием её на табличке: какого роду-племени и как зовут. Впрочем, при всех обитателях сада имеются беленькие таблички, даже у трав, высоких и сухих. Отжили, милые, своё, чтобы возродиться весной и приукрасить зеленью этот холмик. Сколько же здесь трав, мхов собрано? Сотни и сотни... Сегодня я пришёл сюда любоваться, фотографировать и любоваться. Люди ходят парами, с детьми и поодиночке, идут по грунтовым дорожкам, ищут удачные ракурсы и снимают, снимают, снимают... Ба! Кто же это тут оказался? Незабудка? И её пригласили на бал? Где-то в полях её нещадно преследуют, а здесь ей почёт и уважение!

В самом центре тихой Вены
Есть заветный уголок.
Тайну мыслей сокровенных
Знает скромненький цветок.

Здравствуй, родная, незабудка полевая — окультуренный сорняк. Синева родных очей!

Покидаю Ботанический сад через боковую калитку, прозаическую, без вензелей и плетёных решёток. Поражаюсь красоте! Великолепный верхний дворец комплекса Бельведер! Внизу нижний дворец, а за ним городские здания, дальше — предгорье Альп. Вид, от которого дух и всё, что ни есть в душе, захватывает! Красота купается в скромном свечении осеннего солнца. По комплексу бродят слегка обалдевшие туристы, прибывшие чуть ли не со всего мира. Что с ними случается, когда они попадают внутрь верхнего дворца, где собраны картины Густава Климта, Эгона Шиле, Оскара Кокошки? Я представляю,

потому что сам подолгу простаивал у этих шедевров... В душе моей тихая радость вдруг вспыхивала искрами восторгов и удивлений! Перед «Поцелуем» Густава Климта я почему-то мог стоять, не замечая времени и не отрывая глаз от рук женщины; мне казалось, что я чувствую прикосновение её трепетных пальцев... Исходящий золотой свет от полотна, покорность женщины в поцелуе вызывали раньше и бередят теперь массу живых воспоминаний...

Принц Евгений Савойский! Родившись в Париже, поступил волонтёром в австрийскую императорскую армию... Выдающийся полководец, генералиссимус. Вспоминаю памятник на Площади героев комплекса Хофбург: словно взлетает на вздыбленном коне воин в доспехах Евгений Савойский! Это по его указанию в 1716 году построен Нижний Бельведер, а позже и Верхний Бельведер. Это ему австрийцы и приезжающие в Вену гости благодарны за памятник — великолепный дворцовый комплекс. В своё время это была резиденция принца, а теперь эта красота принадлежит народу Австрии! Возможно, сегодня, в этот осенний день принц смотрел с Небес на дворцы и радовался, ведь он не только воевал, разрушая, но и создавал прекрасное, благодаря этому имя принца Савойского известно и уважаемо во всём мире, независимо от политических пристрастий правительств и правителей.

В самом центре тихой Вены —
Незабвенный Бельведер,
В мир прекрасный, сокровенный
Я открыл случайно дверь...

14 октября 2018, Вена

ВЕНА. КЕРТНЕРШТРАССЕ

Куда не кинь взгляд в Вене, почти везде увидишь памятники культуры, почуешь дыхание истории, услышишь её в музыке, в песнях. Вот предо мной — Собор св. Стефана! Величественная готика! Улетают в небо его ребристые, остроконечные башни... А чтобы совсем не улететь ввысь, посредине маленькие башенки! Сколько деталей в ажурно-кружевной конструкции! Как можно было сотворить такое чудо?! Люди жили в другом мире, менее техническом, но духовно более совершенном, вручную создавали этакую красоту! Ведь собору более 800 лет! И я не удерживаюсь и вслед за туристами в который раз нацеливаю объектив фотоаппарата на башню. Потом — ниже и ещё ниже. В кадр попадает группа туристов, слышу китайскую речь: девчонка-гид что-то живо рассказывает своим землякам. Люди, люди и люди... Вот две велосипедные коляски, фиолетовая и синяя: всё для тебя, турист! Садись — современный «рикша» будет катать тебя по улицам истории и её площадям и рассказывать о смыслах и содержаниях прошлой жизни города... Чуть подальше, сбоку площади св. Стефана стоят пароконные экипажи, подходя, чую специфический запах средневековья, хотя место стоянки поливают водой, его аромат неистребим. Мне, признаться, этот аромат приятен, поскольку напоминает детство, колхозную конюшню. Летом мы гоняли с пацанами табун коней в ночное, купали их в речке... Где моё маленькое украинское село Долочье, а где Вена!? Но между ними есть общее: и там, и здесь можно видеть красивых коняг! Хотя, к сожалению, техника и глупость людская почти вытеснили их из села, а здесь они — вовсе экзотика; «венская коляска» — классическая деталь к красоте каменного города. И какое это удовольствие — сидеть в экипаже и под ритмичное цоканье копыт наблюдать окружающий мир, посматривая с высоты на суету вечернего города. С любопытством рассматриваю взирающих на мир со стен, с крыш, с балконов домов каменные изваяния богов, богинь, ангелов, птиц, неведомых мне истуканов... Как надо любить свой дом, свою улицу, свой город, чтобы так украшать в течение столетий и столетий...

Никуда не спешу я, иду по Кертнерштрассе. Сколько раз гулял по этой всегда полной туристов улице и всегда находил для себя что-то интересное и ранее не замеченное. А если чуть-чуть отойти в сторону на боковую улочку? Вот с высоты на меня смотрят два юноши, поддерживают монументальный балкон. Каменные стражи жилища? Воины? Уверен, что за этими изваяниями кроется какая-то история дома, квартиры или семьи... Но я возвращаюсь на Кертнерштрассе — улицу туристов и музыкантов, акробатов, танцоров и... живых истуканов. Вот Клеопатра в пурпурном плаще стоит посреди улицы... Ни одна мышца не дрогнет на её покрытом белилами и нарумяненном лице.... И её взгляд, кажется, застыл на века! Но как только молодой человек подходит и бросает монетку в коробку у ног Клеопатры, царица оживает и делает реверанс! В другом месте темнокожая девушка, прикрыв глаза, играет на скрипке, виртуозно водит смычком по струнам... Мелодия любви... Останавливаются люди, слушают, опускают монеты в футляр скрипки и с просветлёнными лицами неторопливо продолжают свой путь.

И я иду дальше, посматривая по сторонам или вглядываясь в незнакомых мне людей. Я — один из них. Вот чуть дольше задерживаю взгляд на женщине преклонного возраста в чёрной шляпе времён императрицы Елизаветы Австрийской, любовно прозванной в народе Сисси. И в ответ поразительно юная улыбка. Прикладываю руку к сердцу, улыбаюсь женщине и продолжаю свой путь. Впереди кафе «Аида». Возвращаясь из Вены в Москву, я всегда привожу из этого кафе свежие яблочные штрудели, продавщица при мне посыпает их сахарной пудрой и укладывает в красивую фирменную коробку. Дома мы пьём чай с венским лакомством, вспоминаем Кертнерштрассе.

Лет пять назад, сидя в кафе за чашечкой кофе, я придумал историю и записал её в стихах... Потом киевский композитор Леонид Нечипорук превратил стихи в песню. И зазвучала она на концертах Леонида Матвеевича, а киевские друзья задались вопросом, с кем поэт проводил время в Вене, о ком он так печалится?

Кафе «Аида» помнит многих...
Возможно, в этом самом зале
Пил кофе Шуберт, пели боги,
Незримо ноты здесь летали...
А за окном, на пьедесталах,
Играли роль свою шуты.
Я у окна, за столик сяду,
Где вы, весёлая, сидели,
И были вам здесь очень рады...

Вена! Здесь особый дух! Особая атмосфера! Невозможно не поддаться элегическому настроению. По брусчатке старинных улочек когда-то ходил гений Моцарт. И куда бы вы не пошли, обязательно встретитесь с памятью о нём. Под сенью храма св. Стефана стоят одетые в старинные костюмы молодые люди и приглашают на концерты — послушать музыку композитора. Кажется, недавно это было: я оказался в старинном зале. Появилось стихотворение «Слушая музыку Моцарта в Вене» — моё впечатление от услышанного и увиденного на том концерте. Потом тогда ещё семнадцатилетняя Станислава Лясота, киевский композитор, написала музыку — и... опять песня, которая живёт до сих пор:

Вечерняя Вена: высокие ноты,
Поющая скрипка, загадочный взгляд,
Зеркал благородство, дворцов позолота,
Рожки серебрятся и люстры дрожат.
...Мелодии Моцарта тайной покрыты.
Но разве по силам мне тайну открыть?..

Прохладный ноябрь, Кертнерштрассе заполнена людьми, австрийцами и приезжими со всего мира. Я занимаю место за столиком на открытой веранде кафе «Аида». Осеннее солнце заливает скупым светом прилегающую площадь, заполненную гуляющим людом. В моих руках чашка кофе с шоколадной пенкой и... предо мной весь мир словно сходится в центре Вены.

04. 11.18, Вена

Маленькая Япония в Вене

На скоростном лифте бесшумно взлетаем на седьмой этаж «Гранд отель», что на Kärtner Ring, недалеко от Оперного театра в Вене. И перед нами японский ресторан Unkai. Словно по мановению волшебной палочки, я оказываюсь в знакомой по моей моряцкой юности обстановке: нас встречает статная красивая японка в цветном кимоно. «Гейша!» — всколыхнула первая мысль. Но нет, не гейша. Те высокого роста не бывают. Японка, улыбаясь, препровождает в зал с аккуратными столиками, цветами живыми и искусственными символическими картинами... Наш стол уже сервирован на троих строго по-японски: мини-букетик фиалок, палочки для еды в цветной бумажной упаковке с маркой ресторана и горячие белые салфетки на чёрной подставке из добротного пластика.

Со мной очаровательные девушки — Алеся и Катя. Дружеский обед. Обстановка располагает к непринуждённому общению. Мои спутницы служат в солидной фирме, с которой я давно сотрудничаю, у нас есть о чём побеседовать. Но здесь, в японском ресторане, мы не собираемся говорить о делах. Обо всём, что нужно, уже обговорено в офисе, сейчас я рассказываю девушкам о своей Японии, знакомой мне не понаслышке. Алеся давно мечтает о поездке в островную страну, много читала о ней и много чего знает. С Катериной я встречаюсь

второй раз и пока не имею представления о её предпочтениях, хотя почему же... Катя с детства жила с родителями на другом острове, тоже в близком и дорогом для меня месте. На Кипре. Окончила там английскую школу, колледж... Она, как и я, любит Кипр, но не столь сильно, чтобы остаться там на всю жизнь, поэтому приехала в Вену, окончила университет, и вот, несмотря на молодость, она уже признанный эксперт в своём деле. А с Алесей я дружу едва ли не сотню лет, так мне кажется; с тех пор как она, студентка университета, оказалась на практике в известном банке. Ну что, сто лет? А сказал для красного словца, ведь девушки молоды и ослепительно красивы, впрочем, по отношению ко мне выражение «дружим сто лет» можно считать уместным с учётом моего возраста. Что не скажи, а дружба с молодыми имеет много плюсов, я в уме слагаю возрасты девушек с моим, делю на три, и получается, что в среднем мне, возможно, около сорока. Недурно! И соответственно шучу, рассказывая о разных впечатлениях от Японии.

Маленького росточка японка приносит в чёрных деревянных коробочках обеды. Миниатюрные порции размещаются в четырёх отделениях ящичка, рядом — обязательный соевый соус. Помню из прошлых поездок в Страну восходящего солнца, что такие обеды называются бэнто. Они очень популярны в Японии: подают в поездах, самолётах, берут с собой на пикники, да и в городе можно перекусить, купив такую коробочку в лавке. Портативность — особенность такой еды. Но чтобы в ресторанах подавали бэнто? А с другой стороны, почему бы нет? За тебя заранее продумали твой обед: рис, мясо, рыба, тофу, различные закуски в виде салатов, морских водорослей, грибов... Сочетание блюд может быть разное, вариантов таких обедов множество. Каждый выбирает себе по своему вкусу. Всё-таки наши обеды — не из походного бэнто, наши — в коробочках солидных и краси-

вых. Кроме того, были поданы традиционные японские рыбные блюда: суши — маленькие порции отварного риса, обёрнутые сухими морскими водорослями с кусочком рыбы наверху; сашими — нарезка из свежей рыбы и морепродуктов. Хотя я думаю, большинство читателей знакомо с японской кухней, знают, что суши и сашими берут палочками, макают в соевый соус, разбавленный с васаби (что-то наподобие русского хрена), и не употребляют, а вкушают. Я насчитал в своей коробочке двенадцать видов разных блюд. Порции маленькие, но в целом достаточно, чтобы насытиться и получить удовольствие от разнообразия японской кухни. Чтобы окончательно погрузиться в японскую атмосферу, мы заказали подогретое саке — рисовую водку... Нам принесли маленький фаянсовый флакончик с тёплым ароматным напитком и белые фаянсовые стаканчики ёмкостью с три напёрстка. Девушкам хватило по одному стаканчику, чтобы почувствовать вкус и аромат саке, но я понял, что тёплая рисовая водка ассоциировалась с рисом и никак не впечатлила их. А меня очень даже впечатлила. Холодной осенью и зимой японцы смакуют саке в вечернее время за ужином. Помнится, в бытность мою капитаном судна я в первый раз попробовал этот национальный напиток на приёме, устроенном японским партнёрами; рюмка была такая маленькая, что я вначале не почувствовал ни вкуса, ни винных паров... И только когда принесли специально фужер, вероятно, после третьего тоста, я оценил японскую культуру употребления рисовой водки... по крепости слабее сухого вина.

Обед наш заканчивался восточным мороженым и зелёным чаем. Впрочем, чай на столе всегда, от начала и до конца обеда по-японски.

— Японский зелёный час ароматнее и вкуснее, чем саке, — шутила Алеся.

— Чая много, саке мало, — отшучиваюсь я, — а надо бы — наоборот!

— На Кипре я была приучена к кофе... Какое удовольствие получаешь, когда варишь кофе в турке сама — и от самого процесса варки, и от аромата кофе, — подхватывает беседу Катерина.

Закончился обед. Девушки отправились в офис. Я гуляю. Подхожу к дворцу Хофбург. Женщина-экскурсовод, вероятно, в сто первый раз рассказывает группе туристов из России, что император Франц-Иосиф любил смотреть из окна первого этажа своей зимней резиденции на эту площадь и на гуляющих по ней подданных, ради которых была развязана первая мировая война. Интересно, что бы император сейчас сказал, взгляни из окна на современную Вену, такую притягательную для туристов со всего мира? «Все флаги в гости будут к нам», — провозгласил когда-то великий русский поэт. Его предсказание сбылось для России. Не в меньшей мере эти слова относятся и к Австрии, культурному центру Европы, ставшей меккой для туристов. Отсюда и маленькая Япония — ресторан Unkai в центре Вены. Вряд ли я уже соберусь полететь в далёкий Токио, а вот ещё раз посетить уголочек Японии в Вене, на седьмом этаже Grand Hotel обещаю как-нибудь вечером в компании Алеси и Катерины, ведь надо им перед поездкой в Японию получше узнать японскую кухню, попробовать знаменитые японские мясные блюда скияки, сябу-сябу, да и научиться пить тёплое саке, изображая на лице неподдельную радость от его вкуса.

Лишним не будет рассказать девушкам о своём токийском друге Шигенори, музыканте-любителе, играющем на флейте настолько талантливо, что ему доводилось выступать в лучших концертных залах Европы. Обязательно попрошу его подготовить культурную программу для девушек... А вдруг сам надумаю и махну на Восток, чтобы увидеть восходящее солнце. Из Тихого океана оно встаёт и достигает России, Австрии и других европей-

ских стран, исчезая затем в холодных водах Атлантики до следующего дня! Два края земли — два края людей... Вернуться на берега, где моя капитанская юность бродила-летала?.. Возможно ли? Не знаю. Но почему бы не попробовать?

07.11.18, Вена

Содержание

И снова Мареев...
(Предисловие М. Замшева) *3*

ТИХИЕ РАЗДУМЬЯ
(рассказы)

Этот дом сумасшедших — фейсбук 8
Дурманящие запахи острова 34
1. Пляж нудистов 34
2. Мифы и реальность 40
3. Японское биде 46
4. В парке Дасуди — о сокровенном... 50
5. Не с той ноги... 62
6. Прощание с Кипром 69
Неоконченная история 73
Утреннее настроение 84
Такие разные и такие одинаковые... 96
1. Раб семьи 96
2. Рабыня страсти 104
Золотой зуб 113
Рафинированная женщина 121
Полуночный гость 133
Тихие раздумья (триптих) 145
1. Без подтекста и без намёков 145
2. В багетной мастерской 147
3. Вечер с певицей 150
Один осенний день... 154
Человек и пёс безродный 162
Предновогодний казус 170

ЖИВЫЕ КАРТИНКИ ВОСПОМИНАНИЙ

(очерки)

Две стороны медали 176
В родном краю 183
1. Старая школа 183
2. Аисты возвращаются 186
3. Моя хата с краю 189
4. Дорога из Долочья в Изяслав 192
В любви вся правда и сила 196
«Не відлітай...»
(воспоминания о поэтессе
Галине Калюжной) 202
Мишка 209
Рамушкин Бор Петра Редькина 212
Мои дорогие японцы... 214
1. Морская форма с галунами 218
2. Бизнесмен, политик, друг 221
3. Сердце, скреплённое любовью 225
4. Ничто не проходит бесследно... 228
5. Необъяснимая японская душа 231
6. О любви на замёрзшей земле... 234
Живые картинки воспоминаний
(триптих) 234
1. Самые первые... 234
2. Ничего не вернуть и не исправить... 238
3. Брат родился 242
«Каков поп — таков и приход...»
(частная клиника «Дёблинг», Вена) 245

ПОСЛЕВКУСИЕ РАДОСТИ И БОДРОСТИ

(путевые зарисовки)

Прекрасный мир художника Михаэла Оуэна 252
В жаркое летнее утро... 254
«И быстрой ножкой ножку бьёт...» 256
Послевкусие радости и бодрости 259
К юбилею односельчанина 262
Вена. Ботанический сад. Бельведер. 265
Вена. Кертнерштрассе 268
Маленькая Япония в Вене 272

Литературно-художественное издание

Матвеев Александр Иванович

ДУРМАНЯЩИЕ ЗАПАХИ ОСТРОВА

(рассказы, очерки, путевые зарисовки)

Корректор – ___
Редактор — М. Полонская
Выпускающий редактор – А. Баранова
Дизайн, верстка – А. Дирижаблев

Подписано в печать __.2019. Формат 84х108/32
Гарнитура «Petersburg». Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9
Тираж __ экз. Заказ № 1468

ISBN 978-5-00095-716-5

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская
д. 50а/5, тел.: (495)690-67-19

www.uniki.ru